

Морис Леблан

«ТЕРРА» - «TERRA»

Полая игла

Морис Леблан

Морис Леблан. Полая игла
I. Выстрел
II. Изидор Ботреле, ученик в классе риторики
III. Труп
IV. Лицом к лицу
V. По следу
VI. Исторический секрет
VII. Трактат об игле
VIII. От Цезаря к Люпену
IX. Сезам, откройся!
X. Сокровище французских королей

Морис Леблан
Полая игла

I. Выстрел

Раймонда прислушалась. Шорох повторился опять, достаточно четкий, чтобы его можно было отличить от прочих неясных ночных звуков, но однако же столь тихий, что она не в состоянии была определить, откуда он доносился, из глубины ли замка или снаружи, из сумрачного парка.

Она тихонько встала. Окно было приоткрыто. Девушка слегка приотворила ставни. Лужайки и купы деревьев были залиты лунным светом, среди них мрачно возвышались то тут, то там развалины старинного аббатства: усеченные колонны, куски сводчатых стен, портиков, остатки арок. От легкого дуновения ветерка, скользящего меж неподвижных голых ветвей, чуть шевелились только что появившиеся маленькие листочки в цветниках.

Внезапно звук повторился снова… Он шел слева, с нижнего этажа, где располагались гостиные западного крыла замка.

Сильная и храбрая от природы, сейчас девушка была охвачена страхом и тревогой. Она набросила одежду и взяла спички.

— Раймонда… Раймонда…

Тихий, как дыхание, голос раздавался из соседней комнаты, дверь в которую не была закрыта. Она ощупью направилась туда.

Кузина Сюзанна, выбежав навстречу, бросилась к ней.

— Раймонда… это ты?.. Ты слышала?

— Да… А ты не спишь?

— Наверное, меня разбудила собака… давно уже. Но она больше не лает. Сколько может быть сейчас времени?

— Около четырех.

— Слышишь? В гостиной кто-то ходит.

— Не волнуйся, Сюзанна, ведь там твой отец.

— О, значит, он в опасности. Его спальня рядом с гостиной.

— Там же еще господин Даваль.

— Он в другом конце замка. Как же он может услышать?

Они не знали, на что решиться. Позвать на помощь? Закричать? Страшно было даже чуть повысить голос. Но тут Сюзанна, выглянув в окно, не смогла сдержать сдавленного вскрика:

— Смотри… У бассейна человек.

И в самом деле, там кто-то был, какой-то человек быстро удалялся. Он нес под мышкой

довольно большой предмет, однако они не смогли разглядеть, что это было такое. Предмет этот задевал его за ногу, мешая идти. Они увидели, как неизвестный прошел мимо старинной часовни, направляясь к маленькой дверце в стене. Видимо, дверь была открыта, так как человек пропал из виду, и они даже не услышали обычного скрипа петель.

— Он шел из гостиной, — прошептала Сюзанна.

— Нет, если бы он спустился по лестнице и прошел через вестибюль, то вышел бы левее. Если только не…

Обе подумали об одном и том же и высунулись из окна. Прямо под ними к стене была приставлена лестница, достававшая до второго этажа. На каменном балконе была видна полоска света. Вот появился еще один человек, тоже с ношей, перелез через балкон, спустился по лестнице и скрылся тем же путем, что и первый.

Потрясенная Сюзанна без сил опустилась на колени, шепча:

— Позвать… позвать на помощь!

— Кто услышит? Твой отец… А если там еще кто-то есть, он набросится на него.

— Может быть, слуг позвать? Из твоей комнаты

можно позвонить к ним на этаж.

— Да… да… наверное, это хорошая мысль, лишь бы они не опоздали!

Раймонда нащупала возле кровати электрический звонок и нажала кнопку. Наверху зазвенело, и им показалось, что снизу тоже услышали этот звук.

Они ждали. Тишина становилась угрожающей, и даже ветер не шевелил больше листья на кустах.

— Мне страшно… мне страшно… — повторяла Сюзанна.

И вдруг в глубокой ночи у них над головой послышался шум борьбы, грохот опрокидываемой мебели, вскрики, а затем ужасный зловещий хриплый стон живого существа, которому перерезают горло…

Раймонда бросилась к двери. Сюзанна в отчаянии повисла у нее на руке.

— Нет, не бросай меня, мне страшно…

Раймонда оттолкнула ее и бросилась в коридор, а та поспешила следом за ней, пошатываясь от стены к стене и испуская пронзительные вопли. Раймонда добежала до ступеньки и вдруг замерла на пороге гостиной, а рядом с ней и Сюзанна в полуобморочном состоянии. В трех шагах от

них с фонарем в руке стоял мужчина. Луч фонаря был направлен на их лица, слепил их. Человек спокойно их разглядывал, затем не торопясь взял фуражку, подобрал с пола обрывки бумаги и несколько клочков соломы, стер следы на ковре и, подойдя к балкону, обернулся к девушкам с поклоном, чтобы исчезнуть в следующее мгновение из виду.

Сюзанна первой бросилась в маленький будуар, отделяющий спальню отца от большой гостиной. Но на пороге оцепенела.

В лунном свете на полу виднелись распростертые рядом два неподвижных тела.

— Отец!.. Отец!.. Это ты?! Что с тобой? — в панике закричала она, склонившись над одним из них.

Чуть погодя граф де Жевр пошевелился. Слабым голосом он ответил:

— Не бойся… Я не ранен. А как Даваль? Он жив? А нож? Где нож?

Тут вбежали двое слуг со свечами в руках. Раймонда склонилась над вторым лежавшим и узнала Жана Даваля, секретаря и доверенное лицо графа. Лицо его уже покрыла мертвенная бледность.

Тогда она поднялась, вернулась в салон, сняла

со стены ружье, зная, что оно заряжено, и вышла на балкон. С тех пор как неизвестный ступил на лестницу, не прошло и минуты. Значит, он не мог далеко уйти, тем более что ему пришлось убирать лестницу, чтобы никто не мог спуститься вслед за ним. И верно, вскоре она заметила, как он пробирается вдоль развалин монастыря. Вскинув ружье, она спокойно прицелилась и выстрелила. Человек упал.

— Попали! Попали! — обрадовался один из слуг. — Теперь не уйдет. Побегу туда.

— Нет, Виктор, он снова приподнимается… спускайтесь по лестнице и бегите к дверце в стене. Только через нее он может выйти.

Виктор ринулся туда, но не успел он выскочить из дому, как человек снова упал. Раймонда позвала другого слугу:

— Альбер, видите его там? У Большой аркады?

— Да, ползет по траве… Его песенка спета.

— Следите отсюда за ним.

— Да, теперь не убежит. Справа от развалин открытая лужайка.

— А Виктор пусть сторожит у дверцы слева, — приказала она, снова берясь за ружье.

— Не ходите туда, мадемуазель!

— Нет-нет, — решительно возразила она, — не

мешайте… есть еще один патрон… если он двинется с места… — она сделала резкое движение.

И вышла наружу. Чуть позже Альбер заметил, она шла к развалинам. И он из окна крикнул:

— Он дотащился до аркады и спрятался за ней. Теперь его не видно… осторожно, мадемуазель…

Раймонда обошла старинный монастырь кругом, чтобы отрезать злоумышленнику пути к отступлению. Вскоре Альбер и ее потерял из виду. Прошло несколько минут. Так как она не появлялась, слуга забеспокоился. Он решил тоже выйти, но не через дверь, а, продолжая наблюдать за развалинами, попытался дотянуться до приставной лестницы. Это ему удалось, он быстро соскользнул вниз и побежал прямо к аркаде, возле которой в последний раз видел человека. Примерно в тридцати шагах от нее он и увидел Раймонду — та искала Виктора.

— Ну как?

— Не поймаем никак, — ответил Виктор.

— А дверца?

— Я как раз оттуда… вот ключ.

— Все же… должен же он…

— О, с ним все ясно. Не пройдет и десяти минут, как мы изловим его, бандита.

Фермер с сыном, разбуженные выстрелом,

прибежали с фермы, постройки которой возвышались далеко справа. Хотя ферма находилась в пределах замковых стен, они никого не встретили на своем пути.

— Вот черт, — воскликнул Альбер, — не мог же мерзавец выйти из развалин... Верно, прячется где-то в укромном уголке.

Начались тщательные поиски, они обыскали каждый куст, даже раздвигали плющ, обвившийся вокруг колонн. Убедились, что часовня была крепко заперта и все стекла целы. Обошли монастырь кругом, не пропустив ни одного подозрительного угла. Все было напрасным.

Единственная находка: в том месте, где упал человек, подстреленный Раймондой, подобрали рыжую кожаную шоферскую фуражку. И все.

В шесть утра вызванные из Увиль-ля-Ривьер жандармы прибыли на место происшествия. Они уже успели срочно направить в прокуратуру Дьепа описание обстоятельств преступления, указав, что поимка преступника неизбежна и что обнаружены его головной убор и кинжал, которым было совершено убийство. В десять утра на дороге, плавно спускающейся к замку, показались две машины. Та, что получше, везла заместителя прокурора и следователя с секрета-

рем суда. В другой, скромном кабриолете, ехали двое молодых репортеров из «Журналь де Руан» и солидной парижской газеты.

А вот и замок. Бывшее аббатство Амбрюмези, разрушенное революцией и восстановленное графом де Жевром, уже более двадцати лет владевшим замком, представляло собой жилое здание, на самой высокой части которого красовались башенные часы. В обоих боковых крыльях имелось по крыльцу, огороженному каменной балюстрадой. Поверх замковых стен, за плато, расположенным на высоких нормандских скалах, между селениями Святой Маргариты и Варенжвилем виднелась голубая полоска моря.

В замке жил граф де Жевр с дочерью Сюзанной, хрупким очаровательным светловолосым созданием, и племянницей Раймондой де Сен-Веран, лишившейся за два года до описываемых здесь событий и отца и матери. Жизнь их текла спокойно и размеренно. Время от времени в замок наведывались соседи. Летом граф почти каждый день вывозил обеих девушек в Дьеп.

Сам он был высоким седеющим мужчиной. И хоть обладал значительным состоянием, лично вел свои дела и управлял владениями с помощью секретаря Жана Даваля. Сразу по приезде сле-

дователю был предоставлен доклад командира отделения жандармерии Кевийона. Злоумышленник все еще не был задержан, хотя поимка его была лишь делом времени. Все выходы из парка охранялись. Скрыться невозможно.

Группа блюстителей закона прошла через большую гостиную и трапезную первого этажа и поднялась на второй этаж. Им бросилось в глаза, что в ограбленном салоне царил полный порядок. Не похоже было, чтобы передвигали хоть что-то из мебели или переставляли какие-нибудь безделушки, все предметы, казалось, стоят на своих обычных местах, не заметно было пропажи. Справа и слева на стенах висели великолепные фламандские гобелены с фигурами людей. В глубине, на панно, четыре чудесных полотна в старинных рамах — на них изображены мифологические сюжеты. Знаменитые полотна, принадлежавшие кисти Рубенса, равно как и фламандские гобелены, были получены графом де Жевром в наследство от дяди по материнской линии, испанского гранда маркиза де Бобадилья. Следователь, господин Фийель, заметил:

— Если мотивом преступления и было ограбление, то, во всяком случае, в этой гостиной ничего не украли.

— Кто знает? — возразил заместитель прокурора, он был немногословен, но если говорил, то всегда противоречил судье.

— Помилуйте, дорогой месье, ведь любой вор прежде всего попытался бы захватить эти гобелены и картины, пользующиеся всемирной известностью.

— А может быть, он не успел?

— Вот это мы скоро узнаем.

В этот момент вошел граф де Жевр в сопровождении врача. Граф, по-видимому, полностью оправившийся от шока, вызванного нападением на него, тепло приветствовал блюстителей закона. Затем он открыл дверь в будуар.

Помещение, в которое с момента совершения преступления, кроме доктора, никто не заходил, было в отличие от гостиной в полном беспорядке. Два опрокинутых стула, сломанный стул, на полу разбросаны дорожные часы, папка, коробка почтовой бумаги. И на некоторых белых листках — следы крови.

Врач откинул покрывало с мертвеца. Жан Даваль, одетый, как обычно, в бархатный костюм и в подбитые железом ботинки, лежал на спине. Одна его рука была заломлена за спину. Сквозь расстегнутый ворот рубашки виднелась широкая

рана на груди.

— Смерть, судя по всему, была мгновенной, — заявил доктор. — Хватило удара ножом.

— Нож, — заметил судья, — тот самый, что я видел на камине в гостиной рядом с кожаной фуражкой?

— Да, — подтвердил граф де Жевр, — нож мы подобрали здесь. Он тоже из той самой коллекции оружия на стене, откуда моя племянница, мадемуазель де Сен-Веран, взяла ружье. А шоферская фуражка, конечно, принадлежит убийце.

Господин Фийель еще раз осмотрел комнату, задал доктору несколько вопросов и затем обратился к графу де Жевру с просьбой пересказать все, что тот видел и знает. Граф показал следующее:

— Меня разбудил Жан Даваль. Правда, я и сам спал некрепко, чувствуя сквозь сон, что кто-то ходит поблизости, и, когда открыл глаза, увидел его со свечой у моей кровати, полностью одетого, каким вы видите его сейчас. Часто Даваль работал до поздней ночи. Мой секретарь казался очень взволнованным, он тихо проговорил: «В гостиной кто-то есть». Тогда я встал и осторожно приоткрыл дверь этого будуара. В тот же миг вот эта большая дверь, выходящая в большую

гостиную, растворилась, и появился человек. Он напал на меня, оглушив ударом кулака в висок. Я говорю без подробностей, господин следователь, по той причине, что мне запомнились основные события, да и они происходили чрезвычайно быстро.

— А потом?

— Что было потом, я не помню. Когда я пришел в себя, смертельно раненный Даваль уже лежал здесь.

— Можете ли вы подозревать кого-либо?

— Никого.

— Не было ли у вас врагов?

— Они мне неизвестны.

— А у господина Даваля?

— У Даваля? Враги? Да он был лучшим из людей! За те двадцать лет, что он был моим секретарем и, скажу даже, наперсником, я не встречал никого, кто не питал бы к нему симпатии или дружеских чувств.

— И тем не менее налицо нападение, убийство, для всего этого должен быть какой-то мотив.

— Мотив? Да просто-напросто ограбление.

— У вас что-нибудь украли?

— Ничего.

— Как же тогда быть?

— Ну, раз ничего не украли, все на месте, все же должны были что-то унести.

— Что же?

— Понятия не имею. И, однако, мои дочь и племянница скажут вам, что они видели, как двое мужчин по очереди проходили по парку, оба с довольно объемистой ношей.

— Эти барышни…

— Этим барышням приснилось? Хотелось бы верить, ведь с самого утра я теряюсь в догадках и в поисках. Не лучше ли допросить и их?

Обеих кузин пригласили в большую гостиную. Бледная, все еще дрожавшая Сюзанна еле могла говорить, Раймонда же, более мужественная и энергичная из них, да и более хорошенькая, чем кузина, с золотым блеском в темных глазах, поведала о событиях той ночи и о своем в них участии.

— Таким образом, мадемуазель, вы твердо придерживаетесь своих показаний?

— Абсолютно придерживаюсь. Двое мужчин, проходившие по парку, выносили какие-то предметы.

— А третий?

— Он вышел отсюда с пустыми руками.

— Смогли бы вы дать нам описание его при-

мет?

— Он все время ослеплял нас лучом фонаря. Но мне показалось, что он довольно высокого роста и крупного телосложения.

— А вам тоже так показалось, мадемуазель? — обратился следователь к Сюзанне де Жевр.

— Да… или, скорее, нет… — ответила Сюзанна, подумав. — Мне он показался среднего роста и худым.

Господин Фийель усмехнулся, привычный к различиям в показаниях свидетелей, видевших одно и то же.

— Итак, выяснилось, что в гостиной находился человек одновременно высокий и низкий, толстый и тонкий, а в парке двое неизвестных, которые обвиняются в том, что выкрали из этой гостиной вещи… что и посейчас находятся там.

Господин Фийель, как он сам утверждал, был следователем иронического склада. Он также не упускал случая покрасоваться перед публикой, продемонстрировать свое умение, тем более что число его слушателей в гостиной все увеличивалось. К журналистам присоединились фермер с сыном, садовник с женой, а затем и прислуга из замка и даже двое шоферов, доставивших их из Дьепа. Следователь продолжал:

— Нам остается лишь установить, каким образом удалось исчезнуть третьему злоумышленнику. Вы, мадемуазель, выстрелили из этого ружья через вон то окно?

— Да, человек был в это время возле надгробного камня, заросшего колючим кустарником, слева от монастыря.

— Но затем он приподнялся?

— Лишь приподнялся. Виктор тут же вышел охранять дверь в стене, я пошла за ним, оставив наблюдать отсюда нашего слугу Альбера.

Альбер был тут же допрошен, после чего следователь заключил:

— Таким образом, по-вашему, выходит, что раненый не мог пойти ни налево, так как ваш товарищ сторожил дверь, ни направо, в таком случае вы бы увидели, как он пересекает лужайку. Следуя логике, отсюда можно заключить, что в настоящее время он находится в довольно ограниченном пространстве, что перед нашими глазами.

— Я в этом убежден.

— А вы, мадемуазель?

— Я тоже.

— И я, — добавил Виктор.

Заместитель прокурора насмешливо заклю-

чил:

— Ну что ж, круг поисков довольно ограничен, придется продолжить то, что вы начали еще в четыре утра. Будем надеяться, что нам наконец-то повезет.

Господин Фийель взял с камина кожаную фуражку, внимательно ее осмотрел и, подозвав командира отделения жандармерии, тихонько приказал:

— Отправьте незамедлительно кого-нибудь из наших людей в Дьеп к шляпнику Мегрэ, и пусть господин Мегрэ, если возможно, скажет, кому он продал эту фуражку.

«Круг поисков», как выразился заместитель прокурора, ограничивался частью парка от замка до правой лужайки и с другой стороны углом между левым крылом и крепостной стеной напротив, иными словами, это был квадрат, длина стороны которого составляла метров сто, а в середине то здесь, то там торчали развалины старинного, довольно известного в средние века монастыря Амбрюмези.

Сразу же по следам на траве удалось определить, где проходил беглец. В двух местах обнаружили почерневшие, почти засохшие следы крови. Однако за аркадой, окаймлявшей

монастырь, ничего не было видно: на земле, усыпанной сосновыми иглами, след лежавшего тела не просматривался. Но как же в таком случае получилось, что ни девушка, ни Альбер, ни Виктор не видели раненого? Кое-где сломаны колючие кусты — это слуги и жандармы искали под заросшими надгробными камнями — и все.

Следователь заставил садовника, у которого были все ключи, открыть Господню Часовню, настоящую жемчужину скульптуры: время и революция пощадили ее, и, украшенная статуэтками тонкой работы, с резным портиком, она считалась чудным образчиком нормандской готики. Однако внутренняя часть часовни, единственным украшением которой был мраморный алтарь, никак не могла служить укрытием. Да и как ему удалось бы туда попасть?

Наконец, они подошли к дверце, через которую проходили посетители, желающие осмотреть развалины. Она выходила на узкую дорогу, зажатую меж крепостной стеной и лесом — оттуда виднелись заброшенные карьеры. Господин Фийель нагнулся: в дорожной пыли виднелись следы шин с противобуксующим устройством. Раймонда и Виктор вспомнили, что после выстрела послышался шум мотора.

— А что, если раненому все же удалось присоединиться к своим товарищам? — предположил заместитель прокурора.

— Никак невозможно! — горячо возразил Виктор. — Я был здесь еще до того, как мадемуазель и Альбер потеряли его из виду.

— Однако в конце концов должен же он где-то находиться! Снаружи или внутри, одно из двух!

— Он здесь, — упрямо твердили слуги.

Следователь пожал плечами и понуро вернулся к замку. Да, радоваться нечему. Налицо кража, а ничего не украли, есть и задержанный, однако он сделался невидимым, плохое начало для следствия.

Поиски заняли довольно много времени, и господин де Жевр пригласил обоих блюстителей закона и журналистов отобедать в замке. Трапеза прошла в молчании, а затем господин Фийель снова принялся в гостиной допрашивать прислугу. Вскоре во дворе послышалось цоканье копыт, и появился жандарм, отправленный в Дьеп.

— Ну как, говорили ли вы со шляпником? — не сдержал нетерпения следователь.

— Фуражку продали шоферу.

— Шоферу?!

— Да, шофер остановил машину возле мага-

зина и попросил для одного из седоков желтую кожаную шоферскую фуражку. Ему показали вот эту. Тот заплатил, даже не взглянув на размер, и уехал. Он очень спешил.

— Что у него была за машина?

— Четырехместный автомобиль.

— А когда было дело?

— Когда? Да сегодня утром же.

— Сегодня утром? Что вы такое мелете?

— Фуражку купили сегодня утром.

— Это совершенно невозможно, поскольку ее еще ночью нашли в парке. Она ведь уже была у злоумышленника, значит, ее купили раньше.

— Сегодня утром. Так сказал шляпник.

На мгновение все растерялись. Изумленный следователь тщился разобраться во всем этом. Вдруг он подскочил, словно озаренный внезапной догадкой.

— Приведите шофера, который нас сюда утром привез!

Командир жандармов со своими подчиненными бегом бросились к конюшням, однако спустя несколько минут жандармский начальник появился один.

— А где же шофер?

— Ему накрыли на кухне, он пообедал, а по-

том…

— Что же потом?

— Сбежал.

— Вместе с машиной?

— Нет. Он заявил, что поедет навестить родственника в Увиле, и одолжил у конюха велосипед. Остались его пальто и шляпа.

— Не уехал же он с непокрытой головой?

— Он уехал в фуражке, которая была у него в кармане пальто.

— В фуражке?

— Да, похоже, в фуражке из желтой кожи.

— Из желтой кожи? Не может быть, вот же она.

— Вы правы, господин следователь, но у него была такая же.

Заместитель прокурора саркастически захихикал…

— Ах, как забавно! Как мило… целых две фуражки… Одна, настоящая, единственная наша улика, уплывает на голове мнимого шофера! А вторая, бутафорская, оказывается у вас в руках. Здорово же он нас провел, этот малый.

— Догнать его! Привезти назад! — крикнул господин Фийель. — Капрал Кевийон, двоих людей за ним, галопом!

— Он уже далеко, — заметил заместитель прокурора.

— Как бы далеко он ни был, придется уж нам его изловить.

— Надеюсь на это, хотя убежден, господин следователь, что нам все же следует сосредоточить основные усилия здесь. Извольте прочитать записочку, что я нашел в кармане пальто.

— Какого пальто?

— Пальто шофера.

И заместитель прокурора подал господину Фийелю сложенную вчетверо бумажку, где грубым почерком было написано карандашом: «Горе барышне, если она убила шефа».

Волнение возникло среди присутствующих.

— Ну вот и хорошо, нас предупредили, — пробормотал заместитель прокурора.

— Господин граф, — начал следователь, — умоляю вас, не беспокойтесь. И вы тоже, барышни. Угроза просто бессмысленная, поскольку здесь присутствуют блюстители порядка. Я лично отвечаю за вашу безопасность. Что касается вас, господа, — обратился он к журналистам, — я надеюсь на ваше молчание. Именно я разрешил вам присутствовать при расследовании, и было бы черной неблагодарностью…

Тут он осекся, пораженный внезапной догадкой, и, оглядев по очереди обоих молодых людей, приблизился к одному из них:

— В какой газете вы работаете?

— В «Журналь де Руан».

— У вас есть удостоверение личности?

— Вот, пожалуйста.

Документ был в порядке, ничего не скажешь. Господин Фийель обернулся ко второму репортеру.

— А вы, месье?

— Я?

— Да, я хотел бы узнать, в редакции какой газеты работаете вы?

— Да, Господи Боже мой, господин следователь, я пишу в разные газеты.

— Попрошу вас показать ваше удостоверение.

— У меня его нет.

— Ах так? Как же это…

— Чтобы получить удостоверение, нужно регулярно сотрудничать в газете.

— Ну и что же?

— А я пишу лишь время от времени, посылая репортажи то в одну, то в другую газету, их печатают… или не печатают, смотря по обстоятельствам.

— В таком случае, как ваше имя? Предъявите свои документы.

— Мое имя ничего не скажет вам. А что касается документов, у меня их тоже нет.

— У вас нет ни одной бумаги, подтверждающей вашу принадлежность к профессии журналиста!

— И профессии у меня еще нет.

— Да что же это такое, месье, — довольно резко вскричал следователь, — не можете же вы в конце концов надеяться сохранить инкогнито после того, как хитростью проникли сюда и были посвящены в секреты следствия!

— Хотел бы напомнить, господин следователь, что, когда я явился, вы меня ни о чем не спросили и, следовательно, мне не на что было отвечать. Кроме того, мне не показалось, что следствие ведется в секрете, поскольку здесь присутствовало много народу, в том числе даже один из преступников.

Он говорил очень тихо и чрезвычайно вежливо. Это был очень молодой человек довольно высокого роста. На нем были слишком короткие брюки и слишком узкий пиджак. Розовое, почти девичье лицо, высокий лоб с чубом взъерошенных волос, светлая неровная бородка — таков портрет незнакомца. Умные глаза его блестели, и,

казалось, он ничуть не смущен, напротив, весело улыбался без всякого намека на иронию.

Господин Фийель враждебно, с вызовом глядел на него. Двое жандармов выступили вперед. Но молодой человек воскликнул со смехом:

— Господин следователь, совершенно ясно, что вы подозреваете меня как сообщника. Однако, будь это так, разве я не скрылся бы при удобном случае, как сделал мой дружок шофер?

— Вы, верно, надеялись…

— Любая надежда в этом смысле лишена основания. Подумайте сами, господин следователь, и вы поймете, что, следуя логике событий…

Господин Фийель взглянул ему прямо в глаза и сухо бросил:

— Хватит шутить! Ваше имя?

— Изидор Ботреле.

— Профессия?

— Ученик в классе риторики лицея Янсон-де-Сайи.

Не отводя взгляда, господин Фийель тем же тоном проговорил:

— Что вы тут мелете? Ученик риторики…

— В лицее Янсон, улица де ля Помп, дом…

— Ага! — разозлился господин Фийель. — Вам угодно насмехаться надо мной! Пора прекратить

этот цирк!

— Не скрою, господин следователь, мне странно, что вы так удивляетесь. Что вы можете возразить против того, что я учусь в лицее Янсон? Вас смущает моя борода? Не беспокойтесь, она накладная.

Изидор Ботреле сорвал редкие колечки, что обрамляли его подбородок, и лицо его оказалось еще моложе, совсем розовым и правда лицом школьника. В веселой детской улыбке приоткрылись белые зубы.

— Ну, теперь поверили? Или нужны еще какие-нибудь доказательства? Вот, смотрите, это письма моего отца, они адресованы господину Изидору Ботреле, в лицей Янсон-де-Сайи.

Поверил ли, нет ли, господин Фийель явно не одобрял всей этой истории. Он спросил сердито:

— Что вы здесь делаете?

— Но… я учусь.

— Для этого есть лицеи, ваш, например.

— Вы забываете, господин следователь, что сегодня 23 апреля и у нас пасхальные каникулы.

— Ну и что?

— А то, что я могу делать в каникулы, что захочу.

— А как же ваш папа?

— Отец живет далеко, в Савойе, он-то как раз и посоветовал мне совершить небольшое путешествие к берегам Ла-Манша.

— Украсившись накладной бородой?

— О, это нет. Это была моя собственная идея. В лицее мы так много говорим о таинственных приключениях, все время читаем детективы и порой вот так преображаемся. Сами выдумываем страшные и запутанные дела. Вот я и решил развлечься и надел накладную бороду. Кроме того, это и пользу принесло. У меня был более взрослый вид, и вы приняли меня за парижского репортера. А я ведь только вчера, после довольно скучной недели пребывания здесь, познакомился с моим руанским коллегой, а сегодня утром, узнав о происшествии в Амбрюмези, он любезно предложил мне сопровождать его в замок, наняв для этой цели автомобиль на двоих.

Изидор Ботреле рассказывал все это с такой очаровательной, немного наивной простотой и искренностью, что даже господин Фийель, все еще немного сердясь, выслушал его с удовольствием.

Уже смягчившись, он поинтересовался:

— Ну и как, довольны вы своей вылазкой?

— Просто восхищен! Никогда еще не прихо-

дилось мне присутствовать при расследовании такого рода, да и дело небезынтересное.

— И сложное, и запутанное, как вы любите.

— Ведь это так увлекательно, господин следователь! Нет выше счастья, нежели сознание того, что загадочные события понемногу проясняются, цепляются одно за другое и выстраиваются в ряд в соответствии с истинным положением вещей.

— Истинное положение вещей, это вы уж хватили через край, молодой человек! Можно подумать, ключ к разгадке уже у вас в руках!

— О нет! — рассмеялся Ботреле. — Вот только… мне кажется, что здесь есть некоторые моменты, о которых я бы мог составить свое мнение, и еще кое-какие вещи, настолько явные, что сам собой напрашивается вывод…

— Ах, даже так! Очень и очень любопытно, наконец-то мы хоть что-нибудь узнаем. Потому что, к своему великому стыду, должен признать, что об этом деле мне неизвестно ничего.

— Просто у вас не было времени подумать, господин следователь. Главное — хорошенько поразмышлять. Очень редко случается, что сам факт не несет в себе разгадки. Не правда ли? Во всяком случае, я обнаружил нечто такое, что не вошло в протоколы.

— Чудесно! Остается только спросить у вас, какие именно вещи украли из гостиной?

— Я отвечу, что они мне известны.

— Браво! Этот господин более сведущ, чем сам хозяин дома! Господин де Жевр считает по-своему, а господин Ботреле — иначе. Видимо, отсутствуют книжный шкаф и статуя в человеческий рост, а мы и не заметили! Позвольте уж заодно и узнать имя убийцы!

— Отвечу также, что и оно не составляет для меня тайны.

Все так и подскочили. Заместитель прокурора и журналист подошли поближе. Господин де Жевр и обе девушки приготовились внимательно слушать под впечатлением спокойной уверенности, сквозившей в тоне Ботреле.

— Вы знаете имя убийцы?

— Да.

— А может быть, и место, где тот скрывается?

— Да.

Господин Фийель потирал руки:

— Вот так удача! Арестовав его, я прославлюсь на весь мир! И вы уже сейчас сможете сделать все эти потрясающие разоблачения?

— Да, могу сейчас. А лучше, если вы не имеете ничего против, через час или два, как только вы

закончите свое расследование.

— Нет, только сейчас, молодой человек.

В этот момент Раймонда де Сен-Веран, с самого начала их разговора не спускавшая глаз с Изидора Ботреле, шагнула к господину Фийелю.

— Господин следователь…

— Что вам угодно, мадемуазель?

Она помедлила мгновение, не отводя взгляда от лица Ботреле, затем обратилась к господину Фийелю:

— Хотела бы просить вас выяснить у этого господина, что он делал вчера на дороге, ведущей к дверце в стене замка.

Заявление прозвучало как вызов. Изидор Ботреле казался озадаченным.

— Я, мадемуазель? Я? Вы видели меня вчера?

Раймонда, видимо, размышляла, все еще не спуская глаз с Ботреле, будто желая убедиться, что не ошиблась. В конце концов она не спеша проговорила:

— Вчера, в четыре часа пополудни, проходя по лесу, я увидела на нашей дороге молодого человека одного роста с господином Ботреле и с такой же бородой, как у него. Мне показалось, что он прячется от меня.

— Это был я?

— Не могу утверждать абсолютно точно, я не очень хорошо его запомнила. И все же… мне все же кажется… иначе как объяснить странное сходство…

Господин Фийель, похоже, был в растерянности. Один раз его уже обвели сегодня вокруг пальца, так что же, теперь предстоит попасться на удочку мнимого школьника?

— Что вы можете на это ответить, месье?

— Только то, что мадемуазель ошибается, и это мне очень легко доказать. Вчера в этот час я был в Веле.

— Придется доказать, придется. Во всяком случае, дело принимает иной оборот. Капрал, пусть кто-нибудь из ваших людей побудет с этим господином.

На лице Изидора Ботреле отразилась сильная досада.

— Все это займет много времени?

— Нужно собрать необходимую информацию о вас.

— Господин следователь, умоляю это сделать возможно быстрее и без излишней огласки…

— По какой такой причине?

— Мой отец стар. Мы с ним очень любим друг друга, и я не хотел бы причинять ему огорчения.

Слезы в голосе, просительный тон не понравились господину Фийелю. Это уже стало похоже на мелодраму. Тем не менее он пообещал:

— Сегодня же вечером… или, в крайнем случае, завтра я уже буду в курсе всего.

Время шло. Следователь вернулся к развалинам монастыря и, запретив пускать туда любопытных, терпеливо, методически, пядь за пядью, стал обследовать территорию, лично руководя поисками. К концу дня он не продвинулся в этом деле ни на шаг и, давая интервью целой армии репортеров, буквально наводнившей замок, заявил:

— Господа, все говорит за то, что раненый здесь, в пределах нашей досягаемости, однако на деле мы видим обратное. В итоге, по мнению вашего покорного слуги, он, должно быть, все же сбежал, и ловить его надо за стенами замка.

Тем не менее из соображений предосторожности он оставил, при содействии жандармского командира, охрану в парке и, обойдя в последний раз обе гостиные и другие помещения замка, собрав все необходимые документы, отбыл в Дьеп вместе с заместителем прокурора.

Настала ночь. Поскольку будуар должен был быть заперт, тело Жана Даваля перенесли в другую комнату. Возле него бодрствовали две

крестьянки, их сменяли Раймонда и Сюзанна.

Внизу, под бдительным оком сельского полицейского, заботам которого его поручили, молодой Изидор Ботреле дремал на скамье в старинной молельне. А снаружи, у развалин и вдоль замковых стен, стояли на часах жандармы, фермер и дюжина крестьян.

Вплоть до одиннадцати часов вечера все оставалось спокойно, но в одиннадцать десять с противоположной стороны здания прозвучал выстрел.

— Тревога! — крикнул капрал. — Двоим оставаться здесь!.. Фосье и Леканю… Остальным бегом туда!

Жандармы гурьбой бросились вдоль замка с левой стороны. В темноте мелькнула чья-то тень. Внезапно раздался второй выстрел, подальше, у самых границ фермы. И как только они подбежали к ограде фруктового сада, справа от домика фермера показался язык пламени. В мгновение ока целый столб огня вырвался вверх, горела рига, доверху наполненная соломой.

— Ах, мерзавцы! — крикнул капрал. — Это они подожгли. Вперед, ребята, они не могли уйти далеко.

Но подул ветерок, языки пламени потянулись

к жилому строению, и прежде всего пришлось гасить пожар. За что они и принялись с большим рвением, поскольку сам господин де Жевр, прибежав на место происшествия, пообещал им вознаграждение. Когда наконец опасность окончательно миновала и пожар был потушен, часы показывали около двух ночи. Бесполезно было даже начинать преследование.

— Ладно, займемся этим днем, — решил капрал, — они, без сомнения, оставили следы… Уж как-нибудь найдем их.

— Нелишне было бы заодно узнать причину поджога, — заметил господин де Жевр. — Какой смысл поджигать связки соломы?

— Пойдемте со мной, господин граф… может быть, удастся узнать причину.

Вместе они подошли к развалинам монастыря. Капрал позвал:

— Леканю! Фосье!

Его подчиненные уже отправились на поиски своих товарищей, оставшихся на посту. Наконец их обнаружили у маленькой дверцы. Оба, связанные, с кляпом во рту и с повязкой на глазах, лежали на земле.

— Господин граф, — тихо сказал капрал, пока их развязывали, — нас провели, как малых детей.

— В чем?

— Эти выстрелы… нападение… пожар — все это отвлекающие маневры, чтобы заставить нас всех бежать туда… А тем временем связали двоих наших людей и — дело сделано.

— Какое дело?

— Да освобождение же раненого!

— Черт побери, вы так думаете?

— Думаю ли я? Это истинная правда. Десять минут назад я как раз об этом и подумал. Ах какой же я дурак, что не догадался раньше! Мы бы их всех схватили.

Кевийон в приступе бешенства даже топнул ногой.

— Да как же это, тысяча чертей! Где они прошли? И откуда его забрали? Где он прятался, этот мерзавец? Ведь в конце концов мы весь день топтались здесь, не может же человек запрятаться в кустик, особенно если он ранен. Просто волшебство какое-то!

Однако капралу Кевийону предстояло удивляться еще и еще. На заре, когда зашли в молельню, служившую местом заключения молодого Ботреле, обнаружилось, что тот исчез. Вместо него, скорчившись на стуле, крепко спал сельский полицейский. Возле него стоял графин и

два стакана. На дне одного из них можно было заметить немного белого порошка.

Вскоре было установлено, во-первых, что Ботреле подсыпал наркотик в стакан полицейского, во-вторых, что покинуть комнату он мог лишь через окно, расположенное на высоте двух метров пятидесяти сантиметров от земли, и в-третьих, что совсем уж забавно, — достать до окна можно, лишь взобравшись на спину охранника, что Ботреле и сделал.

II. Изидор Ботреле, ученик в классе риторики

Выдержки из «Гран Журналь»:

«Ночное происшествие
Похищение доктора Делятра
Безумно смелая акция

Перед самым набором сегодняшнего номера нам принесли новость, достоверность которой мы не можем взять на себя смелость подтвердить, настолько невероятной кажется вся эта история. Поэтому печатаем статью со всеми возможными оговорками.

Вчера вечером знаменитый хирург доктор Делятр с супругой был в Комеди Франсез на спектакле «Эрнани». В начале третьего акта, то есть около десяти часов, дверь ложи, где он сидел, открылась, и появился господин в сопровождении двух других мужчин. Он склонился к господину Делятру и сказал достаточно громко, так что госпожа Делятр смогла

расслышать:

— Доктор, миссия, которая мне поручена, одна из самых неприятных, и я был бы очень вам благодарен, если бы вы смогли мне ее облегчить.

— Кто вы такой, месье?

— Господин Сезар, комиссар полиции, у меня приказ препроводить вас к господину Дюдуи в префектуру.

— Но в конце концов…

— Ни слова, доктор… умоляю вас, и не делайте лишних движений… Речь идет о весьма прискорбной ошибке, поэтому мы должны действовать тихо, не привлекая ничьего внимания. Не сомневаюсь, к концу спектакля вы уже будете здесь.

Доктор поднялся и вышел за комиссаром. Вскоре спектакль окончился, но господин Делятр так и не появился.

Очень обеспокоенная, госпожа Делятр отправилась в полицейский комиссариат. Там ее принял подлинный господин Сезар, и, к ее величайшему ужасу, выяснилось, что человек, который увел за собой ее мужа, оказался самозванцем.

Начатое расследование установило, что

доктора видели садящимся в автомобиль, поехавший затем в сторону площади Согласия.

В следующем выпуске мы опубликуем продолжение этого невероятного происшествия.

Какой бы невероятной она ни казалась, история эта правдива».

Впрочем, вскоре должна была наступить развязка, и «Гран Журналь», как это и было объявлено в утреннем выпуске, сообщал в короткой заметке сведения о заключительной сцене повествования:

«Конец истории и начало предположений

Сегодня в девять часов утра доктор Делятр был доставлен к двери дома № 78 по улице Дюре в автомобиле, отъехавшем сразу после высадки пассажира. В доме № 78 по улице Дюре как раз располагается клиника доктора Делятра, клиника, куда он ежедневно является в этот час.

Как только мы представились, доктор, совещавшийся в тот момент с шефом Сюртэ, все же охотно согласился принять

и нас.

— Все, что я могу сказать, — это то, что со мной чрезвычайно почтительно обращались. Трое моих попутчиков оказались самыми очаровательными людьми, которых я когда-либо встречал, они вели себя предельно вежливо, были остроумными, приятными собеседниками, что немаловажно, если принять во внимание дальность поездки.

— Сколько времени она продолжалась?

— Около четырех часов.

— А какова была ее цель?

— Меня привезли к больному, состояние которого требовало немедленного хирургического вмешательства.

— Операция прошла успешно?

— Да, однако можно опасаться за последствия. Здесь, в клинике, я был бы уверен в благополучном исходе. Тогда как там… в условиях, в каких он находится…

— Условия там плохие?

— Ужасные… Комнатка в трактире… практически невозможно организовать правильный уход.

— Что же может в таком случае его спасти?

— Только чудо… ну и, конечно, необычайно крепкое телосложение.

— Это все, что вы можете рассказать нам о своем пациенте?

— Да, все. Во-первых, я дал клятву молчать, а во-вторых, от них моей клинике для бедных поступила сумма в десять тысяч франков, и если я не сдержу слова, деньги вернутся обратно.

— Ах, даже так? Вы этому действительно верите?

— Ну конечно же я верю. Все они производят впечатление очень серьезных людей».

Таков рассказ доктора.

Нам также известно, что и шефу Сюртэ не удалось вытянуть из него более точные сведения о проведенной операции, ни о пациенте, ни о дороге, по которой он ехал в автомобиле. Таким образом, истину установить не удалось.

Истина, которую, по его собственному признанию, автор интервью был не в силах установить, приоткрылась тем не менее наиболее догад-

ливым из читателей, тем, кому пришло на ум сопоставить с вышеизложенным события, происшедшие накануне в замке Амбрюмези, подробные отчеты о которых были опубликованы во всех газетах. Между похищением известного хирурга и исчезновением раненого грабителя несомненно существовала прямая связь, это было понятно.

Да и расследование подтвердило такую гипотезу. Следы удравшего на велосипеде мнимого шофера вели в Аркский лес, находящийся на расстоянии пятнадцати километров. Установили также, что затем, бросив велосипед в овраг, он направился в селение Сен-Никола, откуда отправил телеграмму следующего содержания:

> А.Л.Н. Контора 45. Париж
> Положение безнадежно. Срочная операция. Отправляйте знаменитость по четырнадцатой национальной.

Доказательство было неоспоримо. Получив депешу, парижские сообщники поспешили принять меры. В десять часов вечера они отправили знаменитость по национальной дороге номер четырнадцать, идущей вдоль Аркского леса в Дьеп. В то же время благодаря вспыхнувшему по-

жару банде грабителей удалось выкрасть своего главаря и перенести его в трактир, где по прибытии доктора около двух часов ночи состоялась операция.

Все эти факты не вызывали никаких сомнений. Главный инспектор Ганимар, специально присланный из Парижа, вместе с инспектором Фоленфаном установили, что автомобиль видели ночью в Понтуазе, в Гурне и в Форже. То же самое по дороге от Дьепа до Амбрюмези; следы машины терялись в полулье от замка, зато на дорожке от двери парка до развалин монастыря были обнаружены многочисленные следы ног. Кроме того, Ганимар установил, что замок двери был взломан.

В общем, все объяснялось. Осталось найти трактир, о котором говорил доктор. Детская забава для Ганимара, терпеливого сыщика, старого полицейского волка. К тому же число трактиров было довольно ограниченно, и, учитывая тяжелое состояние раненого, искать надо было в непосредственной близости от Амбрюмези. Ганимар с капралом жандармерии взялись за дело. В радиусе сначала ста метров, затем километра и, наконец, пяти километров от замка они прочесали и обыскали все, что могло сойти за трактир.

Однако, против всяких ожиданий, умирающий продолжал упорно оставаться невидимкой.

Ганимар удвоил рвение. В субботу вечером он остался ночевать в замке, намереваясь с утра в воскресенье лично заняться этим делом. Но утром он узнал, что патруль жандармов заметил той самой ночью человеческую фигуру, пробирающуюся по узкой дорожке с наружной стороны замковых стен. Был ли это сообщник, явившийся что-либо разузнать? Значит, можно предположить, что главарь банды все еще в монастыре или где-то поблизости?

Вечером Ганимар нарочно отправил целое отделение жандармов в сторону фермы, а сам вместе с Фоленфаном остался дежурить снаружи, возле двери в стене.

Незадолго до полуночи из леса вышел какой-то неизвестный, он проскользнул мимо них и углубился в парк. Целых три часа они наблюдали, как тот бродит среди руин, то нагибаясь, то карабкаясь на старинные колонны, то надолго замирая. Затем он направился к двери и снова прошел между двух инспекторов.

Ганимар схватил его за воротник, а тем временем Фоленфан крепко зажал неизвестного. Тот, не сопротивляясь, с самым покорным видом

дал связать себе руки и пошел за ними к замку. Однако, когда полицейские хотели его допросить, заявил, что не желает иметь с ними дела и требует вызвать следователя.

Его прочно привязали к ножке кровати в комнате, смежной с той, которую они занимали.

В девять часов утра в понедельник, когда прибыл следователь, Ганимар объявил о поимке им преступника. Пленника привели вниз. Им оказался Изидор Ботреле.

— Господин Изидор Ботреле! — вскричал обрадованный господин Фийель, протягивая к нему руки. — Какой приятный сюрприз! Наш несравненный детектив-любитель здесь! К нашим услугам! Какая удача! Господин инспектор, разрешите представить вам господина Ботреле, ученика в классе риторики лицея Янсон-де-Сайи.

Казалось, Ганимар немного растерялся. Изидор низко поклонился ему, отдавая дань коллеге, оцененному им по достоинству, затем обратился к господину Фийелю:

— Я вижу, господин следователь, вы получили обо мне благоприятные отзывы?

— Прекрасные! Во-первых, вы действительно находились в Веле-ле-Роз в то время, когда мадемуазель де Сен-Веран показалось, что она видела

вас на дороге к замку. Не сомневаюсь, скоро мы установим также и личность вашего двойника. Во-вторых, вы и в самом деле Изидор Ботреле, ученик в классе риторики, даже отличный ученик, трудолюбивый, образчик примерного поведения. Отец ваш и правда живет в провинции, и раз в месяц вы посещаете его знакомого, состоящего с ним в переписке, господина Берно, который буквально рассыпался в похвалах по вашему адресу.

— Таким образом…

— Таким образом, вы свободны.

— Полностью свободен?

— Полностью. Ах! Все же я хотел бы поставить одно маленькое условие. Вы, конечно, понимаете, что я не могу просто так отпустить господина, который то подсыпает снотворное, то прыгает в окно, а то оказывается застигнутым в тот момент, когда прохаживается в частных владениях. Мне за это полагается компенсация!

— Я жду.

— Итак, вернемся к нашей прерванной беседе, скажите мне, насколько вы продвинулись в своих поисках… За два дня, когда вы были на свободе, должно быть, добились чего-то определенного?

И, видя, что Ганимар собирается уйти, демонстрируя презрение к подобного рода дилетант-

ским выходкам, следователь остановил его:

— Что вы, что вы, господин инспектор, ваше место здесь… Уверяю вас, что стоит послушать господина Изидора Ботреле. Господин Изидор Ботреле, судя по отзывам из лицея Янсон-де-Сайи, снискал репутацию наблюдателя, от которого ничто не может ускользнуть, а соученики, говорят, считают его вашим соперником и даже конкурентом Херлока Шолмса.

— В самом деле? — иронически заметил Ганимар.

— Истинная правда. Один из них даже написал мне так: «Если Ботреле говорит, что он что-то знает, следует верить ему, не сомневайтесь, это и есть правдивое изложение событий». Господин Изидор Ботреле, вам выпал случай — сейчас или никогда оправдать доверие своих товарищей. Заклинаю вас, посвятите нас в свое «правдивое изложение событий».

Изидор с улыбкой выслушал его и ответил:

— Господин следователь, вы жестокий человек. Издеваетесь над бедными лицеистами, которые развлекаются, как могут. Впрочем, вы правы. Я больше не дам вам повода смеяться надо мной.

— Другими словами, вам ничего не известно, господин Изидор Ботреле.

— Охотно признаю, мне действительно ничего не известно. Потому как нельзя сказать «я что-то знаю» о тех двух или трех установленных мною вещах, которые, я уверен, и от вас не укрылись.

— Например?

— Например, то, что они украли.

— Что вы говорите? Значит, вам известно, что именно украли?

— Как и у вас, у меня на этот счет нет никаких сомнений. Это было первое, над чем я принялся размышлять, задача показалась мне легче остальных.

— В самом деле, легче остальных?

— Ну конечно же. Достаточно было лишь составить цепь умозаключений.

— Не больше?

— Не больше.

— И что же это за цепь умозаключений?

— Вкратце она сводится к следующему. С одной стороны, кража имела место, поскольку обе девушки дали одинаковые показания, и они действительно видели двоих людей, выносивших какие-то предметы.

— Кража имела место.

— С другой стороны, ничего не пропало, поскольку так утверждает господин де Жевр, а ему

это должно быть известно лучше, чем другим.

— Ничего не пропало.

— Из этих двух утверждений неизбежно напрашивается вывод: поскольку кража имела место, но ничего не пропало, значит, украденный предмет был заменен идентичным ему. Вполне вероятно, здесь я должен оговориться, что умозаключение мое может и не подтвердиться. Тем не менее подобный вывод приходит на ум в первую очередь, и отбросить эту гипотезу мы можем лишь после самой серьезной проверки.

— Правда… правда… — пробормотал следователь, живо заинтересовавшись рассказом Ботреле.

— Посмотрим, — продолжал Изидор, — что в этой гостиной может привлечь грабителя? Две вещи. Во-первых, гобелены. Не подходит. Старинный гобелен нельзя подделать, это сразу бы бросилось в глаза. Остаются четыре картины Рубенса.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что все четыре Рубенса, которые мы видим на этих стенах, — подделки.

— Невозможно!

— Они неизбежно, априори должны оказаться подделками.

— Повторяю вам, это невозможно.

— Около года назад, господин следователь, один молодой человек, назвавшийся Шарпенэ, явился в замок Амбрюмези и попросил позволения сделать копии с полотен Рубенса. Получив разрешение господина де Жевра, он в течение пяти месяцев ежедневно с утра до вечера работал в гостиной.

Именно его копии, его полотна и рамы заняли место больших подлинных картин, оставленных господину де Жевру в наследство дядей, маркизом де Бобадилья.

— Докажите это.

— Доказательства не нужны. Подделка есть подделка, и я утверждаю, что нет нужды подвергать их экспертизе.

Господин Фийель с Ганимаром переглянулись, не скрывая удивления. Инспектор теперь и не помышлял об уходе. В конце концов следователь тихо проговорил:

— Надо бы спросить господина де Жевра.

И Ганимар поддержал его:

— Надо его спросить.

Велели передать графу, что его ждут в гостиной.

Юный ритор одержал настоящую победу. Заста-

вить двух профессионалов, знатоков своего дела, какими слыли господин Фийель и Ганимар, заниматься своими гипотезами — от такой чести кто угодно на его месте возгордился бы. Однако Ботреле, казалось, ничуть не трогали подобные признания его таланта, и со своей всегдашней улыбкой, в которой не было ни капли иронии, он ждал. Вошел господин де Жевр.

— Господин граф, — обратился к нему следователь, — в ходе расследования нам пришлось столкнуться с довольно неожиданным поворотом событий, принять который мы безоговорочно никак не можем. Не исключено… я говорю, не исключено… что грабители, проникнув сюда, имели целью выкрасть ваши четыре картины Рубенса или, по крайней мере, заменить их копиями… копиями, выполненными год назад художником по имени Шарпенэ. Не могли бы вы внимательно осмотреть свои картины и сказать нам, узнаете ли вы оригиналы?

Казалось, граф старался подавить смущение, он взглянул на Ботреле, затем на господина Фийеля и ответил, даже не потрудившись подойти к полотнам:

— Я надеялся, господин следователь, что истина не будет установлена. Поскольку это не так, не ко-

леблясь скажу: все четыре картины поддельные.

— Значит, вы об этом знали?

— С самой первой минуты.

— Отчего же сразу не сказали?

— Никогда владелец уникальной вещи не торопится объявить, что она… уже не является подлинной.

— Но тем не менее это был единственный способ отыскать ее.

— Есть и другой, лучший.

— Какой же?

— Не предавать пропажу огласке, не сеять панику среди грабителей, а предложить им выкупить картины, сбыт которых все равно вызовет у них значительные трудности.

— А каким образом вы рассчитывали с ними связаться?

Так как граф не отвечал, вмешался Изидор:

— Опубликовать в газете объявление. Вот посмотрите, какое объявление появилось в «Журналь» и «Матен»: «Предлагаю выкупить картины».

Граф в знак согласия кивнул головой. В который раз уже юноша оказался прозорливее своих старших коллег.

Господин Фийель не растерялся:

— Я решительно начинаю склоняться к мысли, молодой человек, что ваши товарищи не так уж и неправы. Помилуйте, какой острый глаз! Какая интуиция! Нам с господином Ганимаром остается лишь признать вашу правоту.

— О, это было так несложно!

— Так же просто, как и все остальное, хотите вы сказать? Да, припоминаю, вы и во время нашей беседы вели себя так, как будто знали больше, чем другие. Если не ошибаюсь, тогда вы заявили, что и имя убийцы также не составляет тайны для вас?

— Это правда.

— Кто же в таком случае убил Жана Даваля? Этот человек жив? Где он скрывается?

— Боюсь, господин следователь, мы имеем с вами в виду совсем разные вещи. Это недоразумение возникло с самых первых шагов, оно заключается в несоответствии вашего понимания событий с реальной действительностью. Убийца и беглец — два разных человека.

— Что вы такое говорите? — воскликнул господин Фийель. — Человек, которого господин де Жевр видел в будуаре, с которым ему пришлось драться, тот, кого обе девушки видели в гостиной и в кого затем выстрелила мадемуазель де Сен-Ве-

ран, неизвестный, упавший в парке, которого мы все ищем, разве не он-то и убил Жана Даваля?

— Нет.

— Может быть, вы обнаружили следы еще одного сообщника, который скрылся раньше, чем прибежали девушки?

— Нет.

— Ну, тогда я ничего не понимаю. Кто, по-вашему, убийца Жана Даваля?

— Жан Даваль был убит…

Ботреле вдруг осекся и, подумав с минуту, оговорился:

— Но сначала я хочу показать вам, каким путем я пришел к этому заключению, раскрыть истинные причины убийства… Иначе вы решите, что это чудовищное обвинение… однако все не так… не так. Есть одна странность, на которую не обратили внимания, хотя для понимания того, что произошло, она имеет первостепенное значение. В тот момент, когда его ударили, Жан Даваль был полностью одет, в уличных башмаках, в общем, так одеваются днем. А преступление совершилось в четыре часа ночи.

— Я отметил эту особенность, — возразил следователь. — Но господин де Жевр объяснил, что обычно Даваль работал до поздней ночи.

— По свидетельству слуг выходит наоборот: он довольно рано всегда ложился спать. Но хорошо, предположим, что он еще не ложился, зачем тогда бы ему разбирать постель, чтобы подумали, что он спал? Если же он спал, то почему, услышав шум, сразу полностью оделся вместо того, чтобы попросту что-нибудь на себя набросить? В первый же день я попал в его комнату и, пока вы обедали, осмотрел ее: у кровати стояли тапочки. Что заставило его вместо того, чтобы сунуть в них ноги, обуваться в тяжелые, подбитые железом башмаки?

— Не понимаю, какое отношение все это…

— Бросаются в глаза некоторые странности в его поведении. Все это показалось мне тем более подозрительным, когда я узнал, что художника Шарпенэ, того самого, что сделал копии с картин Рубенса, представил графу сам Жан Даваль.

— Ну и что из этого?

— А то, что сам собой напрашивается вывод: Жан Даваль и Шарпенэ — сообщники. И я окончательно убедился в этом в ходе нашей с вами беседы.

— Что-то уж очень скоро.

— Да, мне нужно было вещественное доказательство. Еще раньше я нашел в комнате Даваля,

на одном из листков его записной книжки, такой адрес, кстати, он и сейчас там — отпечатался на промокательной бумаге бювара: «А.Л.Н. Контора 45. Париж». На следующий день удалось установить, что мнимый шофер отправил из Сен-Никола телеграмму по тому же адресу: «А.Л.Н. Контора 45. Париж». У меня оказалось доказательство того, что Жан Даваль был связан с бандой, организовавшей похищение картин.

На этот раз господину Фийелю возразить было нечего.

— Согласен. Соучастие установлено. Что же из этого следует?

— Во-первых, то, что вовсе не беглец убил Жана Даваля, потому что Жан Даваль был сообщником.

— А кто же тогда?

— Господин следователь, вспомните первые слова господина де Жевра, когда он пришел в себя. Они, кстати, занесены в протокол как фигурирующие в показаниях мадемуазель де Жевр: «Я не ранен. А Даваль? Он жив? Где нож?» И сравните все это с показаниями самого господина де Жевра, тоже занесенными в протокол, в той части, где он рассказывал о нападении: «Человек бросился на меня и свалил с ног ударом кулака в висок». Как

мог господин де Жевр, лежавший в тот момент без сознания, знать, что Даваля ударили ножом?

Ботреле не стал дожидаться возражений. Казалось, он хотел поскорее закончить и выразить свою мысль, так что без промедления продолжал:

— Значит, именно Жан Даваль провел в гостиную троих грабителей. Когда он остался там с одним из них, судя по всему, главарем, из будуара послышался шум. Даваль, распахнув дверь, оказался лицом к лицу с господином де Жевром и кинулся на него с ножом. Но господину де Жевру удалось вырвать нож и самому ударить им Даваля, после чего он сам упал, сраженный кулаком незнакомца, которого несколько минут спустя девушки увидели в гостиной.

Господин Фийель с инспектором переглянулись. Ганимар в растерянности покачал головой. Следователь обратился к господину де Жевру:

— Господин граф, могу ли я признать версию достоверной?

Тот не отвечал.

— Помилуйте, господин граф, ваше молчание лишь утверждает нас в предположении…

Господин де Жевр отчеканил:

— Все сказанное полностью совпадает с истин-

ным положением вещей.

Следователь так и подскочил:

— В таком случае не могу понять, что заставило вас вводить в заблуждение правосудие? Какой смысл скрывать то, что вы были вправе сделать, находясь в состоянии необходимой законной самообороны?

— В течение целых двадцати лет, — ответил граф, — я работал бок о бок с Давалем. Я доверял ему. Он оказывал мне неоценимые услуги. Если он и предал, не знаю, из каких побуждений, мне не хотелось бы, по крайней мере в память о прошлом, предавать его деяние огласке.

— Согласен, вам не хотелось, но вы должны были…

— Я так не считаю, господин следователь. Пока невиновного человека не обвинили в этом преступлении, мой долг — не бросать обвинения тому, кто стал одновременно и преступником, и жертвой. Ведь он мертв. Я убежден, что смерть — достаточное ему наказание.

— Однако теперь, господин граф, теперь, когда нам известна правда, вы можете свободно говорить.

— Да. Вот два черновика его писем сообщникам. Я забрал их у него из бумажника сразу после

того, как он скончался.

— Какова причина его предательства?

— Поезжайте в Дьеп, на улицу де ля Бар, 18. Там проживает некая госпожа Вердье. Ради этой женщины, чтобы утолить ее ненасытную алчность, Даваль пошел на кражу.

Таким образом, все прояснялось. Туман начал рассеиваться, и мало-помалу дело стало принимать все более четкие очертания.

— Продолжим, — предложил господин Фийель после ухода графа.

— Да ведь, — весело возразил Ботреле, — я почти уже все сказал.

— А как же с беглецом? С раненым?

— Об этом, господин следователь, вам известно столько же, сколько и мне. Вы видели его следы на траве возле монастыря, вы знаете…

— Да, знаю. Но потом ведь они увезли его, мне нужен теперь этот трактир…

Изидор Ботреле от души расхохотался.

— Трактир? Нет никакого трактира! Это был ход, чтобы сбить правосудие с толку, гениальный, надо признать, трюк, поскольку он полностью удался.

— Но ведь доктор Делятр утверждает…

— Ну конечно! — согласно закивал Ботреле. —

Именно потому, что доктор так настаивает, я не стал бы ему верить. Смотрите, что получается! Доктор Делятр не говорит о своем похищении ничего конкретного. Он не пожелал сказать ничего такого, что могло бы как-нибудь побеспокоить его пациента. И вдруг называет какой-то трактир! Не сомневайтесь, уж раз он заговорил о трактире, значит, его так научили. Будьте уверены, вся история, которую он нам преподнес, была ему кем-то продиктована. Его заставили так говорить под страхом жуткой мести. Ведь у доктора жена и дочь. И он слишком их любит, чтобы ослушаться людей, в необыкновенной силе которых пришлось ему убедиться. Вот он и направил все ваши усилия во вполне определенное русло.

— Настолько определенное, что мы до сих пор не можем найти трактир.

— Настолько определенное, что вы, каким бы невероятным все это ни казалось, все еще продолжаете искать его и, таким образом, уходите в сторону от единственного места, где этот человек может находиться, от того неизвестного нам места, которое он и не покидал, не мог покинуть с того самого момента, когда, раненный выстрелом мадемуазель де Сен-Веран, забился туда, как зверь в нору.

— Где же это место, черт побери?

— В развалинах аббатства.

— Да там и развалин-то нет! Какие-то обломки стен! И пара колонн!

— Именно там он и схоронился, господин следователь, — почти выкрикнул Ботреле, — именно в этом месте должны вестись поиски! Более того, именно там вы найдете Арсена Люпена.

— Арсена Люпена?! — так и подскочил господин Фийель.

И они замерли в торжественном молчании при звуках магического имени. Арсен Люпен, великий искатель приключений, король воров, возможно ли, что именно он и был поверженным, но все же невидимым, противником, за которым вот уже несколько дней шла охота? Для следователя захват, поимка Арсена Люпена означали немедленное повышение, удачу, славу, наконец! И так как Ганимар хранил молчание, Изидор обратился к нему:

— Не правда ли, господин инспектор, вы того же мнения?

— Еще бы, черт возьми!

— Ведь вы тоже не сомневались, признайте, что именно он держит в руках все нити этого дела?

— Ни секунды! Узнаю его почерк. Дело, в ко-

тором замешан Люпен, отличается от любого другого, как лица разных людей. Стоит лишь приглядеться…

— Вы так думаете… вы так думаете?.. — повторял господин Фийель.

— А как же иначе! — воскликнул юноша. — Смотрите, вот только одна маленькая деталь: какие инициалы фигурируют в переписке этих людей? А.Л.Н. — то есть начальная буква имени Арсен и начальная и конечная буквы фамилии Люпен.

— О, от вас ничто не укроется! — заметил Ганимар. — Хитрый малый, сам Ганимар снимает перед вами шляпу.

Покраснев от удовольствия, Ботреле пожал протянутую инспектором руку. Все трое подошли к балкону, устремив взгляды в сторону развалин. Господин Фийель сказал тихо:

— Итак, он там.

— Он там, — глухо подтвердил Ботреле. — Он там с той самой минуты, как споткнулся. Ни логически, ни практически он не мог выйти не замеченным мадемуазель де Сен-Веран и обоими слугами.

— Доказательство?

— Его предоставили нам сами сообщники. В

то же утро один из них, переодетый шофером, привез вас сюда.

— Чтобы забрать вещественное доказательство, фуражку.

— В том числе, но не только, а прежде всего для того, чтобы посмотреть на месте самому, что стало с их шефом.

— И он посмотрел?

— Думаю, да, ведь ему-то был известен тайник. И, полагаю, убедился в безнадежном положении шефа, так как в беспокойстве неосторожно написал угрожающую записку, помните: «Горе девушке, если она убила шефа»?

— Однако его друзья вполне могли впоследствии вывезти раненого?

— Когда? Ваши люди не покидали развалин. Да и куда его везти? Ну, в крайнем случае за двести, триста метров, далеко же умирающего не повезешь. А тогда бы вы его легко обнаружили. Нет, говорю вам, он там. Никогда бы друзья не решились вытащить его из такого надежного убежища. Туда и доктора привозили, пока жандармы, как дети, бегали на пожар.

— Как же он существует? Чтобы жить, нужно есть и пить!

— Не могу сказать… Не знаю… Но он там, кля-

нусь. Он там просто потому, что его там не может не быть. Уверен в этом так, как если бы сам его видел. Там он.

Вытянув палец в сторону развалин, он чертил в воздухе все уменьшающиеся круги, пока они не превратились в точку. Точку, куда он указывал, напряженно искали глазами, подавшись вперед, оба его собеседника; он заразил их своей уверенностью, до дрожи пронял пылкими речами. Да, Арсен Люпен находился там. По логике вещей он мог быть только там, ни тот, ни другой в этом больше не сомневались.

Волнующе и вместе с тем печально было сознавать, что великий искатель приключений лежал там, в сыром темном углу, прямо на земле, беспомощный, истощенный, пылающий жаром.

— А если он умрет? — чуть слышно прошептал господин Фийель.

— Если он умрет, — ответил Ботреле, — и если об этом узнают его сообщники, оберегайте как зеницу ока мадемуазель де Сен-Веран, господин следователь, ведь месть их будет ужасна.

Чуть погодя, несмотря на уговоры господина Фийеля, не желавшего лишиться столь блистательного помощника, Ботреле отбыл в Дьеп. В этот день у него кончались каникулы. Около пяти

он был уже в Париже, а в восемь вместе с другими учениками входил в лицей Янсон.

После тщательнейших, однако бесполезных поисков в развалинах Амбрюмези Ганимар тоже уехал скорым вечерним поездом. Возвратясь домой, он нашел депешу:

«Господин главный инспектор!

К вечеру у меня появилось немного свободного времени, и удалось собрать некоторые дополнительные сведения, которые, уверен, заинтересуют вас.

Вот уже год, как Арсен Люпен проживает в Париже под именем Этьена Водрея. Имя это, безусловно, вам встречалось на страницах газет в разделе светской хроники или спортивной жизни. Любитель путешествий, он часто уезжал из Парижа, отправляясь, по его словам, поохотиться то на бенгальских тигров, то на сибирских песцов. Ходят слухи, что это деловой человек, однако какими именно делами он занимается, выяснить так и не удалось. Его адрес в Париже: улица Марбёф, 36 (отмечу, кстати, что улица Марбёф находится недалеко от почтового отделе-

ния 45). С четверга, 23 апреля, то есть дня, предшествующего амбрюмезийской краже, об Этьене Водрее ничего не слышно.

Примите, господин главный инспектор, вместе с благодарностью за доброжелательное ко мне отношение уверения в моих самых наилучших пожеланиях.

Изидор Ботреле.

Post-scriptum. Не думайте, однако, что мне стоило большого труда собрать эти сведения. В то самое утро, после совершения преступления, пока господин Фийель в присутствии нескольких лиц начинал свое расследование, мне пришла в голову удачная мысль осмотреть фуражку еще до того, как ее подменил мнимый шофер. Как вы понимаете, клейма шляпной мастерской оказалось достаточно для того, чтобы узнать имя покупателя и его домашний адрес».

На следующее утро Ганимар отправился на улицу Марбёф, 36. Расспросив обо всем консьержку, он потребовал затем, чтобы открыли квартиру на первом этаже справа, где, кроме золы в камине, ничего не обнаружил. За четыре дня до

его посещения четверо друзей побывали здесь и сожгли все компрометирующие бумаги. Однако, уже выходя, Ганимар столкнулся с почтальоном, который принес письмо для господина Водрея. В тот же день извещенная об этом прокуратура затребовала письмо. На конверте была наклеена американская марка, а содержание самого письма на английском языке оказалось следующим:

«Месье.

Подтверждаю Вам ответ, данный Вашему агенту. Как только все четыре картины господина де Жевра будут в Вашем распоряжении, высылайте их по условленному маршруту. Вместе с ними отправьте и остальное, хотя я сильно сомневаюсь, что Вам удастся получить что-либо еще.

Поскольку непредвиденные обстоятельства вынуждают меня уехать, к моменту получения Вами этого письма я уже буду в Париже, в гостинице «Гранд-Отель».

Харлингтон».

В тот же вечер Ганимар, получив ордер на арест, препроводил в следственную тюрьму американского подданного господина Харлингтона,

обвиняемого в сокрытии краденого и соучастии в краже.

Таким образом, в течение двадцати четырех часов благодаря совершенно неожиданным разоблачениям семнадцатилетнего юноши удалось распутать все узлы запутанного дела. За двадцать четыре часа все, что казалось необъяснимым, сделалось простым и очевидным. За двадцать четыре часа рухнули надежды сообщников на спасение своего главаря, поимка раненого, умирающего Арсена Люпена становилась неизбежной, банда его разваливалась, ее местонахождение в Париже оказывалось общеизвестным, адрес Люпена, маска, под которой он сам скрывался, стали достоянием газет и впервые, еще до того, как грабителю удалось полностью выполнить задуманное, была предана огласке одна из самых ловких и скрупулезно подготовленных операций.

Оправившись от потрясения, публика буквально ревела от восхищения и любопытства. И вот руанский корреспондент опубликовал превосходную статью, где описал первый допрос юного ритора, его очаровательную наивность и спокойную уверенность в себе. Рассказ дополнили Ганимар и господин Фийель, которые, поступив-

шись своим профессиональным самолюбием, скрепя сердце все же поведали о роли Ботреле в недавних событиях. Он один сделал все. Лишь ему одному принадлежали лавры победителя.

Буря оваций. Вмиг Изидор Ботреле сделался героем дня, и восторженная толпа требовала все новых и новых рассказов о своем юном любимце. Появились репортеры. Они пошли на приступ лицея Янсон-де-Сайи, подкарауливали после уроков учеников и записывали все, что так или иначе касалось юноши, именуемого Ботреле; так все узнали о репутации среди товарищей того, кого они называли конкурентом Херлока Шолмса. Лишь силой разума и благодаря логическим построениям он множество раз, едва прочитав газетные отчеты о происшествиях, предрекал исход сложных дел, распутать которые правосудию удавалось только по прошествии довольно продолжительного времени. В лицее стало любимым развлечением задавать Ботреле каверзные вопросы, ставить перед ним неразрешимые для многих загадки, а потом с восторгом следить за тем, как методом точного анализа, с помощью нескольких гениальных дедукций ориентировался он в самых запутанных и темных делах. За целых десять дней до ареста бакалейщика

Жориса он предсказал, какие открытия можно совершить при помощи обычного зонтика. А анализируя драму в Сен-Клу, он утверждал с самого начала, что убийцей мог быть лишь консьерж.

Однако самым интересным был его труд, что передавали из рук в руки лицеисты, труд, отпечатанный на машинке в десяти экземплярах, подписанный Изидором Ботреле и называвшийся «Арсен Люпен и его метод: что в нем классического и что оригинального», где сочетались английский юмор с французской иронией.

Трактат представлял собой глубокое исследование каждого из люпеновских приключений, где вырисовывались с необыкновенной четкостью методы знаменитого вора, он показал сам механизм его действий, лишь ему присущую тактику, статьи Люпена в газетах, его угрозы, объявления о предстоящих ограблениях — словом, весь арсенал трюков, используемых им для «подогрева» избранной жертвы с тем, чтобы довести ее до такого состояния, когда она сама едва ли не рада, что против нее наконец совершилось преступление, которое успешно завершается чуть ли не с согласия того, против кого оно направлено.

Выводы его были так точны, анализ настолько глубоким, и вместе с тем это было живое по-

вествование, полное неожиданной и жестокой иронии, что даже самые упорные насмешники перешли на сторону Ботреле. Арсен Люпен немедленно потерял симпатии толпы, каковые обернулись к Изидору, так что в борьбе, которая завязалась между ними, победа заранее была присуждена молодому ритору.

Однако к возможности такой победы довольно ревниво относились господин Фийель и парижская прокуратура. С одной стороны, надо признать, пока еще не удавалось ни установить личность так называемого Харлингтона, ни доказать принадлежность его к банде Люпена. Даже если он и был одним из его дружков, американец продолжал упорно хранить молчание. Более того, исследование его почерка породило сомнения в том, что он являлся автором перехваченного письма.

Кроме того, что господин Харлингтон с дорожной сумкой и набитым банкнотами бумажником остановился в «Гранд-Отеле», ничего определенного установить не удалось.

С другой стороны, в Дьепе господин Фийель никак не мог продвинуться дальше завоеванных Ботреле рубежей. Невозможно было сделать ни шага вперед. Полная неясность относительно

незнакомца, которого мадемуазель де Сен-Веран приняла за Ботреле накануне кражи. Тайна окутывала и местонахождение четырех картин Рубенса. Что с ними стало? В какую сторону повез их ночью автомобиль?

В Люнерэ, Йервиле и Ивсто видели машину, затем она появлялась в Кодебек-ан-Ко, где на заре паром переправил ее через Сену. Однако, копнув поглубже, убедились, что в том автомобиле невозможно было перевозить четыре картины — их бы увидели рабочие на пароме. Может быть, машина и была та самая, однако тогда возникал вопрос: что сделалось с полотнами Рубенса?

На все эти вопросы господин Фийель никак не мог найти ответ. Ежедневно его подчиненные рыскали по всему периметру монастыря. Почти каждый раз он лично руководил поисками. Но между поисками и обнаружением укрытия, где агонизировал Люпен, если, конечно, Ботреле был прав, лежала пропасть, которую достопочтенный блюститель закона не был в состоянии перешагнуть.

И поэтому вполне естественно, что все взгляды обратились вновь на Изидора Ботреле, чуть отодвинувшего покровы с тайн, которые в его отсутствие сделались еще более сумрачными

и непроницаемыми. Почему бы ему вновь не заняться этим делом? Раз уж он так хорошо начал, отчего бы ему не сделать последнее усилие, чтобы довести дело до конца?

Этот вопрос и задал ему корреспондент «Гран Журналь», проникнув в лицей под именем друга семьи Ботреле Берно. На что Изидор благоразумно возразил:

— Дорогой месье, кроме Люпена, кроме всех этих детективных историй с кражами, в жизни есть еще такая вещь, как диплом бакалавра. Мне сдавать экзамены в июне. А сейчас май. Не хотелось бы провалиться. Что тогда скажет мой милый отец?

— А что он скажет, если вы передадите в руки правосудия самого Арсена Люпена?

— Ба! Всему свое время. Вот в следующие каникулы…

— На Троицын день?

— Именно. Согласен выехать первым же поездом шестого июня, в субботу.

— А к вечеру Люпен будет уже схвачен!

— Дайте мне время хотя бы до воскресенья! — засмеялся Изидор.

— За чем же задержка? — самым серьезным тоном поинтересовался репортер.

Эту необъяснимую, лишь недавно возникшую, но тем не менее уже незыблемую веру в молодого человека испытывали все вокруг, хотя в действительности такое отношение оправдывалось лишь до известного предела. Неважно! Все верили. Казалось, ему все легко дается. От него ждали того, чего можно ожидать от человека, обладающего феноменальной прозорливостью и интуицией, опытом и изворотливостью. Шестое июня! Этой датой пестрели все газеты. Шестого июня Изидор Ботреле сядет в скорый поезд на Дьеп, и в тот же вечер Арсен Люпен будет арестован.

— Если только он до того не сбежит, — возражали последние немногочисленные приверженцы искателя приключений.

— Невозможно! Все выходы охраняются.

— Если только он не погибнет от ран, — не сдавались люпеновцы, предпочитая смерть своего героя пленению.

На что немедленно следовал ответ:

— Что вы говорите, если бы Люпен умер, это стало бы известно его сообщникам, и они бы отомстили, как сказал Ботреле.

И вот наступило шестое июня. На вокзале Сен-Лазар полдюжины журналистов подстерегали появление Изидора. Двое из них попросились

поехать с ним, но он буквально умолил их остаться.

Итак, он поехал один. В купе, кроме него, никого не было. Устав от нескольких подряд бессонных ночей, проведенных за работой, юноша сразу же крепко уснул. Сквозь сон он слышал, как поезд несколько раз останавливался на станциях, люди входили и выходили. Проснувшись, когда поезд подъезжал к Руану, он обнаружил, что снова один в купе. Но на противоположной скамье, к спинке, обтянутой серой тканью, булавкой была пришпилена записка. Он прочитал:

«У каждого свои дела. Не лезьте в чужие. Иначе будет хуже для вас».

«Отлично! — думал он, потирая руки. — Во вражеском лагере паника. Угроза так же глупа, как и та, что написал шофер. Ну и стиль! Сразу видно, что это не Арсен Люпен».

Состав вошел в туннель перед старинным нормандским городом. На станции, чтобы размяться, Изидор немного прошелся. И собирался уже вернуться в купе, как вдруг вскрикнул. Проходя мимо газетного киоска, он небрежно бросил взгляд на первую страницу «Журналь де Руан», на глаза ему попались несколько строк, жуткое значение которых так поразило его:

«Последние новости. По телефону из Дьепа нам сообщают, что сегодня ночью злоумышленники проникли в замок Амбрюмези, связали мадемуазель де Жевр и заткнули ей рот, а затем похитили мадемуазель де Сен-Веран. В пятистах метрах от замка были обнаружены следы крови и рядом окровавленный шарф. Есть основания опасаться за жизнь несчастной девушки».

До самого Дьепа Изидор Ботреле хранил молчание. Согнувшись пополам, уперев локти в колени и зарывшись лицом в ладони, он размышлял.

По приезде в Дьеп молодой человек нанял экипаж. И, уже подъезжая к Амбрюмези, встретил следователя, подтвердившего страшное известие.

— Кроме того, что напечатано в газете, вам больше ничего не известно?

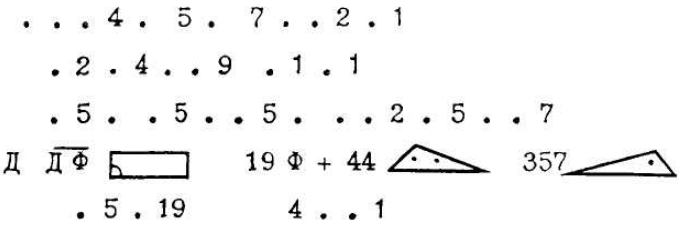
— Ничего. Я только что приехал.

В этот момент к господину Фийелю подошел капрал жандармерии и передал смятую, местами надорванную пожелтевшую бумажку, что валялась неподалеку от места, где обронили шарф. Господин Фийель взглянул на нее и протянул Изидору со словами:

— Да, это не очень-то поможет нам в поисках.

Изидор так и сяк рассматривал клочок бумаги,

испещренный какими-то цифрами, точками и значками. Вот что он увидел:



III. Труп

К шести вечера, закончив все дела, господин Фийель с секретарем господином Бреду ожидали машины, чтобы ехать обратно в Дьеп. Следователь казался встревоженным. Уже дважды он задавал секретарю один и тот же вопрос:

— Вы не видели молодого Ботреле?

— Да нет, господин следователь.

— Где его черти носят? Весь день не показывался!

И вдруг, озаренный внезапной догадкой, сунул папку секретарю и бегом пустился вокруг замка, а обежав его, направился в сторону развалин.

Там, возле Большой аркады, он и нашел Изидора, растянувшегося на земле, густо усеянной длинными сосновыми иглами. Закинув руки за голову, тот, казалось, дремал.

— Это что еще такое? Где вы пропадаете, молодой человек? Уж не спите ли?

— Я не сплю. Я думаю.

— Ах, он думает! Сначала надо все посмотреть! Изучить факты, поискать следы, установить ориентиры. И только потом приниматься за раз-

мышления, свести все воедино для раскрытия истины.

— Знаю, знаю, это обычный метод, неплохой, конечно, но у меня свой. Сначала думаю, стараюсь прежде всего отыскать, если можно так выразиться, главную мысль. Ну а потом вырабатываю логическую, разумную гипотезу, отвечающую этой главной мысли. Только после этого перехожу к анализу фактов и смотрю, подходят они к моим выводам или нет.

— Странный, чертовски сложный метод!

— Зато, господин Фийель, в отличие от вашего надежный.

— Но послушайте, нельзя же не верить фактам!

— Если имеешь дело с глупыми противниками, то да. Но поскольку против нас действует такой хитрый враг, как Арсен Люпен, факты начинают выстраиваться в цепь согласно его воле. Те самые улики, следы, на которых строится все ваше расследование, он сам их вам подсовывает, когда пожелает. Вот мы и имеем случай убедиться, куда могут завести расставленные им ловушки, в какие ошибки мы неизбежно впадаем, к каким приходим нелепостям, имея дело с Люпеном. Сам Шолмс ведь тоже попался на его удочку!

— Арсен Люпен умер.

— Пусть. Но остается его банда, а ученики такого мэтра сами тоже что-нибудь да значат.

Господин Фийель вместо ответа взял Изидора под руку и пошел с ним по парку.

— Все это слова, молодой человек. А теперь хорошенько послушайте, что я вам скажу. Ганимара задержали в Париже дела, и он сможет приехать лишь через несколько дней. А тем временем граф де Жевр телеграфировал Херлоку Шолмсу, и тот обещал быть здесь на следующей неделе. Славно было бы, не правда ли, молодой человек, если бы мы смогли встретить двух знаменитостей такими словами:

«Тысячу извинений, уважаемые господа, но мы не могли так долго ждать. Дело сделано».

Невозможно было бы с большей деликатностью признаться в собственной несостоятельности, чем это сделал достопочтенный господин Фийель. Ботреле сдержал улыбку и сделал вид, что принял все это за чистую монету:

— Не скрою, господин следователь, я не присутствовал сегодня при расследовании, так как надеялся, что вы любезно согласитесь информировать меня о результатах. Так что же стало вам известно?

— А вот что. Вчера вечером, около одиннадцати часов, трое жандармов, оставленных капралом Кевийоном на посту у замка, получили от него записку, в которой командир приказывал им спешно явиться в Увиль, в отделение жандармерии. Тотчас они вскочили на коней, но когда прискакали туда…

— Выяснилось, что их провели, что почерк капрала подделали, короче, им не оставалось ничего иного, как возвратиться в Амбрюмези.

— Что они и сделали, прихватив с собой и командира. Но за час их отсутствия бандиты уже успели выполнить задуманное.

— Как все произошло?

— О, очень просто. Лестница, принесенная с фермы, оказалась приставлена к стене второго этажа замка. Вырезав стекло, они открыли окно. Двое мужчин с фонарем спрыгнули в спальню мадемуазель де Жевр и, прежде, чем та успела позвать на помощь, засунули ей в рот кляп. Затем, крепко связав девушку веревками, они очень тихо открыли дверь в комнату, где спала мадемуазель де Сен-Веран. Мадемуазель де Жевр услышала сдавленный стон и шум борьбы. Минутой позже двое мужчин вынесли из комнаты ее кузину, тоже связанную и с кляпом во рту. От

ужаса и волнения с мадемуазель де Жевр случился обморок.

— А собаки? Ведь господин де Жевр купил двух сторожевых псов.

— Их нашли мертвыми, отравленными.

— Кто бы мог сделать это? Они же к себе никого не подпускали.

— Загадка! Однако факты есть факты, двое мужчин без помех прошли к развалинам и вышли через ту самую дверцу в стене. Потом пошли лесом, огибая заброшенные карьеры. И лишь в пятистах метрах от замка, под деревом, что называют Большой Дуб, остановились, чтобы прикончить свою жертву.

— Почему же все-таки, коль скоро они явились с намерением убить мадемуазель де Сен-Веран, не сделали это прямо у нее в комнате?

— Не знаю. Может быть, решение убить пришло позже, когда они уже вышли из парка. А возможно, девушке удалось освободиться от пут. Я лично думаю, что руки у нее были связаны как раз тем шарфом, который мы нашли на траве. Во всяком случае, убийство произошло у подножия Большого Дуба. И я собрал тому неоспоримые доказательства…

— Где же в таком случае тело?

— Тело обнаружить не удалось, но это не должно нас особенно удивлять. Идя по следу, я вышел к церкви в Варенжевиле и к старинному кладбищу на вершине скалы, нависшей над морем. Настоящая пропасть, до поверхности моря более ста метров. И острые камни внизу. Я думаю, через день-два прилив выбросит тело на берег.

— Как все просто получается.

— Да, несложно, во всяком случае, для меня. Люпен мертв, его сообщники, узнав об этом, чтобы отомстить, как говорилось в записке, убивают мадемуазель де Сен-Веран, — все это неопровержимые факты, даже не нуждающиеся в проверке. Остается узнать, где же Люпен.

— Люпен?

— Да, что с ним стало? Весьма вероятно, что сообщники вместе с мадемуазель де Сен-Веран вынесли также и его труп, однако доказательств этому у нас нет. Как нет доказательств его пребывания в руинах, его жизни или смерти. Вот главная загадка, дорогой Ботреле. Убийство мадемуазель де Сен-Веран — это еще не развязка. Напротив, дело усложняется. Что происходило все эти два месяца в Амбрюмези? И если мы эту загадку не разгадаем, придут другие, а нам с вами придется отступить на второй план.

— А когда они приедут, эти другие?

— В среду… может, даже во вторник.

Ботреле провел в уме некоторые подсчеты и объявил:

— Господин следователь, сегодня суббота. В понедельник вечером я уже должен быть в лицее. Так что, если вы придете сюда в понедельник утром, часам к десяти, я, надеюсь, смогу дать вам ключ к разгадке.

— Правда, господин Ботреле? Вы так думаете? Вы уверены?

— Во всяком случае, надеюсь.

— А что же вы теперь будете делать?

— Посмотрю, подойдут ли факты к главной мысли, которую я уже начинаю различать.

— А если не подойдут?

— Ну, в таком случае, господин следователь, — воскликнул Ботреле со смехом, — им же хуже, найдем другие, что будут покладистей. Итак, до понедельника?

— До понедельника.

Вскоре господин Фийель уже ехал в направлении Дьепа, тогда как Изидор, одолжив у графа де Жевра велосипед, катил в сторону Йервиля и Кодебека-ан-Ко.

Была во всем этом одна деталь, которую моло-

дой человек хотел во что бы то ни стало для себя уточнить, выявить единственное слабое место врага. Четыре картины Рубенса — не иголка. Где-то они должны были находиться. И если пока невозможно их найти, то надо хотя бы попытаться установить, каким же путем они исчезли.

Гипотеза Ботреле заключалась в следующем: картины увезли на автомобиле, однако еще до въезда в Кодебек их перегрузили в другую машину, которую также переправили затем через Сену, но в другом месте, выше или ниже Кодебека. Вверх по течению первый паром курсировал в Кильбефе, но там всегда многолюдно, а значит, и опасно. Вниз по течению находилось Ла-Майерэ, большое, отдельно стоящее селение практически без всякой связи с внешним миром.

Уже к полуночи Изидор преодолел восемнадцать лье, отделяющих его от Ла-Майерэ. Он постучался в трактир на берегу реки, переночевал там, а утром стал расспрашивать матросов с парома. Подняли судовые журналы. Но в четверг 23 апреля не был зарегистрирован ни один автомобиль.

— А может, конный экипаж? — настаивал Ботреле. — Телега? Фургон?

— Ничего подобного.

Все утро Изидор провел в расспросах. И уже собирался отправиться к Кильбеф, когда официант в трактире, где он ночевал, сообщил ему:

— В то утро я как раз возвращался из двухнедельного отпуска и видел телегу, но не на пароме.

— Не на пароме?

— Нет. Ее разгрузили в такую плоскую лодку, они называют ее баржа, что стояла на якоре у пристани.

— А что это была за телега?

— Ее-то я сразу узнал. Она дядюшки Ватинеля, извозчика.

— А где он живет?

— На хуторе Лувто.

Ботреле развернул свою штабную карту. Хутор Лувто стоял как раз на перекрестке большой дороги от Ивсто до Кодебека и узкой извилистой проселочной, что вилась по лесу до самого Ла-Майерэ!

Лишь к шести вечера в одной из пивных обнаружил Изидор дядюшку Ватинеля, старого хитрована-нормандца, из тех, кто всегда настороже, чураются чужаков, однако не в силах устоять перед золотой монетой и парой стаканчиков.

— Ну да, месье, эти в автомобиле сказали мне

быть к пяти у перекрестка. Погрузили ко мне четыре таких вот здоровенных штуковины. А один поехал со мной. Мы повезли их к барже.

— Вы говорите так, будто знаете их.

— Еще бы не знать! В шестой раз уж на них работаю.

Изидор так и подскочил.

— Шестой раз, вы сказали? А с какого времени?

— Да, черт возьми, каждый день до этого возил. Но тогда другие штуки были. Большие камни, что ли… и поменьше, длинные такие, они еще их заворачивали и несли, как реликвии какие. Ох! И не тронь их!.. Да что это с вами? Побледнели как…

— Ничего. Это от жары…

Пошатываясь, Изидор вышел на улицу. Радость неожиданного открытия буквально оглушила его.

Успокоившись, он поехал обратно, переночевал в селении Варенжевиль, наутро часок побеседовал в мэрии с учителем и вернулся в замок. Там его ожидало письмо. На конверте надпись: «Просьба передать через господина графа де Жевра». Он распечатал:

«Второе предупреждение. Молчи. А то…»

— Придется, — прошептал он, — принять кое-какие меры предосторожности в целях моей безопасности, а не то, как они выражаются…

Было девять утра, он прошелся вдоль развалин и прилег у аркады, прикрыв глаза.

— Ну что, молодой человек, довольны вы своей вылазкой?

Господин Фийель появился в точно назначенный час.

— Просто в восторге, господин следователь.

— Это означает?..

— Это означает, что я готов сдержать свое обещание, несмотря на это вот письмо, которое отнюдь меня не воодушевляет.

Он протянул письмо господину Фийелю.

— Ба! — воскликнул тот. — Надеюсь, эти глупые истории не помешают вам…

— Сказать все, что знаю? Нет, господин следователь. Я обещал — и сдержу слово. Через десять минут вам будет известна… часть правды.

— Часть?

— Да, по-моему, место, где скрывался Люпен, — это лишь часть проблемы. А в остальном — посмотрим.

— Господин Ботреле, с вами я уже ничему не удивляюсь. Но как вам удалось раскопать?..

— О, это было совсем несложно. В письме господина Харлингтона к господину Этьену Водрею, то есть к Люпену…

— В перехваченном письме?

— Именно. В нем была одна фраза, которая сразу же меня заинтриговала: «Вместе с картинами отправляйте все остальное, хотя я сильно сомневаюсь, что Вам удастся получить что-либо еще».

— Да, да, припоминаю.

— Что это было за остальное? Произведения искусства, редкая вещица? В замке наибольшую ценность представляли лишь гобелены и полотна Рубенса. Драгоценности? Их мало, да и они довольно посредственные. Что же тогда? С другой стороны, можно ли было предполагать, что такому необычайно ловкому вору, как Люпен, не удастся заполучить это «остальное», тем более что он сам его предложил? Возможно, с трудом, так как дело необычно, но все же если за дело берется Люпен, все может быть.

— Однако же ему не удалось — ведь ничего не пропало.

— Удалось, кое-что пропало.

— Да, картины Рубенса, но…

— Картины и кое-что еще, и здесь, как и в случае с картинами, произошла подмена, а похищено

нечто более редкостное и более ценное, чем полотна Рубенса.

— Что же, в конце концов? Не мучьте меня.

Идя развалинами в направлении дверцы в стене, оба подошли к Господней Часовне.

Ботреле остановился.

— Хотите узнать, господин следователь?

— Еще бы не хотеть!

В руках у Ботреле оказалась палка, толстая узловатая трость. Вдруг он резким ударом вдребезги расколол одну из статуэток, украшающих портал часовни.

— Да вы с ума сошли! — вне себя крикнул господин Фийель, кинувшись собирать осколки. — Вы с ума сошли! Такой изумительный святой…

— Изумительный! — вторил ему Изидор, сделав выпад, от которого полетела вниз Дева Мария.

Господин Фийель крепко обхватил его.

— Юноша, я не позволю вам…

Но за Девой Марией последовали волхвы, а вслед за ними слетели ясли с маленьким Иисусом…

— Еще одно движение, и я стреляю.

Появившийся граф де Жевр уже поднимал заряженный револьвер.

Ботреле расхохотался.

— Стреляйте лучше в них, господин граф… стреляйте в них, как в тире. Вот, смотрите, человечек, что несет голову в руках.

Иоанн Креститель, подпрыгнув, покатился вниз.

— Боже, — простонал граф, нацеливая револьвер, — ну что за профанация! Такие шедевры!

— «Липа», господин граф.

— Что? Что вы говорите? — завопил господин Фийель, выхватывая у графа револьвер.

— Липа, папье-маше!

— Как? Как это возможно?

— Дуньте, и нету! Пустота! Ничто!

Граф нагнулся и подобрал с земли осколок статуэтки.

— Посмотрите хорошенько, господин граф. Ведь это гипс, как будто потемневший от времени, покрытый плесенью, позеленевший, ну точь-в-точь старинный камень! И все же это гипс, муляжи из гипса, вот что осталось от несравненных шедевров… Вот чем они занимались все эти дни… вот что заготовил еще год назад господин Шарпенэ, сделавший и копии с картин Рубенса!

Теперь он сам схватил за руку господина Фийеля.

— Что вы на это скажете, господин следова-

тель? Красиво? Великолепно? Гигантская кража! Похитили Господню Часовню! Целую готическую часовню разобрали по камешку! Забрали множество статуэток, а взамен оставили человечков из штукатурки! У вас конфисковали один из великолепнейших образчиков эпохи несравненного искусства! Украли Господню Часовню! Ну не прелестно ли? О, господин следователь, какой же он все-таки гениальный человек!

— Ну, это вы, господин Ботреле, хватили через край.

— Невозможно хватить через край, месье, когда речь идет о таком человеке. Все, что выше среднего уровня, достойно преклонения. А он оказался выше всех остальных. В его высоком полете сквозит такое богатство оригинальных решений, такая мощь, изобретательность и в то же время непринужденность, что меня даже дрожь пробирает.

— Жаль только, что он умер, — усмехнулся господин Фийель. — А то как бы не стянул башни с собора Парижской богоматери.

— Вы напрасно смеетесь, месье. Даже умерев, он продолжает поражать наше воображение.

— Да я не сказал ничего такого… господин Ботреле, и, более того, не без некоторого трепета

ожидаю его увидеть, если, конечно, дружки не успели утащить труп.

— Если к тому же это его ранила моя бедная племянница, — добавил граф де Жевр.

— Его, его, господин граф, — заверил Ботреле, — он и никто другой упал в развалины от пули мадемуазель де Сен-Веран, его она увидела поднимающимся и снова падающим, именно он уполз затем к Большой аркаде, а там снова поднялся и каким-то чудом, хотя у меня на этот счет есть некоторые догадки, добрался до своего каменного укрытия, ставшего впоследствии его могилой.

Он палкой постучал по двери часовни.

— Что? Что? — изумленно вскричал господин Фийель. — Могила? Вы думаете, что невидимый тайник…

— Находится здесь, — подтвердил тот.

— Но мы же тут искали!

— Плохо искали.

— Здесь нет никакого укрытия, — возразил господин де Жевр. — Я хорошо знаю часовню.

— Ошибаетесь, господин граф, тайник есть. Поезжайте в Варенжевильскую мэрию, где собраны все бумаги из старинного аббатства Амбрюмези, и вы узнаете из документов восемнадцатого века,

что под часовней находился склеп. Он был построен еще в другой часовне, римской, на месте которой позднее возвели вот эту.

— Как же Люпен проведал о склепе? — поинтересовался господин Фийель.

— О, очень просто, ведь он же вел здесь работы, демонтируя лепные украшения.

— Полноте, полноте, господин Ботреле, по-моему, вы преувеличиваете. Не демонтировал же он всю часовню. Смотрите, все камни остались на своих местах.

— Конечно же, он заменил и увез лишь то, что имело художественную ценность: резные камни, скульптуры, статуэтки, бесценные точеные колоннады и фрагменты сводов. Само здание осталось нетронутым, стены и фундамент его не интересовали.

— Стало быть, господин Ботреле, Люпен не смог бы пробраться в склеп.

Тут господину де Жевру принесли ключ от часовни. Дверь отворили. Все трое вошли внутрь.

Осмотревшись, Ботреле объяснил:

— Совершенно ясно, что плиты пола не трогали. Однако мы легко убедимся, что алтарь тут тоже поддельный. А как правило, лестница, ведущая в склеп, начинается за алтарем и дальше проходит

под ним.

— И вы считаете…

— Я считаю, что, именно занимаясь алтарем, Люпен обнаружил склеп.

Один из слуг по приказанию графа принес заступ, и Ботреле принялся за дело. Во все стороны от алтаря полетели куски гипса.

— Бог мой, — пробормотал Фийель, — мне прямо не терпится узнать…

— Мне тоже, — согласился Ботреле, весь побледневший от волнения.

Удары заступом сделались чаще. И вдруг орудие Ботреле, до этого легко входившее в гипс, натолкнулось на что-то твердое и даже отскочило. Они услышали, как что-то осыпалось, и тут то, что осталось от алтаря, провалилось вниз, увлекаемое большим камнем, который сдвинул с места Ботреле. Изидор нагнулся. Он зажег спичку и поводил ею в пустоте:

— Лестница начинается даже ближе, чем я предполагал, почти под входом. Отсюда видны первые ступеньки.

— Склеп глубокий?

— Три-четыре метра… Ступени довольно высокие… А в некоторых местах их и вовсе нет.

— Невероятно, — принялся рассуждать госпо-

дин Фийель, — чтобы за то короткое время, пока отсутствовали жандармы, сообщникам удалось осуществить похищение мадемуазель де Сен-Веран, вытащить отсюда труп… Да и зачем бы им это? Нет, я все больше склоняюсь к мысли, что он здесь.

Слуга принес лестницу, а Ботреле просунул ее в яму, на ощупь установил между валяющихся обломков и крепко ухватился за верхние перекладины.

— Спускайтесь, господин Фийель.

Следователь со свечой осторожно полез вниз. За ним спустился граф де Жевр. И в свою очередь Ботреле поставил ногу на первую ступеньку лестницы.

Их оказалось восемнадцать — машинально посчитал Ботреле, на ходу оглядывая склеп, который едва освещала, борясь с темнотой, свечка. Но внизу в нос ему ударил отвратительный, резкий запах, запах разложения, он как бы въедается в человека и продолжает преследовать его потом. Он чуть не задохнулся, сердце подпрыгнуло в груди…

Вдруг в плечо ему впилась чья-то дрожащая рука.

— Что?! Что это?!

— Ботреле… — услышал он голос господина Фийеля.

От волнения тот не мог говорить.

— Успокойтесь, господин следователь, возьмите себя в руки…

— Ботреле… Он тут…

— А?

— Да, что-то там, под камнем, отвалившимся от алтаря… Я подвинул его… и дотронулся… О, никогда не забуду…

— Где он?

— С той стороны… Чувствуете, какой запах?.. Вот, смотрите.

Он поднял свечу и поднес ее к чему-то, распластанному на полу.

— О-о! — крик ужаса вырвался у Ботреле.

Все трое склонились над трупом. Полуголый, исхудавший, он выглядел совершенно жутко. Местами сквозь истлевшую одежду виднелась зеленоватая кожа, цвета жидкого воска. Но самое ужасное зрелище, от которого вскрикнул молодой человек, представляла собой голова, голова, раздавленная камнем, безобразная бесформенная масса, где невозможно было ничего различить, а когда глаза их привыкли к темноте, они заметили, что голова вся кишела червями.

В четыре прыжка Ботреле оказался наверху лестницы и вылетел наружу, на свежий воздух. Господин Фийель обнаружил его лежавшим навзничь, спрятав лицо в ладони.

— Поздравляю вас, Ботреле. Кроме тайника, который вы все-таки нашли, еще, по крайней мере, в двух вопросах подтверждается ваша правота. Во-первых, человек, в которого стреляла мадемуазель де Сен-Веран, был действительно Арсеном Люпеном, как вы и утверждали с самого начала. Во-вторых, Люпен проживал в Париже действительно под именем Этьена Водрея. На белье его стоят инициалы Э.В. Мне кажется, этого достаточно…

Изидор хранил неподвижность.

— Господин граф пошел отдать распоряжения насчет экипажа. Сейчас поедем за доктором Жуэ, чтобы по всем правилам констатировать смерть. По-моему, она наступила, по меньшей мере, неделю назад. Степень разложения трупа… Да вы не слушаете меня?

— Нет, слушаю.

— Все, о чем я говорю, имеет объективные причины. Так, например…

Господин Фийель продолжал рассуждать, не заботясь более о том, интересует это собеседника

или нет. Приход господина де Жевра прервал его монолог.

В руках граф держал два письма. В одном из них сообщалось, что Херлок Шолмс прибудет завтра.

— Чудесно! — радостно откликнулся господин Фийель. — И инспектор Ганимар приедет тоже. Как все кстати выходит!

— Второе письмо адресовано вам, господин следователь, — прервал его граф.

— Тем лучше, тем лучше, — изрек господин Фийель, пробежав письмо глазами. — Решительно, этим господам нечего будет делать здесь. Ботреле, мне сообщают, что сегодня утром ловцы креветок обнаружили на скалах труп молодой женщины.

Ботреле вскочил:

— Что вы говорите? Труп…

— Молодой женщины… К тому же расчлененный так, что невозможно было бы его опознать, если бы на правой руке не было маленького тонкого золотого браслета, он врезался в распухшую руку. Мы знаем, что мадемуазель де Сен-Веран носила на правой руке золотую цепочку. Значит, господин граф, это действительно была ваша несчастная племянница, море выбросило ее труп. Что на это скажете вы, Ботреле?

— Ничего… ничего… напротив, все, как мы видим, выстраивается в цепь согласно моей аргументации. Получается, что все факты подряд, даже самые противоречивые и странные, становятся подтверждением предположений, возникших у меня с самого начала.

— Я что-то не очень понимаю.

— Скоро поймете. Не забудьте, я обещал вам сказать всю правду.

— Но мне кажется…

— Немного терпения. Пока что вы не могли пожаловаться на меня. Сегодня прекрасная погода. Пойдите прогуляйтесь, пообедайте в замке, выкурите трубочку. А я вернусь к четырем или пяти часам. Что же до возвращения в лицей, Бог с ним, поеду ночным поездом.

Они подошли к хозяйственным постройкам позади замка. Ботреле вскочил на велосипед и укатил.

В Дьепе он заехал в редакцию газеты «Ля Вижи» и попросил показать ему все номера за последние две недели. Затем направился за десять километров оттуда в селение Энвермё. Там он побеседовал с мэром, кюре и сельским полицейским. На колокольне сельской церкви пробило три. Его расследование закончилось.

Возвращаясь, Изидор напевал от радости веселую песенку. Ноги равномерно и сильно жали на педали, он вдыхал полной грудью свежий морской воздух. И порой, счастливый от того, что усилия не пропали даром, что вожделенная цель близка, он даже издавал победный вопль.

Вдали показалось Амбрюмези. Велосипед, разогнавшись, летел по склону перед замком. Деревья, что в четыре ряда издавна росли вдоль дороги, казалось, несутся ему навстречу и потом пропадают позади.

И вдруг прямо перед ним мелькнула веревка, натянутая кем-то поперек дороги. Он закричал.

Велосипед, налетев на препятствие, резко встал. От сильного удара юношу выбросило вперед, лишь каким-то чудом голова его не разбилась о груду камней, лежавшую на дороге.

Оглушенный, несколько мгновений он не мог подняться. Все тело болело, кожа на коленях была содрана. Он осмотрелся вокруг. Судя по всему, те, кто натянул веревку, скрылись затем в роще справа. Ботреле отвязал веревку. С левой стороны, на дереве, к которому она была привязана, висела записка. Он развернул ее:

«Третье и последнее предупреждение».

Молодой человек доехал до замка. Там он задал несколько вопросов слугам и направился к следователю, в последнюю комнату правого крыла на первом этаже, где тот обычно работал. Господин Фийель что-то писал, а секретарь сидел напротив. По знаку следователя тот удалился, и господин Фийель встревоженно обратился к Ботреле:

— Да что с вами, месье? У вас руки в крови.

— Ничего, ничего, — ответствовал молодой человек, — просто упал из-за веревки, натянутой поперек дороги. Хотелось бы, однако, отметить, что веревка та — из замка. Еще каких-то двадцать минут назад на ней возле прачечной сушилось белье.

— Как это могло произойти?

— Месье, даже здесь за мною следят, кто-то, находящийся в непосредственной близости, постоянно смотрит за мной, слышит наши разговоры, так что все мои действия и намерения становятся тотчас же известны этому человеку.

— Вы так думаете?

— Уверен. Вам предстоит найти его и разоблачить, что будет несложно. Что же касается меня, хотел бы поскорее закончить, представив вам обещанную информацию. В моих поисках мне удалось продвинуться вперед быстрее, нежели

ожидали наши противники. Не сомневаюсь, что теперь они перейдут к крутым мерам. Кольцо вокруг меня сжимается. Предчувствую, опасность близка.

— Полноте, полноте, Ботреле…

— Ладно, посмотрим. А пока следует поторопиться. Прежде всего я хотел бы полностью прояснить один вопрос: показывали ли вы кому-нибудь документ, найденный капралом Кевийоном, который он передал вам в моем присутствии?

— Да нет, никому. А вам кажется, он может играть какую-то роль?..

— Весьма значительную. Тут у меня возникла одна мысль, хотя, должен оговориться, пока еще ничто ее не подтверждает… ведь мне до сих пор не удалось расшифровать документ. Скажу вам сразу, чтобы потом к этому больше не возвращаться.

Вдруг он сжал руку следователя и тихо проговорил:

— Молчите… нас подслушивают… снаружи…

Скрипнул песок под окном. Ботреле подбежал и высунулся наружу.

— Теперь никого… Но вокруг цветника вся земля истоптана. Получатся четкие отпечатки

следов.

Закрыв плотно окно, он снова сел.

— Видите, господин следователь, наши противники начали действовать в открытую. Время их поджимает… понимают, что пришла пора действовать быстро. Поспешим и мы, расскажу вам все, уж раз им так этого не хочется.

Он разгладил на столе скомканный листок:

— В чем же тут дело?.. В записи лишь цифры и точки. В трех первых и пятой строчке, которыми мы и займемся, так как четвертая представляет собой что-то другое, самая большая цифра — это девять. Следовательно, с наибольшей вероятностью мы можем предположить, что за каждой из этих цифр скрывается гласная под тем номером, как она идет в алфавите. Напишем, что получилось.

Он взял листок бумаги и написал:

..и.о.э..е.а
.е.и..я.а.а
.о..о..о. ..е.о..э
.о.ая и..а

— Как видите, — продолжил Ботреле, — не очень-то вразумительно. Ключ к шифру одновременно и очень простой: цифры заменяются

гласными и точки согласными — и очень трудный, задача наша почти невыполнима, так как никаких дополнительных указаний нет.

— Да уж, весьма туманно.

— Попробуем все же внести кое-какую ясность. Возьмем вторую строчку. Она явно разделена на две части, каждая из которых, по всей вероятности, представляет собой слово. Если мы теперь попробуем заменить промежуточные точки согласными, то после многочисленных проб и ошибок увидим, что логически к гласным первого слова можно добавить только те согласные, которые вместе с ними образуют слово «девичья».

— Возможно, здесь речь идет о мадемуазель де Жевр и мадемуазель де Сен-Веран?

— Вне всякого сомнения.

— А еще какое-нибудь слово вы отгадали?

— Да. В последней строчке две рядом стоящие гласные «а» и «я» дают нам прилагательное женского рода. Это такие слова, как «новая», «голая», «полая», «сотая».

— Действительно, вы правы.

— И наконец, в последнем слоге две согласных и две гласных, причем последняя — «а». Я долго думал над этим, перепробовал все согласные одна за другой и в конце концов пришел к двум

возможным словам — «игла» и «игра». Составив теперь из прилагательного и существительного словосочетание, мы методом исключения придем к наиболее вероятному, как мне кажется, решению: «полая игла».

— Возможно, вы и разгадали слова, однако в чем это может нам помочь?

— Ни в чем, — задумчиво проговорил Ботреле. — Пока ни в чем… может быть, позднее… посмотрим. Почему-то мне кажется, что в этих двух загадочных словах «полая игла» заключено нечто очень важное. Сейчас меня больше занимает сам листок бумаги, на котором все это написано. У меня такое впечатление, что в наше время этот зернистый пергамент уже не выпускают. Цвета слоновой кости… А линии сгибов… будто бы очень давнишние… и здесь вот, с обратной стороны, похоже на отпечатки красного воска…

Тут Ботреле прервали. Секретарь Бреду приоткрыл дверь, чтобы сообщить о неожиданном приезде генерального прокурора.

Господин Фийель поднялся.

— Господин генеральный прокурор здесь, внизу?

— Нет, господин следователь, господин гене-

ральный прокурор остался в машине. Он ехал мимо и просил вас выйти к воротам на два слова.

— Странно, — пробормотал господин Фийель. — Ладно, схожу посмотрю. Извините, Ботреле, я сейчас вернусь.

Он вышел. Слышны были его удаляющиеся шаги. И вдруг секретарь затворил дверь, запер ее и положил ключ в карман.

— Что такое?! — удивленно вскричал Ботреле. — Что вы делаете? Зачем запираться?

— Так нам будет удобнее разговаривать, — ответил Бреду.

Ботреле кинулся к внутренней двери, ведущей в соседнюю комнату. Он все понял. Сообщником оказался Бреду, сам секретарь следователя!

Тот усмехнулся:

— Э-э, мой юный друг, только пальцы себе обдерете, у меня и от той двери ключ.

— Ну, тогда в окно! — выкрикнул Ботреле.

— Поздно, — возразил Бреду и с револьвером в руках загородил проход к окну.

Все пути отступления отрезаны. Ничего не поделаешь, надо обороняться от врага, наконец сорвавшего с себя маску. Изидор, охваченный тревожным предчувствием, скрестил руки на

груди.

— Так-то лучше, — буркнул секретарь, — а теперь поживее.

И, вынув из кармана часы, пояснил:

— Наш славный господин Фийель топает сейчас к воротам. Там, конечно, никого, никакого намека на прокурора. Ну тогда он вернется назад. Все это дает нам четыре минуты. Чтобы выскочить вот в это окно, добежать через развалины до дверцы и вскочить на мотоцикл, мне хватит и минуты. Значит, остается три. Вполне достаточно.

Перед Ботреле стоял нескладный человек довольно странной наружности. На тонких длинных ногах колыхалось огромное, круглое, словно паучье, тело с несоразмерно длинными руками. Костлявое лицо, узкий низкий лоб, свидетельствующий о тупом упрямстве.

Юноша покачнулся, ноги его сделались как ватные. Он рухнул на стул.

— Говорите, что вам надо?

— Бумагу. Уж три дня ее ищу.

— У меня ее нет.

— Лжешь. Я, когда входил, видел, как ты ее в бумажник запрятал.

— А что потом?

— Потом? Будешь паинькой. Ты нам надоел.

Оставь нас в покое и занимайся своими делами. Наше терпение вот-вот иссякнет.

С нацеленным на Ботреле револьвером он шагнул к молодому человеку. Голос бандита звучал глухо, отрывисто, в нем чувствовалась недюжинная сила. Жесткий взгляд, жестокая усмешка. Ботреле вздрогнул. Впервые в жизни чувство близкой опасности посетило его. И какой! Он чувствовал, что вступает в противоборство с лютым врагом, со слепой и беспощадной силой.

— Ну а после? — сдавленно прошептал он.

— После? Ничего… Будешь свободен…

И так как Ботреле не отвечал, Бреду напомнил:

— Осталась минута. Решайся. Но смотри, приятель, без глупостей… Мы все равно сильнее, и будем такими всегда и везде. Быстро бумагу…

Изидор не пошевелился. Волнуясь, смертельно бледный и охваченный ужасом, он, однако, не терял ясности ума и способности рассуждать. В двадцати сантиметрах от его глаз зияло дуло пистолета. Согнутый палец начал нажимать на курок. Достаточно лишь одного маленького усилия…

— Бумагу! — повторил Бреду. — А не то…

— Вот! — сказал Ботреле.

Вынув бумажник, он протянул его секретарю.

Тот живо схватил добычу.

— Так-то лучше. Вот теперь мы благоразумные. Нет, с тобой можно иметь дело, труслив, конечно, немного, но парень не дурак. Скажу ребятам. А пока, прощай. Я побежал.

Он убрал револьвер и дернул за оконный шпингалет. Из коридора послышался шум.

— Прощай, — повторил он, — пора.

Но что-то его остановило. Он быстро заглянул в бумажник.

— Разрази меня гром! Нет бумаги! Провел-таки!..

Он спрыгнул обратно в комнату. Но тут раздались два выстрела. Это Изидор выхватил свой пистолет.

— Промазал, парень! — завопил Бреду. — Дрожит рука-то, страшно небось.

Они схватились и покатились по паркету. В дверь громко стучали.

Изидор слабел, противник оказался сильнее. Конец близился. Он увидел занесенную руку с ножом. Последовал удар. Резкая боль обожгла плечо. Он разжал руки.

Теряя сознание, юноша чувствовал, как кто-то залез во внутренний карман пиджака, вытащил документ. Последнее, что он различил сквозь пе-

лену, туманящую взор, — как человек вспрыгнул на подоконник.

Газеты, опубликовавшие на следующее утро заметки о последних событиях в Амбрюмези — подмене часовни, обнаружении трупов Арсена Люпена и Раймонды, о покушении на убийство Ботреле секретаря следователя Бреду, — сообщили две следующие новости: исчезновение Ганимара и похищение в самом центре Лондона средь бела дня Херлока Шолмса в тот момент, как сыщик садился на поезд, идущий в Дувр.

Таким образом, банда Люпена, на мгновение растерявшаяся, столкнувшись с необыкновенной проницательностью семнадцатилетнего юнца, вновь перешла в наступление и с первого же удара по всем позициям завоевала победу. Оба сильнейших противника Люпена, Шолмс и Ганимар, устранены. Ботреле вне игры. Не осталось никого, кому было бы под силу устоять перед лицом мощного врага.

IV. Лицом к лицу

Прошло месяца полтора. Как-то вечером накануне 14 июля я отпустил слугу. Было душно, как перед грозой, и выходить из дому мне совсем не улыбалось. Раскрыв окна настежь, я зажег лампу на рабочем столе и уселся в кресло, намереваясь просмотреть газеты, которые не успел прочитать утром. Как обычно, было много заметок об Арсене Люпене. С тех пор как злоумышленники покушались на жизнь бедного Изидора Ботреле, и дня не проходило без статьи о деле в Амбрюмези. Ему отвели целую рубрику. Быстро разворачивающиеся неожиданные и сбивающие с толку события, подобно увлекательному драматическому произведению, вызвали невиданный интерес и были у всех на устах. Господин Фийель со скромностью, достойной одобрения, окончательно смирившийся со своей второстепенной ролью в этом деле, поведал репортерам о подвигах своего молодого помощника в течение тех трех памятных дней; его рассказ вызвал целый шквал самых смелых предположений.

Все выдвигали свои собственные версии про-

исшедшего. Знатоки и специалисты по преступлениям, писатели и драматурги, судьи и бывшие начальники полиции, отставные господа Лекоки и будущие Херлоки Шолмсы — все вырабатывали свои гипотезы и публиковали их в обширных интервью. Каждый вел свое расследование и приходил к собственным выводам. И начало всей этой борьбе мнений положили утверждения юного Изидора Ботреле, ученика в классе риторики лицея Янсон-де-Сайи.

Да, следовало признать: именно ему открылись элементы истины. В чем же заключалась тайна? Стал известен тайник, куда укрылся и где впоследствии агонизировал Арсен Люпен, это бесспорно. Доктор Делятр под тем предлогом, что он не может выдать врачебную тайну, уклонился от дачи показаний. Однако в кругу близких друзей, один из которых немедленно обнародовал эти сведения, поведал о том, что его привозили именно в склеп к пациенту, которого сообщники представили ему как Арсена Люпена. В склепе же был обнаружен труп Этьена Водрея, который, как неопровержимо доказало следствие, являлся не кем иным, как Арсеном Люпеном, так что утверждение о том, что Арсен Люпен и Этьен Водрей — одно лицо, получило дополнительное

подтверждение.

Итак, Арсен Люпен мертв, тело мадемуазель де Сен-Веран опознано благодаря золотой цепочке на правой руке, иными словами, дело закончено.

Однако это было не так. Ботреле придерживался иного мнения, и все верили ему. Неизвестно было, почему на этом не заканчивалась драма, но, по словам молодого человека, тайну еще предстояло раскрыть. Утверждение Ботреле перевешивало события, происшедшие в действительности. Было во всем этом деле еще что-то, не известное никому, и мы не сомневались, что юноша вскоре разгадает и эту загадку.

С какой тревогой все ожидали вначале сообщения о состоянии его здоровья от дьепских врачей, заботам которых граф поручил раненого! С каким восторгом однажды утром восприняли опубликованное в газетах известие о том, что жизнь его уже находится вне опасности! Даже мельчайшие подробности вызывали бурный интерес. Мы умилялись, узнав, что за больным ухаживал старик отец, спешно вызванный телеграммой, и восхищались самоотверженностью мадемуазель де Жевр, проводившей ночи у изголовья раненого.

Последовало быстрое и радостное выздоровление. Наконец-то мы все узнаем! Узнаем, что

именно Ботреле пообещал открыть господину Фийелю, те решающие слова, которые занесенный нож убийцы помешал ему произнести! Станет известно все, что, лишь косвенно касаясь происшедшей драмы, оставалось недоступным, несмотря на старания служителей правосудия.

Раз Ботреле здоров, излечился от ран, мы скоро узнаем правду о господине Харлингтоне, загадочном сообщнике Арсена Люпена, до сих пор содержащемся в тюрьме Сантэ. Узнаем и то, куда после совершения преступления делся секретарь суда Бреду, этот второй, страшный своей жестокостью сообщник.

С помощью Ботреле приоткроется завеса над загадочным исчезновением Ганимара и похищением Херлока Шолмса. Как могли произойти эти два новых преступления? Над тайной бились английские детективы и их французские коллеги, однако до сих пор не удалось напасть на их след. В воскресенье на Троицу Ганимар не вернулся домой, не появился он и в понедельник, и вот уже полтора месяца о нем не было никаких вестей.

В тот же понедельник, в четыре часа вечера, в Лондоне Херлок Шолмс подозвал кэб, намереваясь отправиться на вокзал. Но, едва сев в экипаж, попытался выйти, видимо почувствовав опас-

ность. Однако двое неизвестных, подскочивших к кэбу с двух сторон, опрокинули его и зажали между собой, вернее, под собой, поскольку места в экипаже не хватало для троих. И все это произошло на глазах десятка свидетелей, так и не успевших вмешаться. Кучер погнал коня галопом, и кэб быстро скрылся из виду. Что же потом? Ничего. Ничего не было известно.

Возможно, Ботреле удастся также полностью расшифровать документ, таинственные письмена, которые так жаждал заполучить секретарь Бреду и ради коих он не остановился даже перед убийством. «Тайна полой иглы», как называли ее бесчисленные любители, что, склонившись над колонками цифр и точек, безуспешно пытались найти ключ к разгадке. Полая игла! Странное сочетание двух слов, загадка, начертанная на клочке бумаги, даже происхождение которого оставалось неизвестным! А может, здесь и вовсе не было никакого смысла, и загадочные слова написал, решая ребус, какой-нибудь школьник, марая чернилами тетрадь? Или, наоборот, таинственные слова заключали в себе волшебный смысл, определяющий дело всей жизни такого искателя приключений, как Люпен? Тайна, покрытая мраком.

Однако мы надеялись, что скоро все прояснится. Вот уже несколько дней назад в газетах появилось сообщение о приезде Ботреле в Париж. Борьба вот-вот возобновится, и теперь уже молодой человек, горящий желанием взять реванш, наконец восторжествует.

Имя его, набранное крупными буквами, привлекло мое внимание. Вверху газетной полосы в «Гран Журналь» была опубликована такая заметка:

«Нам удалось добиться от господина Изидора Ботреле согласия на первоочередную публикацию в нашей газете сделанных им разоблачений. Завтра, в среду, еще до того, как информация эта будет передана в органы правосудия, „Гран Журналь“ опубликует полную правду о драме в Амбрюмези».

— Многообещающе звучит, не правда ли? Как вы считаете, мой дорогой?

Я так и подскочил в кресле. Рядом со мной на стуле сидел неизвестный господин.

Вскочив, я оглянулся в поисках оружия. Однако незнакомец выглядел вполне безобидно, и я счел за лучшее взять себя в руки и подойти к нему.

Моим гостем оказался молодой человек с энергичным лицом, длинными светлыми волосами

и короткой, чуть рыжеватой бородкой, разделенной посередине на два острых конца. На нем был костюм, напоминающий строгие одежды английского священника, и весь его облик был проникнут серьезностью и значительностью, вызывающей почтение.

— Кто вы такой? — строго спросил я. И так как он не отвечал, снова задал тот же вопрос: — Кто вы такой? Как вы сюда попали? Что вам здесь нужно?

Он поглядел на меня:

— Не узнаете?

— Нет! Нет!

— А вот это уже весьма любопытно! Ну, подумайте… один ваш знакомый… особый такой знакомый…

Я схватил его за руку:

— Ложь! Вы не тот, за кого себя выдаете! Неправда!

— Почему же тогда вы сразу подумали именно о нем? Ведь, может быть, речь идет о ком-то другом? — рассмеялся он.

О, этот смех! Звонкий и молодой, веселый и немного ироничный, так часто тешивший меня когда-то. Я вздрогнул. Возможно ли это?

— Нет-нет! — взволновался я. — Не может

быть.

— Не может быть, что я — это я, потому что я умер, а вы не верите в воскресение из мертвых? — И снова засмеялся. — Разве я из тех, кто умирает? Скончаться от пули в спину, выпущенной девчонкой! Что-то вы меня недооцениваете! Уж никогда бы не согласился на такой бесславный конец!

— Значит, это все-таки вы? — в волнении, все еще не веря, бормотал я. — Что-то я вас не узнаю…

— Ну тогда, — весело воскликнул он, — я могу быть спокойным — если даже единственный человек, которому я показался в своем истинном обличье, не может меня узнать, то никто другой, увидев меня таким, каков я сейчас, тем более не узнает, даже если я буду выглядеть так, как на самом деле, хотя, кто знает, как я выгляжу на самом деле…

Понемногу в голосе зазвучали знакомые нотки, послышался давно забытый тембр, я начал узнавать и глаза, и выражение лица, и всю его повадку, да и самого Люпена, чьи черты проступили сквозь маску, которую он на этот раз пожелал на себя надеть.

— Арсен Люпен, — прошептал я.

— Да, Арсен Люпен, — воскликнул он, поднима-

ясь. — Единственный и неповторимый Люпен по возвращении из царства теней. Ведь говорят, я долго агонизировал, а потом скончался в каком-то склепе. Арсен Люпен, живой, как никогда, как всегда, деятельный, счастливый и свободный, задавшийся целью как можно полнее воспользоваться своей независимостью в том мире, где ему до сих пор сопутствовали везение и успех.

Теперь засмеялся я.

— Вижу, вижу, это, конечно, вы. Сегодня вы, кажется, повеселее, чем в тот день в прошлом году, когда я имел удовольствие видеть вас в последний раз. Мои поздравления.

Я намекал на последний его визит ко мне после истории с диадемой[1], на неудавшуюся женитьбу, на его бегство с Соней Кришнофф и ужасную смерть русской девушки. В тот день я увидел Арсена Люпена таким, какого не знал раньше, слабым, убитым, с полными слез глазами, жаждущего хоть капли симпатии и участия.

— Не надо об этом, — сказал он, — прошлое далеко.

— Это было всего год назад, — возразил я.

— Десять лет назад, — заявил мой гость, — в

---

[1] notes: 1

«Арсен Люпен» — пьеса в четырех действиях.

жизни Арсена Люпена год идет за десять.

Решив не настаивать, я переменил тему беседы:

— Как же вы все-таки вошли?

— Бог мой, да как все люди, через дверь. Не увидев никого в холле, я прошел в гостиную, вышел на балкон — и вот я здесь.

— Пускай, но ключ… У вас ведь не было ключа.

— Вы же знаете, для меня не существует замков. Мне нужна была ваша квартира, и я пришел.

— К вашим услугам. Мне уйти?

— О, ни в коем случае, вы не будете лишним. Осмелюсь даже предположить, что ожидается весьма интересная встреча.

— Вы кого-нибудь ждете?

— Да, я здесь назначил свидание на десять часов.

Он вынул часы.

— Уже десять. Если телеграмма пришла вовремя, он не замедлит…

В вестибюле раздался звонок в дверь.

— Что я вам говорил? Нет-нет, не беспокойтесь. Я сам открою.

С кем же, черт побери, мог он назначить встречу? При какой драматической или комической сцене доведется мне присутствовать? Раз уж сам

Люпен назвал встречу небезынтересной, значит, это будет нечто из ряда вон выходящее.

Спустя минуту он появился в комнате, пропуская вперед худого, высокого, очень бледного молодого человека.

Не говоря ни слова, с некоторой торжественностью, сбивавшей меня с толку, Люпен зажег все электрические лампы. Комнату залило ярким светом. И тогда двое мужчин пристально взглянули друг на друга, как будто стремились глубоко проникнуть глазами один в другого. Волнующим было зрелище их молчаливого, серьезного поединка. Кто бы мог быть этот посетитель?

И как раз в тот момент, когда я уже начал догадываться, кто это, узнав его по совсем недавней фотографии в газете, Люпен обратился ко мне:

— Дорогой друг, разрешите вам представить господина Изидора Ботреле.

И, обернувшись к молодому человеку, начал так:

— Премного вам благодарен, господин Ботреле, во-первых, за то, что вы были так любезны, получив мое письмо, отложить свои разоблачения до нашей с вами встречи, и, во-вторых, за то, что так мило согласились прийти сюда.

Ботреле улыбнулся.

— Хотелось бы отметить, что любезность моя в основном заключается в повиновении вашим приказам. Угроза, содержащаяся в письме, о котором вы говорили, возымела тем большее действие, что она касалась не меня, а моего отца.

— Что делать, — засмеялся Люпен, — работаем, как можем, приходится использовать те средства, которыми мы располагаем. По опыту я знал, что собственная безопасность для вас не много значит, так как вы не поддались на уговоры господина Бреду. Оставался ваш отец… ваш отец, которого вы так любите… и я дернул за эту ниточку.

— И вот я здесь, — подтвердил Ботреле.

Я предложил им садиться. Опустившись в кресло, Люпен с типичной для него чуть заметной иронией начал:

— Господин Ботреле, если вы не желаете принять мою благодарность, то, может быть, примете, по крайней мере, мои извинения?

— Извинения? Да за что же, Боже мой?

— За грубость, проявленную Бреду по отношению к вам.

— Не скрою, он меня порядком удивил. Способ был нехарактерным для Люпена. Удар ножом…

— Здесь я совсем ни при чем. Господин Бреду

еще новичок. Мои друзья, когда им пришлось самим управлять нашими делами, решили, что небесполезно было бы склонить на нашу сторону секретаря того самого следователя, что вел дело.

— Ваши друзья не ошиблись.

— Вы правы, Бреду, специально приставленный к вам, оказал нам неоценимые услуги. Но в своем рвении, как всякий новообращенный, желающий выделиться, он переборщил и, нарушив мои планы, позволил себе по собственной инициативе ударить вас ножом.

— О, досадный пустячок!

— Нет-нет, не думайте, я сурово наказал его. Но действия Бреду, однако, можно в какой-то мере оправдать тем, что вы своим неожиданно стремительным расследованием застали его врасплох. Подарив нам еще лишь несколько часов, вы бы избежали столь непростительного нападения.

— Тогда бы мне, без сомнения, больше повезло и пришлось бы разделить участь господ Ганимара и Херлока Шолмса?

— Совершенно верно, — хохотал Люпен. — А я бы не мучился жестоко угрызениями совести из-за вашей раны. Клянусь, мне пришлось провести ужасные часы, и даже сейчас при виде вашей бледности я продолжаю себя корить. Вы на меня

больше не сердитесь?

— Вы мне доверились, — отвечал Ботреле, — и доказательством тому служит ваша откровенность без всякой задней мысли, хотя мне было бы так легко привести за собой нескольких друзей Ганимара; это доказательство доверия стирает все обиды.

Говорил ли он всерьез? Признаюсь, я был несколько ошарашен. Дуэль этих двух людей начиналась весьма странно. Я ничего не понимал, тогда как при первой встрече Арсена Люпена с Херлоком Шолмсом[2] в кафе Северного вокзала мне хорошо запомнились надменное поведение обоих противников, столкновение гордых характеров под маской изысканной вежливости, взаимные невидимые удары, притворство, высокомерие.

Здесь же ничего похожего. Нет, Люпен не изменился. Все та же тактика, то же лукавое дружелюбие. Однако с каким странным противником приходилось вести ему бой! Да и был ли он и вправду противником? По его виду и тону беседы этого не скажешь. Очень спокойный, и спокойствие его не было мнимым, не скрывало

---

[2] notes: 2
«Арсен Люпен против Херлока Шолмса».

сдерживаемого раздражения, очень, но не преувеличенно вежливый, с открытой, без вызова улыбкой, он составлял полную противоположность, столь разительную, что даже сам Люпен казался, как и я, сбитым с толку.

Нет, в самом деле в присутствии этого подевичьи розовощекого, хрупкого подростка с невинным, ясным взглядом Люпен утратил свою обычную самоуверенность. Я все чаще замечал, что ему не по себе. Он медлил, не решаясь перейти в наступление, терял время на медоточивые, сладкие речи.

Похоже было, что ему чего-то не хватало. Он как будто ждал. Чего? Помощи? Откуда?

Снова в дверь позвонили. Он сам поспешил открыть.

И спустя некоторое время снова появился в комнате с письмом в руке.

— Вы позволите, господа?

Люпен надорвал конверт. Там оказалась телеграмма. Он начал читать.

И разом весь переменился. Лицо его прояснилось, вены на лбу вздулись, он выпрямился. Передо мною снова стоял атлет, уверенный в себе победитель, хозяин событий, владычествующий над людьми. Он разложил телеграмму на столе и,

стукнув по ней кулаком, властно проговорил:

— Ну, что ж, господин Ботреле, начнем!

Ботреле приготовился слушать, и Люпен негромко, но сухо и отрывисто начал:

— Пора сбросить маски и прекратить лицемерные любезности. Мы с вами враги, и нам следует вести себя соответственно, как врагам, противостоять друг другу, а значит, и сделку заключать тоже как врагам.

— Сделку? — удивился Ботреле.

— Да, сделку. Я не случайно употребил это слово, повторяю, сделку, чего бы это ни стоило. А стоит подобный договор для меня многого. Впервые я иду на сделку с противником. Но сразу должен оговориться, это в последний раз. Пользуйтесь моментом. Я не выйду отсюда, пока вы мне не дадите слова. В противном случае война.

Казалось, удивлению Ботреле не было предела. Он вежливо ответил:

— Такого я не ожидал… Как странно вы говорите! Я думал, что все будет совсем по-другому. Да, совсем иным я представлял вас себе. Зачем этот гнев? Угрозы? Разве мы стали врагами потому только, что волею обстоятельств оказались по разные стороны барьера? Отчего это — враги?

Люпен слегка растерялся, услышав ответ юно-

ши, однако усмехнулся и, склонившись к нему, произнес:

— Послушайте, малыш, дело вовсе не в словах, речь идет о реальности, факте действительном, неоспоримом. А именно. Вот уже десять лет я не встречал противника, по силам равного вам; раньше, с Ганимаром, Херлоком Шолмсом я играл, как кошка с мышью. С вами же приходится защищаться, более того, отступать. Да, и мне и вам хорошо известно, что в настоящий момент я должен считать себя побежденным. Арсен Люпен проиграл Изидору Ботреле. Планы мои нарушены. То, что я задумал сделать втайне, выплыло на свет. Вы мешаете мне, стоите на моем пути. В конце концов, мне это надоело. Бреду предупредил вас, однако напрасно. Теперь я сам хочу повторить, чтобы вы хорошенько это усвоили: мне надоело.

Ботреле покачал головой.

— Чего же вы все-таки хотите?

— Покоя! Пусть каждый занимается своим делом.

— Иными словами, вы будете продолжать спокойно грабить, а я вернусь к своим занятиям?

— К занятиям… к чему-либо другому, меня это не касается. Но вы оставите нас в покое… Я хочу

покоя!

— Чем же могу я его нарушить, ваш покой?

Люпен с силой сжал его руку:

— Вам это прекрасно известно! Не делайте вид, будто ничего не понимаете. Сейчас в ваших руках секрет, имеющий для меня особое значение. Прежде я не вмешивался, предоставляя вам самому обо всем догадаться, но теперь скажу: вы не имеете никакого права обнародовать эти сведения.

— Вы так уверены, что мне все известно?

— Уверен, и вы это знаете: день за днем, час за часом следил я за ходом ваших мыслей и за тем, как продвигается следствие. В тот самый момент, когда Бреду напал на вас, вы уже собирались все сказать. И лишь беспокойство об отце заставило вас впоследствии отложить свои разоблачения. Но теперь вы дали слово опубликовать их вот в этой газете. Статья готова. Через час она будет набрана. А завтра появится в печати.

— Это верно.

Люпен поднялся и рубанул рукой воздух.

— Ее не напечатают! — выкрикнул он.

— Напечатают, — так же резко выпрямился Ботреле.

И вот оба противника оказались лицом к лицу. Мне показалось, столкнулись две силы, как если

бы они схватились врукопашную. Новая энергия озарила черты Ботреле. Как от искры, загорелись в нем неизведанные доселе чувства: отвага, самолюбие, воля к борьбе, опьянение опасностью.

А во взгляде Люпена сверкала радость дуэлянта, наконец скрестившего меч со злейшим врагом.

— Статья отдана в набор?

— Нет еще.

— У вас она… с собой?

— Э, я не так глуп! Она уже в надежных руках.

— Где же?

— У одного из редакторов в двойном конверте. Если в полночь меня еще не будет в редакции, он сам отдаст ее в печать.

— Прохвост! — процедил Люпен сквозь зубы. — Все предусмотрел!

Гнев его вскипал, он уже не сдерживался.

Тут Ботреле, в свою очередь, опьяненный успехом, насмешливо расхохотался.

— А ну-ка умолкни, сопляк! — выкрикнул Люпен. — Ты что, не знаешь, с кем имеешь дело? Да если я захочу… Надо же, он еще смеется!

Сгустилась тяжелая тишина. Люпен приблизился к Ботреле и, глядя ему прямо в глаза, тихо произнес:

— Ты побежишь сейчас в «Гран Журналь»…

— Нет.

— Изорвешь в клочья свою статью.

— Нет.

— Зайдешь к главному редактору.

— Нет.

— Скажешь ему, что ошибся.

— Нет.

— И напишешь другую заметку, где будешь придерживаться официальной версии по делу в Амбрюмези, версии, принятой всеми.

— Нет.

Люпен схватил с моего стола железную линейку и легко переломил ее пополам. Чудовищно бледный, он стер капли пота, выступившие на лбу. Никогда еще его воля не встречала сопротивления. Он буквально обезумел от упорства этого мальчишки.

Сжав железной хваткой плечи Ботреле, Люпен отчеканил:

— Ты все это сделаешь, Ботреле, ты скажешь, что получил неопровержимые доказательства моей смерти, что это непреложный факт. Ты скажешь так потому, что я этого хочу, потому, что нужно, чтобы поверили в мою смерть. Ты скажешь так еще и потому, что если нет…

— Если нет, то что?

— Этой же ночью исчезнет твой отец, как исчезли раньше Ганимар и Херлок Шолмс.

Ботреле улыбнулся.

— Не смейся… Отвечай.

— Отвечу, что хотя мне и крайне неприятно вас огорчать, но я дал слово все рассказать и сдержу его.

— Расскажи то, что я тебе велел.

— Я расскажу то, что соответствует истине! — горячо воскликнул Ботреле. — Вам этого не понять, не понять радости, нет, скорее, потребности рассказать то, что на самом деле, и рассказать во всеуслышание! Истина здесь, она созрела в моем мозгу и как есть, без прикрас, появится на свет во что бы то ни стало. Статья выйдет в таком виде, как я ее написал. Все узнают, что Люпен жив, узнают и причину, по которой он делал вид, что умер. Словом, узнают обо всем. — И спокойно добавил: — А мой отец не исчезнет.

Оба снова замолчали, сверля друг друга глазами. Начеку, каждый пристально следил за противником. Мечи обнажены. Наступила тишина, предвещающая смертельный удар. Кто же нанесет его?

Люпен прошипел:

— Сегодня же, в три часа ночи, если только я

не отменю приказ, двое моих людей проникнут в комнату твоего отца и силой заставят его следовать за ними туда, где уже содержатся Ганимар и Херлок Шолмс.

Взрыв смеха был ему ответом.

— Чудак, да разве ты еще не понял, — воскликнул Ботреле, — что я тоже принял кое-какие меры предосторожности? Не думаешь ли ты, что я настолько наивен, чтобы, как последний глупец, отпустить отца одного домой, в глухую деревню?

О, какой приятный, чуть ироничный смех был у этого молодого человека. Он стал смеяться как-то по-новому, по-люпеновски! И это дерзкое тыканье, разом поставившее его на одну доску с противником! Ботреле продолжал:

— Видишь ли, Люпен, ты очень ошибаешься, полагая, что все твои ходы непогрешимы. Объявил себя побежденным! Ловко! А сам убежден, что всегда в конце концов одержишь верх! Но забываешь при этом, что у других тоже могут быть свои хитрости. Моя уловка довольно проста, дружок.

Как приятно было его слушать! Засунув руки в карманы, он непринужденно принялся расхаживать по комнате, задорно поглядывая на Люпена, как ребенок, поддразнивающий свирепого льва.

В тот миг, казалось, он мстит великому искателю приключений самой страшной местью за все жертвы, что попадались когда-либо на его пути.

— Люпен, отец мой не в Савойе. Он на другом конце Франции, в центре большого города, под охраной двадцати моих друзей, которым я велел не спускать с него глаз до самого окончания нашего поединка. Хочешь узнать где? В Шербуре, на квартире одного из служащих военного порта, слышишь, военного, который ночью закрыт, а днем туда можно проникнуть, лишь получив специальное разрешение и к тому же в сопровождении гида.

Он остановился напротив Люпена и вызывающе поглядел на него, как мальчишка, что, высунув язык, дразнит товарища.

— Ну, что ты на это скажешь, мэтр?

Вот уже несколько минут Люпен не двигался с места. Ни один мускул не дрогнул на его лице. О чем он думал? На что собирался решиться? Хорошо зная его болезненное самолюбие, я понимал, что для него возможен лишь один выход: немедленно окончательно и бесповоротно повергнуть своего соперника ниц. Пальцы его судорожно сжались. На мгновение мне показалось, что вот сейчас он кинется на Ботреле и придушит его. А

тот повторил свой вопрос:

— Что же ты на это скажешь, мэтр?

Люпен взял со стола телеграмму и, уже полностью владея собой, протянул ее молодому человеку со словами:

— Держи, детка, почитай.

Спокойные движения, ровный тон произвели на Ботреле должное впечатление, он посерьезнел и, развернув бумагу, начал читать. Но тут же поднял глаза, шепча:

— Что это значит? Не понимаю…

— Но самое первое слово-то ты должен понять, — возразил Люпен, — начальное слово телеграммы… то есть название пункта, из которого она отправлена… Ну посмотри, видишь — Шербур.

— Да-да… — невнятно прошептал Ботреле, — да… Шербур… а что дальше?

— Дальше? Мне казалось, что текст телеграммы предельно ясен: «Товар отгружен. Его сопровождают наши люди. Они будут ждать инструкций до восьми часов утра. Все в порядке». Что же в этом непонятного? Слово «товар»? Но не могли же они написать прямо «папаша Ботреле»! Что еще не ясно? Каким образом осуществилась операция? Каким чудом твоего папочку вырвали из

Шербурского порта, из-под носа двадцати телохранителей? Ба! Да это детская забава! Главное, что товар отгружен. Что скажешь на это, детка?

Собрав все свои силы, отчаянно напрягая волю, Изидор пытался овладеть собой. Но губы его дрожали, лицо расплывалось в гримасе, взгляд никак не мог сосредоточиться, и вот уже он, невнятно что-то пробормотав, умолк и забился вдруг в рыданиях, согнувшись вдвое и закрыв лицо руками:

— О, папа… папа!..

Неожиданный поворот был именно тем, чего требовало уязвленное самолюбие Люпена, однако насколько наивной и по-детски трогательной оказалась реакция молодого человека! Люпен раздраженно повел плечами и взялся было за шляпу, возмущенный столь неуместным взрывом чувств. Но на пороге остановился, передумав, и медленно, шаг за шагом пошел назад.

Тихие рыдания все продолжались, подобные жалобе убитого горем ребенка. Плечи конвульсивно подергивались. Сквозь сомкнутые пальцы текли слезы отчаяния. Люпен наклонился и, не касаясь Ботреле, уже без всякого вызова, но и без ранящего душу высокомерного сочувствия победителя проговорил:

— Не плачь, малыш. Нужно было приготовиться к этому, коль скоро ты решил с поднятым забралом ринуться в бой. Тебя подстерегают жесточайшие разочарования. Так предопределено судьбой тем, кто избирает борьбу. Немного стойкости не помешает. — И мягко продолжал: — Знаешь, ты был прав, мы не враги. Это я уже знаю давно. С самого первого часа я испытал к тебе, такому умному противнику, невольную симпатию… и даже восхищение… Вот почему я хочу тебе сказать… только не обижайся… я ни за что не хотел бы тебя обидеть… но сказать нужно… В общем, откажись от борьбы со мной… Я не из тщеславия это говорю… и не потому, что я тебя презираю, нет, но, видишь ли, борьба будет слишком неравной… Ты даже не знаешь… никто не знает всех средств, которыми я располагаю… Даже если взять, к примеру, секрет «полой иглы», над которым ты напрасно бьешься, представь на минуту, что это бесценные, неисчислимые сокровища… или же невидимое, сказочное, надежное укрытие… или же то и другое вместе… Подумай, какой сверхчеловеческой властью я наделен, обладая всем этим! А ты еще не знаешь всех моих возможностей… всего, что я способен предпринять благодаря своему воображению и

воле. Ты только подумай: вся моя жизнь с самого рождения, можно сказать, подчинена одной-единственной цели… Я работал как каторжный, стремясь стать тем, кем я стал, отточить, довести до совершенства тот образ, который я для себя избрал. А что можешь ты? В тот самый момент, когда, как тебе покажется, ты ухватишь истину, она снова ускользнет от тебя в укромное место… Прошу тебя, отступись. Мне придется сделать тебе больно, а я этого не хочу. — И, опустив руку ему на лоб, повторил: — Еще раз говорю тебе, малыш, отступись. Я причиню тебе зло. Возможно, ловушка, куда ты неизбежно попадешь, уже поджидает тебя!

Ботреле отнял руки от лица. Он больше не плакал. Слышал ли он слова Люпена? По его отсутствующему виду этого нельзя было понять. Он помолчал с минуту, собираясь с мыслями, чтобы принять верное решение, взвесив все «за» и «против», заранее просчитав все благоприятные и неблагоприятные условия. И наконец сказал Люпену:

— Если я изменю статью, подтвердив версию о вашей смерти, и дам вам слово никогда не опровергать ложные сведения, которые сам же и опубликую, поклянетесь ли вы мне, что мой отец

окажется на свободе?

— Клянусь. Мои друзья повезли твоего отца на автомобиле в другой город. Если завтра в семь утра «Гран Журналь» выйдет с твоей статьей, которая мне нужна, я позвоню им, и они отпустят твоего отца.

— Хорошо, — ответил Ботреле. — Принимаю ваши условия.

Он стремительно поднялся, как будто после признания своего поражения хотел побыстрее закончить встречу, взял шляпу, поклонился мне и Люпену и вышел.

Люпен поглядел ему вслед и, услышав стук захлопывающейся двери, пробормотал:

— Бедный мальчик…

Наутро я к восьми часам послал слугу за «Гран Журналь». Тот возвратился лишь через целых двадцать минут: во многих киосках не осталось уже ни одного номера.

С волнением я раскрыл газету. На самом видном месте красовалась статья Ботреле. Привожу ее в том виде, как она была впоследствии перепечатана газетами всего мира.

«ДРАМА В АМБРЮМЕЗИ

Целью этих строк отнюдь не является скрупулезный отчет обо всех умозаключениях и

исследованиях, благодаря которым мне удалось раскрыть двойное преступление, совершившееся в Амбрюмези. На мой взгляд, подобные рассуждения со всеми их составляющими, дедукциями, индукциями, анализом, представляют весьма относительный, даже незначительный, интерес. Поэтому я ограничусь лишь изложением двух основных мотивов моих действий и вместе с тем попытаюсь, показав пути решения двух вытекающих из них задач, восстановить по порядку весь истинный ход событий, составляющих интересующее нас дело.

Легко заметить, что некоторые из моих утверждений бездоказательны, следовательно, отнюдь не исключена иная трактовка событий. Это так. Убежден тем не менее, что, поскольку гипотеза строится на многочисленных неопровержимых фактах, действия, вытекающие из них, хотя и не доказаны полностью, однако логически не могли не произойти. Так ручеек, то появляясь, то исчезая меж камней, берет начало в одном определенном месте, и мы знаем, что это одна и та же струя воды, то видимая, то невидимая глазу, в которой отражается одно и то же голубое небо.

Я подхожу теперь к первой загадке, касающейся скорее не деталей, а целого, загадке, сразу же

привлекшей мое внимание: каким образом смертельно раненному, если можно так выразиться, Люпену удалось просуществовать сорок дней без еды, лекарств и ухода в глубине темного склепа?

Начнем с начала. В четверг 23 апреля, в четыре часа ночи Арсен Люпен, которого застали на месте одного из самых смелых преступлений, бежит среди развалин и падает, сраженный пулей. Он с трудом волочится по земле, падая и вновь поднимаясь, охваченный отчаянной надеждой добраться до часовни. Там находится склеп, о существовании которого он случайно узнал. Если удастся там укрыться, возможно, он будет спасен. Из последних сил он подползает все ближе и ближе, и вот уже до часовни не более нескольких метров, как раздаются шаги. Измученный, он безнадежно замирает. Враг приближается. Это мадемуазель Раймонда де Сен-Веран. Таков пролог или, скорее, первая сцена драмы.

Что же между ними произошло? Легко догадаться, судя по последующим событиям. У ног девушки измученный болью раненый, не пройдет и двух минут, как он будет схвачен. Это она ранила его. Выдаст ли она его теперь?

Если это убийца Жана Даваля, то да, она предоставит его своей судьбе. В нескольких словах он

описывает ей сцену убийства, совершенного в состоянии законной необходимой обороны ее дядей, господином де Жевром. Она верит ему. Как поступить? Их не видит никто. Слуга Виктор на посту возле двери в стене. Второй, Альбер, стоящий у окна в гостиной, потерял обоих из виду. Выдаст ли она раненного ею человека?

Повинуясь понятному для всех женщин чувству неодолимой жалости, девушка быстро перевязывает рану своим платком, чтобы на траве не оставались следы крови. Затем ключом, который он ей дал, отпирает дверь часовни. Он, опираясь на нее, заходит внутрь. Затворив дверь, она уходит. Появляется Альбер.

Если бы в тот момент или же чуть позже люди вошли в часовню, Люпен, еще не в силах приподнять камень и исчезнуть в подземном ходу, был бы пойман. Но часовню осматривали лишь спустя шесть часов, да и то весьма поверхностно. Люпен был спасен — и кем? Той, что едва его не убила.

С тех пор, хотелось ей этого или нет, мадемуазель Раймонда де Сен-Веран сделалась его сообщницей. Ей не только никак нельзя было выдать место, где тот скрывался, но и приходилось продолжать помогать ему, иначе раненый погиб

бы в укрытии, куда она сама его привела. И она помогала. Впрочем, женский инстинкт, повинуясь которому она никак не могла поступить иначе, к тому же облегчал ей эту задачу. Тонко чувствуя опасность, она предусмотрела все, именно она ввела следователя в заблуждение относительно примет Арсена Люпена (вспомним, как разнились показания обеих кузин на этот счет). Она же, конечно, по неизвестным мне причинам догадалась, что переодетым шофером был один из сообщников Люпена, и предупредила его об опасности. Это она сказала ему, что надо действовать быстро. Это она, вне сомнения, подменила фуражку. Это она предложила написать ту самую записку с угрозами в собственный адрес — кому после этого придет в голову подозревать ее?

Это она в тот момент, когда я собирался поделиться со следователем своими первыми впечатлениями об этом деле, заявила, что видела меня накануне в лесу, вызвав настороженность господина Фийеля по отношению ко мне и тем самым принудив меня к молчанию. Опасный ход, конечно, ведь таким образом она рисковала привлечь мое внимание к той, что бросала мне лживое обвинение, но вместе с тем и удачный, ведь главное — выиграть время и заткнуть мне

рот. И она же потом в течение всех сорока дней приносила Люпену еду и лекарства (что может подтвердить увильский аптекарь, показав рецепты, по которым он изготовлял снадобья для мадемуазель де Сен-Веран), и наконец, именно она ухаживала за больным, перевязывала его, лечила и выходила, наконец.

Вот и ответ на первый вопрос, а вместе с тем и изложение событий происшедшей драмы. Арсен Люпен нашел для себя в самом замке помощника, необходимого сначала для того, чтобы его убежище не раскрыли, а затем и для того, чтобы жить.

Теперь он жив. И тут возникает второй вопрос, в поисках ответа на который мне удалось сориентироваться и во второй драме, происшедшей в Амбрюмези. Почему Люпен, живой, свободный, вновь во главе своей банды, всемогущий, как прежде, почему Люпен прилагает отчаянные усилия, на которые я натыкаюсь повсюду, к тому, чтобы правосудие, да и все остальные, твердо уверовали в то, что он мертв?

Вспомним, что мадемуазель Раймонда де Сен-Веран была очень хороша собой. Хотя по фотографиям, опубликованным в газетах после ее исчезновения, трудно об этом судить. И неизбежно случилось то, что должно было случиться.

Люпен в течение сорока дней постоянно видится с девушкой, когда ее нет, мечтает, чтобы она пришла, в ее присутствии наслаждается юным очарованием, ощущает, когда она наклоняется к нему, свежесть ее дыхания и в конце концов влюбляется в свою целительницу. Признательность переходит в любовь, восхищение — в страсть. В ней — спасение, но в ней же и единственная отрада, мечты долгими часами одиночества, свет его очей, его надежда, да и вся его жизнь.

Он уважает ее и, не желая использовать девушку в своих делах, не просит ее быть посредницей между ним и остальными членами банды. В действиях же последней наблюдается разлад. В то же время мадемуазель де Сен-Веран, не желая принять любовь, даже считая ее оскорблением для себя, приходит все реже и реже, тем более что в частых визитах уже нет необходимости, и в конце концов рвет всякое с ним общение. Но он любит ее, и, считая, что любовь оправдывает все, в отчаянии, обезумев от боли, причиненной ею, решается на крайний шаг. Он выходит из укрытия, готовит операцию и в субботу, 6 июня, с помощью своих сообщников похищает девушку.

Однако это еще не все. Нельзя, чтобы о похищении узнали. Необходимо прекратить все

поиски, разрушить гипотезы, даже отнять последнюю надежду: девица де Сен-Веран должна считаться мертвой. Итак, инсценируется убийство, следователю предоставляются необходимые доказательства. Преступление налицо. Впрочем, оно входило в планы злоумышленников, о нем сообщникам было объявлено заранее: убийство должно быть местью за смерть главаря, и этим — подумайте, какой гениальный ход! — этим еще раз укреплялась вера в то, что сам он также мертв.

Однако недостаточно одной лишь веры, нужно еще, чтобы была уверенность. Люпен предвидит, что за дело возьмусь я. Я разгадаю фокус с часовней. Я отыщу склеп. И если он окажется пуст, все его построение рухнет.

Значит, склеп не должен быть пустым.

Точно так же смерть мадемуазель де Сен-Веран не может считаться окончательной, пока море не выбросит ее труп.

Значит, море выбросит труп мадемуазель де Сен-Веран.

Трудно, скажете вы? Невозможно преодолеть два таких препятствия? Согласен, невозможно ни для кого, кроме Арсена Люпена.

Как он и предвидел, я разгадал фокус с часов-

ней, отыскал склеп и спустился в берлогу, где отлеживался Люпен. Там поджидал меня его труп!

Любой другой на моем месте, в принципе не исключавший смерти Люпена, был бы сбит этим с правильного пути. Но я ни на секунду не верил (сначала интуитивно, а затем рассуждая логически) в возможность подобного предположения, а значит, все уловки были напрасны и сложные построения заранее обречены на неуспех. Я понял сразу, что большой камень, который я случайно столкнул заступом, оказался здесь неспроста. От малейшего толчка он должен был упасть, а упав, неминуемо раздавил бы голову мнимого Арсена Люпена, сделав его лицо неузнаваемым.

Далее. Спустя полчаса я узнаю, что на дьепских скалах обнаружен труп мадемуазель де Сен-Веран, точнее, труп, который приняли за тело мадемуазель де Сен-Веран по той причине, что на правой руке у нее оказался браслет, похожий на тот, что носила племянница графа де Жевра. Впрочем, это единственный признак, по которому опознали ее личность, так как труп этот также был неузнаваем.

И тут я кое-что припоминаю и начинаю понимать. Несколько дней назад в одном из номеров

«Ла Вижи де Дьеп» я прочитал о том, что одна молодая американская семья на отдыхе в Энверме покончила жизнь самоубийством и в ту же ночь трупы супругов исчезли. Лечу в Энверме. Все подтверждается, кроме одного: трупы не исчезли, их забрали братья погибших, явившиеся на следующий день. Братья эти, которые и увезли трупы после выполнения всех необходимых формальностей, конечно же звались Арсен Люпен и компания.

Вот и доказательство. Нам известна причина, по которой Арсену Люпену было выгодно распустить слухи о смерти девушки, а также уверить всех в своей собственной кончине. Он влюблен и не хочет, чтобы об этом узнали. И, добиваясь этого, не останавливается ни перед чем, включая беспрецедентную кражу двух трупов, нужных ему для того, чтобы инсценировать убийство мадемуазель де Сен-Веран и смерть Арсена Люпена. Теперь он может быть спокоен. Ничто не стоит на его пути. Никто не заподозрит столь тщательно скрываемой истины.

Действительно ли никто? Нет… Есть трое людей, в головах у которых вполне могут зародиться кое-какие сомнения. Это Ганимар, чей приезд ожидается со дня на день, Херлок Шолмс, соби-

рающийся пересечь Ла-Манш, и я, находящийся в тот момент на месте происшествия. Словом, Люпену грозит тайная опасность. Надо ее устранить. Он похищает Ганимара. Увозит Херлока Шолмса. И ударом ножа секретаря Бреду выводит меня из игры.

Лишь одно остается неясным. Почему Люпен прилагает отчаянные усилия к тому, чтобы вырвать из моих рук документ о «полой игле»? Ведь не надеялся же он, отняв записку, стереть из моей памяти те несколько строк? В чем же дело? Может быть, он опасался, как бы самое качество бумаги или какой-либо другой признак не навели меня на нужную мысль?

Как бы то ни было, такова правда о событиях в Амбрюмези. Повторяю, в моем изложении предположения играют не последнюю роль, да и в расследовании я всегда руководствовался ими. Так как если в борьбе с Люпеном мы начинаем дожидаться неоспоримых доказательств и непреложных фактов, то рискуем либо прождать их довольно долго, либо получить сведения, подготовленные самим Люпеном, а значит, пойти по пути, уводящему в сторону, противоположную той, куда следует двигаться в наших поисках.

Очень надеюсь, что, когда мы узнаем реальные

факты, моя гипотеза по всем позициям получит полное подтверждение».

Таким образом, Ботреле, смирившийся лишь на мгновение под влиянием шока от известия об исчезновении отца, уступивший было Люпену, теперь в конце концов не смог все же смолчать. Истина представлялась столь прекрасной и удивительной, а его доводы — такими логичными и убедительными, что изменить свою статью он был просто не в силах. Весь мир ждал его открытий. И он заговорил.

Тем же вечером в газетах появилось сообщение о похищении отца Ботреле. Изидора же известили об этом в три часа пополудни телеграммой из Шербура.

V. По следу

Удар буквально оглушил Ботреле. И хотя, давая согласие на публикацию статьи, он уступил одному из тех побуждений, что заставляют позабыть о всякой опасности, в глубине души юноша не верил, что похищение возможно. Он же принял такие надежные меры предосторожности! Шербурские друзья должны были не только денно и нощно сторожить отца, но и следить за каждым его шагом, никогда не выпускать из дому одного и даже не передавать ему, предварительно не распечатав, ни единого письма. Нет, опасность была полностью исключена. Люпен блефовал, Люпен, стараясь выиграть время, пытался запугать противника. Словом, удар практически застал его врасплох, и всю вторую половину дня, бессильный предпринять хоть какие-то шаги, он мучился от боли, причиненной Люпеном. Лишь одна мысль кое-как поддерживала молодого человека: поехать туда, самому увидеть, как все произошло, и перейти в наступление. Он отправил в Шербур телеграмму и к восьми вечера был уже на Сен-Лазарском вокзале. Не-

сколько минут спустя экспресс увозил его к месту происшествия.

И только еще через час, машинально раскрыв купленную на перроне вечернюю газету, он прочитал текст того самого знаменитого письма, в котором Люпен косвенно отвечал на его статью.

«Господин директор!

Я далек от претензий считать свою скромную персону, в другую, лучшую эпоху оставшуюся бы незамеченной, сколько-нибудь значительной на фоне общей серости, характерной для нашего времени. Но есть пределы, преступая которые нездоровое любопытство толпы превращается уже в бесчестную нескромность. Если перестать уважать личную жизнь граждан, общество уже ничто не спасет.

Можно выдвинуть в свое оправдание высшие соображения, необходимость узнать истину. Слабые доводы, скажу я, поскольку истина уже известна, и я сам с легкостью подтвержу ее. Да, мадемуазель де Сен-Веран жива. Да, я люблю ее. Да, я мучаюсь тем, что она меня не любит.

Да, расследование, проведенное юным Ботреле, удивительно четко и правдиво отражает действительные события. Да, у нас нет никаких разногласий ни по одному эпизоду дела. Загадка разгадана. Что же дальше?

Еще несколько слов о мистере Харлингтоне. Под этим именем скрывается прекрасный человек, секретарь американского миллиардера Кули, находящийся в Европе с поручением последнего выкупить все предметы античного искусства, которые удалось найти. Ему не повезло, он случайно познакомился с Этьеном Водреем, то есть с Арсеном Люпеном, то есть со мной. Так он узнал, что, впрочем, не соответствовало истине, что некий господин де Жевр желает избавиться от четырех картин Рубенса при условии, что с них будут сделаны копии и что сделка останется в тайне. Мой друг Водрей взялся убедить господина де Жевра продать также Господню Часовню. Переговоры продолжались при полной уступчивости моего друга Водрея, с одной стороны, и очаровательном простодушии мистера

Харлингтона — с другой, вплоть до того момента, когда все четыре полотна Рубенса, а также каменные скульптуры Господней Часовни оказались в надежном месте… а господин Харлингтон — в тюрьме. Остается лишь выпустить на свободу неудачливого американца, поскольку он довольствовался скромной ролью доверчивого простофили; подвергнуть порицанию миллиардера Кули, не пожелавшего, опасаясь возможных неприятностей, протестовать против ареста своего секретаря, и поздравить моего друга Этьена Водрея, то есть меня, который отомстил за безнравственное поведение миллиардера, оставив у себя пятьсот тысяч франков, полученных в виде аванса от малосимпатичного Кули.

Прошу извинить меня, дорогой директор, за столь обширное письмо, и примите уверения в моих наилучших пожеланиях.

Арсен Люпен».

К письму этому Изидор отнесся столь же внимательно, исследовал его с той же дотошностью,

с какой раньше анализировал документ о «полой игле». Он исходил из принципа (верность которого сомнению не подлежит), что никогда бы Люпен не взял на себя труд публиковать ни одно из своих забавных писем, если в том не было острой необходимости, и это каждый раз подтверждалось происшедшими впоследствии событиями. Какова же причина написания данного письма? Во имя какой тайной цели признался он в своей любви, и любви несчастливой? В этой ли части письма крылся секрет или в той, что касалась мистера Харлингтона, а может быть, разгадку следовало искать еще глубже, между строк, за всеми этими простыми с виду и ясными словами, посредством которых он, возможно, вознамерился направить нас по ложному пути?

Встревожившись, один в купе, молодой человек несколько часов подряд напряженно думал. Письмо вызвало у него какое-то недоверие, как будто было написано специально для него, задумано, чтобы лично его ввести в заблуждение. Впервые сталкиваясь не с прямой атакой, но с хитроумным обманным маневром, он по-настоящему перепугался. И снова вспомнив о старике отце, похищенном по его вине, задумался: а стоило ли продолжать безумный неравный поединок?

Разве исход его не предопределен заранее? Разве Люпен не уверен, что выйдет победителем?

Однако смятение его было недолгим. И после нескольких часов сна, в шесть утра выходя из вагона, он уже вновь обрел свою веру в успех.

На перроне ждал служащий военного порта Фробервaль, приютивший Ботреле-отца, с дочерью Шарлоттой, девочкой двенадцати-тринадцати лет.

— Ну что? — увидев их, воскликнул Ботреле.

И, прервав стенания славного старика, потащил его в соседний кабачок, а там, заказав кофе, принялся четко задавать вопросы, не позволяя тому отклониться от темы.

— Не правда ли, моего отца не похитили, это было невозможно?

— Невозможно. И все-таки он пропал.

— Когда?

— Не знаем.

— Как это может быть?

— Вчера утром, часов в шесть, видя, что он не сходит вниз, я поднялся к нему в комнату. Его уже там не было.

— Но позавчера он еще находился там?

— Да. Позавчера он провел в комнате весь день. Сказался усталым, и Шарлотта относила ему туда

обед в полдень и ужин в семь вечера.

— То есть он исчез между семью часами вечера и шестью часами утра следующего дня?

— Да, позапрошлой ночью. Вот только…

— Что?

— Ну… ночью из порта не выйти.

— Так, значит, он не выходил?

— Да нет. Мы с товарищами облазили весь военный порт.

— Следовательно, он все-таки вышел?

— Невозможно. У нас все под охраной.

Ботреле подумал, а потом спросил:

— В его комнате была разобрана постель?

— Нет.

— И все там оставалось на своих местах?

— Да. И трубка его, и табак, и книга. Там даже между страницами, как закладка, лежала вот эта ваша фотография.

— Покажите.

Фробервaль протянул фотографию, и Ботреле так и подскочил от удивления. Он узнал себя на снимке, стоящим, засунув руки в карманы, на лужайке среди деревьев и руин. Фробервaль пояснил:

— Видно, вы совсем недавно ему это послали. Там на обороте и дата есть… Вот… 3 апреля, имя

фотографа — Д.Вал. И название города… Лион… может быть, Лион-Сюр-Мэр?

И правда, его собственной рукой на обороте было написано: «Д.Вал, 3. IV, Лион».

Он помолчал немного и снова спросил:

— Мой отец еще не показывал вам этот снимок?

— Да нет, я даже удивился, когда увидел его вчера… ведь ваш отец так часто рассказывал нам о вас!

Они снова замолчали, на этот раз надолго. Наконец Фробервaль пробормотал:

— Мне нужно еще кое-что сделать в мастерской. Может быть, пойдем?

И умолк. Изидор не отрывал от фотографии взгляда, словно изучал ее со всех сторон.

— А есть где-нибудь в одном лье от города трактир под названием «Лион д'Ор»[3]? — спросил он наконец.

— Да, конечно, как раз в лье отсюда.

— На Валонской дороге, не так ли?

— Да, именно на Валонской дороге.

— У меня есть все основания полагать, что трактир этот служит генеральным штабом лю-

---

[3] notes: 3

«Лион д'Ор» (Lion d'Or) — Золотой лев *(фр.)*. — Примеч. пер.

пеновских дружков. Оттуда они и вступили в сношения с отцом.

— Ну что вы такое говорите! Ваш отец ни с кем не разговаривал. Ни с кем не виделся.

— Ни с кем чужим, но у них был посредник.

— Почему вы так думаете?

— Из-за фотографии.

— Да это же ваш снимок!

— Мой, но я его ему не посылал. Я даже не знал о его существовании. Меня сфотографировали без моего ведома в амбрюмезийских развалинах, и сделал это, вне сомнения, секретарь следователя, то есть, как вам известно, сообщник Арсена Люпена.

— А зачем?

— Эта фотография служила паролем, с помощью которого им удалось заручиться доверием отца.

— Но кто же, кто проник ко мне в дом?

— Не знаю, ясно одно: отец попал в ловушку. Ему сказали, что я здесь поблизости, что хочу с ним увидеться в трактире «Лион д'Ор», и он поверил.

— Какая-то ерунда! Как вы можете утверждать...

— Очень просто. Они моим почерком написали на обороте место встречи, смотрите: Д.Вал. — Ва-

лонская дорога; 3 км 400, трактир «Лион». Мой отец пришел, и они захватили его, вот как это было.

— Ладно… — потрясенный, бормотал Форберваль. — Ладно… согласен… пусть так оно и было… но все равно он не мог никуда выйти ночью.

— Он вышел днем, намереваясь дождаться вечера, чтобы ехать в трактир.

— Но, черт возьми, он же весь день просидел у себя в комнате!

— Хотите убедиться? Бегите в порт, Форберваль, и спросите у того, кто дежурил позавчера во второй половине дня… Но только поторопитесь, если хотите еще застать меня здесь.

— Значит, вы уезжаете?

— Да, первым же поездом.

— Как же так? Вы же не узнали… Не искали…

— Поиски закончены. Мне известно практически все, что я хотел узнать. Через час меня в Шербуре уже не будет.

Форберваль поднялся. Он ошеломленно уставился на Ботреле, затем, помедлив, взялся за фуражку.

— Идем, Шарлотта.

— Нет, — возразил Ботреле, — я еще хочу у нее кое-что спросить. Пусть останется. Заодно и по-

болтаем. Я ведь знал ее совсем еще маленькой.

Форберваль ушел. Ботреле с девочкой остались в кабачке одни. Некоторое время они сидели молча. Официант унес чашки из-под кофе.

Их взгляды встретились, и молодой человек очень мягко накрыл руку девочки своей. Она мгновение глядела на него потерянно, будто задыхаясь. И вдруг, уронив лицо на руки, зарыдала.

Ботреле не утешал ее, только спросил чуть позже:

— Ведь это ты все сделала, да? Ты была посредником? Ты принесла фотографию? Правда? А потом, позавчера, говорила всем, что мой отец у себя в комнате, хотя знала, что его там нет, ведь ты же сама помогла ему выйти?

Шарлотта не отвечала. Тогда он проговорил:

— Зачем ты это сделала? Тебе, конечно, дали денег… на ленты или целое платье…

Ботреле отнял руки девочки от лица, заглянул ей в глаза. Он увидел следы слез на несчастном личике. Милое девичье лицо! Но было в ее чертах что-то тревожное, переменчивое, склонность уступать искушениям и готовность ради этого на все.

— Ну ладно, — сказал Ботреле, — дело сделано, не будем больше об этом говорить. Мне даже не

нужно знать, как именно все между вами произошло. Скажи лишь только то, что будет полезно мне в моих поисках. Может быть, при тебе о чем-то говорили? На чем его увезли?

— На автомобиле… я слышала, как они об этом говорили, — быстро ответила она.

— А по какой дороге?

— Этого я не знаю.

— Может быть, тебе запомнилось хоть слово, хоть что-то, наводящее на след?

— Ничего… Правда, один из них сказал: «Не будем терять времени… завтра в восемь сам шеф позвонит нам туда».

— Куда это туда?.. Припомни… Ведь это было название города?

— Да… что-то такое, похожее на Шато…

— Шатобриан? Шато-Тьери?

— Нет… нет…

— Шатору?

— Да, так… Шатору.

Но Ботреле уже не слышал последнего слова. Он вскочил с места и, не заботясь более о Форбервале, бросив девочку, изумленно глядящую на него, распахнул дверь и бросился к перрону.

— Шатору… Будьте добры, один билет до Шатору.

— Через Ле Ман и Тур? — осведомилась кассирша.

— Да-да… Кратчайшим путем… Я буду там к завтраку?

— О нет!

— К обеду? К ужину?

— Нет, для этого вам надо было бы ехать через Париж… Парижский экспресс отходит в восемь часов… Вы не успеете.

Но Ботреле успел.

«Отлично, — думал он, сидя в купе, — я провел в Шербуре не более часа, но и этот час не пропал даром».

Он ни минуты не сомневался, что Шарлотта сказала правду. Она была из тех, кто в силу слабости характера неустойчив духом, способен на самые страшные предательства, но в то же время не чужды ей были и искренние порывы, и Ботреле заметил в испуганных глазах ребенка раскаяние за причиненное ею зло, горячее желание хоть частично что-то исправить. Поэтому молодой человек был уверен, что Шатору — именно тот город, на который намекал Арсен Люпен, куда он должен звонить своим сообщникам.

Едва прибыв в Париж, он принял все меры к тому, чтобы избавиться от возможной слежки.

Ботреле ясно осознавал важность момента: он шел по верному следу, что приведет его к отцу, и малейшая неосторожность могла испортить все дело.

Юноша зашел к одному из своих знакомых по лицею и час спустя, совершенно неузнаваемый, вновь появился на улице. Теперь это был англичанин лет тридцати, одетый в коричневый костюм в широкую клетку с короткими брюками. На ногах у него были шерстяные гольфы, а на голове красовалась кепочка. Толстый слой грима покрывал лицо, ставшее другим еще и из-за короткой рыжей бородки.

Англичанин оседлал велосипед с прикрепленными к нему принадлежностями для рисования и покатил в сторону Аустерлицкого вокзала.

Заночевав в Иссудене, он на рассвете выехал в нужном направлении и к семи часам был уже на почте в Шатору, где заказал разговор с Парижем. В ожидании его Ботреле разговорился с телефонисткой и от нее узнал, что позавчера, примерно в это же время, некто в костюме автомобилиста также просил соединить его с Парижем.

Вот и доказательство. Ждать дальше просто не было смысла.

К вечеру после многочисленных расспросов

ему стало доподлинно известно, что какой-то лимузин, появившийся со стороны Турской дороги, пересек городок Бюзансэ, проехал затем по городу Шатору и в конце концов остановился на опушке леса. Около десяти часов вечера к лимузину подкатил кабриолет с кучером, после чего экипаж двинулся к югу по Бузанской долине. Люди, видевшие его в этот момент, утверждают, что рядом с кучером уже кто-то сидел. Лимузин же поехал в обратную сторону, к северу — в Иссуден.

Обнаружить владельца кабриолета оказалось нетрудно. Однако ничего дельного узнать от него не удалось. Какой-то человек нанял на весь день его экипаж и лошадь и назавтра сам доставил все обратно.

И наконец, тем же вечером Изидор убедился, что автомобиль лишь пересек Иссуден, продолжая свой путь дальше по Орлеанской дороге, направляясь в Париж.

Из всех полученных сведений бесспорно вытекало, что отец Ботреле находится где-то рядом. Иначе зачем бы этим людям ехать за пятьсот километров через всю Францию лишь для того, чтобы позвонить из Шатору, а потом возвращаться обратно в Париж, повторив весь путь под острым углом? Вся замечательная поездка имела

одну цель: доставить отца Ботреле к месту назначения. «И это место здесь, около меня», — так думал Ботреле, сердце которого забилось надеждой. «В десяти — пятнадцати лье отсюда отец ждет, что я приду к нему на помощь. Он здесь. Он дышит одним воздухом со мною».

Изидор немедленно принялся за дело. Он разделил карту на клеточки, каждая из которых соответствовала тому или иному населенному пункту, и по очереди объезжал их, заходя на фермы, беседуя с крестьянами, нанося визиты учителям, мэрам, кюре, даже останавливаясь поболтать с женщинами. Ему казалось, что он вот-вот достигнет цели, мечталось освободить не только отца, а и других пленников Люпена: Раймонду де Сен-Веран, Ганимара, Херлока Шолмса и, возможно, еще множество людей. И, придя к ним, он проникнет в самое сердце люпеновской крепости, в его нору, в его невидимое укрытие, где тот держал со всего мира награбленные сокровища.

Однако за две недели бесплодных поисков его энтузиазм мало-помалу угас, и Ботреле утратил веру в победу. Столь вожделенный успех все не приходил, надежды таяли, и молодой человек, хотя и не прекращал своих поисков, очень бы уди-

вился, появись хотя маломальский результат.

Так в безнадежности прошло еще несколько дней, похожих один на другой. В газетах писали, что граф де Жевр с дочерью покинули Амбрюмези и поселились в окрестностях Ниццы. Сообщали также и об освобождении из-под стражи господина Харлингтона, невиновность которого, как и предсказывал Люпен, теперь была полностью доказана.

Изидор стал менять местоположение своего генерального штаба, останавливаясь то в Ла Шатре на пару дней, то в Аржантоне. Все безрезультатно.

И Ботреле стал подумывать об отступлении. Скорее всего, кабриолет, увозивший его отца, служил лишь промежуточным звеном, использовался лишь на этом этапе, а потом в игру вступил другой экипаж, и начался новый этап. И отца увезли далеко отсюда. Приходили мысли о возвращении в Париж.

Но в понедельник утром, среди почты, пересылаемой ему из Парижа, на конверте без марки в глаза Изидору бросился знакомый почерк, и он замер от изумления. Юноша так волновался, что даже не решался, боясь разочарования, вскрыть конверт. Рука его дрожала. Как это может быть?

А что, если здесь кроется очередная ловушка проклятого Люпена?

Одним движением он разорвал конверт. Там оказалось письмо от отца, написанное его собственной рукой. Он узнавал все особенности почерка, так хорошо знакомые завитушки:

«Дойдут ли до тебя эти строки, дорогой мой сын? Не смею верить. Когда меня увезли, мы ехали всю ночь в машине, а утром пересели в экипаж. Я ничего не мог увидеть — на глазах была повязка. Замок, в котором меня содержат, судя по архитектуре и парковой растительности, должен находиться где-то в центре Франции. Я занимаю комнату на третьем этаже, одно из двух окон полностью закрыто разросшимися глициниями. Во второй половине дня мне иногда разрешают погулять в парке, однако под бдительной охраной.

Пишу это письмо на всякий случай. Я привяжу его к камню и как-нибудь постараюсь забросить за стену. Может быть, кто-то из крестьян поднимет. Не волнуйся. Со мной обращаются очень хорошо.

Твой старый отец, очень любящий тебя, который грустит оттого, что причинил тебе столько забот.

Ботреле».

Изидор быстро взглянул на почтовый штемпель. Там стояло: Кузьон (Эндр). Эндр! Как раз в этом департаменте он рыскал вот уже несколько недель.

Вынув маленький путеводитель, с которым он никогда не расставался, Изидор прочитал: «Кузьон, Эгюзонский кантон...» Ведь он ездил туда!

Из осторожности он решил сбросить уже знакомую в тех местах личину англичанина и, переодевшись рабочим, поехал в Кузьон, маленький городишко, где отправителя письма разыскать будет нетрудно.

И в самом деле, удача скоро улыбнулась ему.

— Письмо, отправленное в прошлую среду? — переспросил мэр, славный малый, которому доверился Ботреле и который сразу же выразил желание быть ему полезным. — Кажется, я смогу вам помочь. В субботу утром я встретил на окраине старого точильщика, что вечно таскается по ярмаркам, папашу Шареля, и тот спросил меня:

«Господин мэр, а можно отправить письмо без марки?» — «Конечно же, черт побери!» — «И оно дойдет?» — «А то как же, только получателю надо будет уплатить положенное, и все».

— А где живет этот папаша Шарель?

— Там и живет, один, на косогоре. В лачуге за кладбищем. Хотите, провожу вас?

Лачуга одиноко стояла в глубине фруктового сада, окруженного высокими деревьями. Подходя, они спугнули с собачьей конуры трех сорок. При их приближении пес не залаял и даже не двинулся с места.

Это удивило Ботреле. Он подошел поближе. Собака лежала на боку, вытянув лапы. Она была мертва.

Они бросились в дом. Дверь была открыта.

В глубине сырой комнаты с низким потолком, на полу, на старой циновке, одетый, лежал человек.

— Папаша Шарель! — испугался мэр. — Он что, тоже мертв?

Руки старика были холодны, лицо покрыто мертвенной бледностью, однако сердце хоть слабо, медленно, но билось. Он был ранен.

Они попытались привести его в чувство, но безуспешно. Ботреле побежал за врачом. Тот

преуспел не больше их. Судя по всему, старик не страдал. Казалось, он просто спал, но каким-то неестественным сном, словно под влиянием гипноза или большой дозы снотворного.

В середине следующей ночи Изидор, оставшийся подле него, заметил, что дыхание старика стало четче, да и сам он как будто начал освобождаться от сковывавшего его паралича.

На заре он очнулся и стал более или менее приходить в себя: поел, попил, зашевелился. Однако, несмотря на все расспросы Изидора, продолжал молчать — мозг его еще не вышел из оцепенения. И только на следующий день обратился к молодому человеку:

— Эй вы, что вам здесь нужно?

Впервые за эти дни он выразил удивление по поводу присутствия чужого в доме.

Так понемногу сознание возвращалось к нему. Он заговорил. Решал, что будет делать завтра. Но как только речь заходила о том, что предшествовало сну, мгновенно переставал реагировать.

И действительно, Ботреле ясно видел, что он не понимает, о чем тот говорит. Из памяти старика стерлось все, что происходило с ним с прошлой пятницы. Как будто в размеренном течении его жизни вдруг образовался омут. Он мог расска-

зывать о том, что делал в пятницу утром и даже после обеда, удачно ли побывал на ярмарке, что ел на обед в трактире. Но дальше — провал. Ему казалось, что он проснулся наутро следующего дня.

Для Ботреле это означало крушение всех надежд. Истина была рядом, в этих глазах, что видели стены парка, за которым ждал его отец, в руках, что подобрали письмо, в помутненном мозгу, запечатлевшем это место, декорацию на сцене, где игралась драма, затерянный в глуши уголок. И из этих рук, глаз и мозга ему удавалось вытянуть лишь слабый отголосок столь близкой, вожделенной истины.

О, как чувствовалась в этой твердой невидимой стене, о которую разбивались все его усилия, в этой стене молчания и забытья, рука Люпена! Только он, узнав, конечно, что отец Ботреле пытался переправить сыну весточку, мог поразить особой смертью того, чье свидетельство было бы для него нежелательно. Не то чтобы Ботреле считал, что его раскрыли, он не думал, что Люпен узнал о его тайной войне, о том, что письмо дошло до него, и теперь пытается обороняться лично от него. Нет, однако какой нужно было обладать силой предвидения и ума, чтобы уни-

чтожить саму возможность уличения его этим прохожим! Теперь уж никому не дано узнать, что где-то за стенами парка молит о спасении одинокий пленник. Никому? А как же Ботреле? Папаша Шарель не может говорить? Пускай. Но можно узнать хотя бы, куда он ездил на ярмарку и какой дорогой ему удобнее всего было возвращаться. А уж на дороге, кто знает, может, наконец и удастся отыскать…

Изидор, и раньше приходивший в лачугу папаши Шареля с большой осторожностью, принял решение, чтобы не вызвать подозрений, больше туда не возвращаться. Он узнал, что в пятницу обычно ярмарка бывает во Фреселине, крупном селении в нескольких лье отсюда, и добраться туда можно как по довольно извилистой большой дороге, так и коротким путем.

В пятницу, собравшись туда, он пошел по большой дороге, но не заметил ничего по пути, что могло бы привлечь его внимание: ни следа высоких стен, ни намека на какой-нибудь замок. Пообедав во фреселинском трактире, он собрался было уходить, как вдруг увидел на площади папашу Шареля с его тележкой точильщика. Ботреле издали пошел за ним.

Пару раз старик надолго останавливался, чтобы

поточить ножи, он наточил их несколько дюжин. Но в конце концов сошел на проселочную дорогу, что вела к Крозану и Эгюзону. Изидор последовал за ним. Но не прошло и пяти минут, как почувствовал, что за точильщиком еще кто-то следит. Между ним и Шарелем шагал человек: он останавливался вместе со стариком, а когда тот уходил вперед, следовал за ним, впрочем, не слишком заботясь о том, чтобы остаться незамеченным.

«За ним следят, — подумал Ботреле, — может быть, хотят узнать, не остановится ли он опять у стен».

Сердце его забилось сильнее. Что-то должно произойти…

Так, двигаясь один за другим, то спускаясь, то поднимаясь крутыми склонами, все трое наконец достигли Крозана. Там папаша Шарель сделал часовую остановку. Спустившись затем к реке, он пошел по мосту. Но тут произошло нечто, весьма удивившее Ботреле. Незнакомец не стал переходить реку. Он поглядел вслед удалявшемуся точильщику и, когда тот пропал из виду, зашагал в сторону, по тропинке, ведущей в поля. Что делать? Ботреле мгновение колебался, затем, вдруг решившись, последовал за ним.

«Возможно, — думал молодой человек, — он убедился, что папаша Шарель миновал опасное место. Его миссия окончена, и он уходит. Куда? А что, если к замку?»

Цель уже близка. Какая-то горькая радость охватила Ботреле.

Незнакомец исчез в темном лесу над рекой, а затем вновь показался на тропинке, уходящей за горизонт. Но когда Ботреле, в свою очередь, вышел из леса, он с удивлением обнаружил, что человека нигде не было видно. Он все искал его глазами, как вдруг, подавив вырвавшийся было крик, быстро спрятался за деревьями. С правой стороны возвышалась высокая стена с массивными выступами.

Это здесь! Это здесь! За этими стенами томился его отец! Он отыскал секретное место, где Люпен держал своих пленников!

Теперь он боялся даже чуть высунуться из-за густой листвы. Очень медленно, почти ползком Ботреле двинулся направо, к холму, вершина которого шла вровень с верхушками деревьев. С этой стороны стена была еще выше. Однако ему удалось различить в глубине крышу замка, старинную крышу времен Людовика XIII, с маленькими башенками, кольцом окружавшими

остроконечный шпиль, уходящий в высоту.

На сегодня довольно. Теперь ему надо было тщательно продумать план наступления, не оставляя ничего на волю случая. Он выиграл у Люпена этот бой, и следующее сражение будет таким и в то время, когда пожелает он, Ботреле. А сейчас лучше уйти.

У моста встретились ему две крестьянки с ведрами, полными молока. Он спросил у них:

— Как называется замок, что стоит там, за деревьями?

— Да это, месье, замок Иглы.

Задавая вопрос, он даже не ожидал, что ответ так потрясет его.

— Замок Иглы? Вот как? А какой это департамент? Эндр?

— Нет, конечно, Эндр остался по ту сторону реки. А здесь уже начинается Крёз[4].

«Так вот оно что! — озарило его. — Замок Иглы! Департамент Крёз! Значит, она здесь, „полая игла“! Вот о чем говорилось в том документе!»

Это была победа, полная, верная и окончательная.

Не говоря более ни слова, он повернулся к

---

[4] notes: 4

Крёз (Creuse) — букв. полый *(фр.)* — Примеч. пер.

женщинам спиной и, пошатываясь, как пьяный, пошел своей дорогой.

VI. Исторический секрет

Решение Изидор принял сразу: он будет действовать в одиночку. Вмешивать в это дело правосудие казалось слишком опасным. Мало того, что весь его арсенал составляли лишь одни предположения, его пугал и медленный ход судебной машины, и неизбежные при предварительном расследовании утечки информации, благодаря которым Люпен окажется предупрежден и успеет в полном боевом порядке осуществить отход своих войск.

Назавтра, в восемь утра, он уже выходил с пакетом под мышкой из дома на окраине Кузьона, где остановился, и, зайдя в ближайший лесок, сбросил свою рабочую одежду. Переодевшись снова в уже знакомого нам художника-англичанина, он отправился к нотариусу в Эгюзон, самый крупный городок в этой части Франции.

Он поведал нотариусу о том, как ему приглянулись здешние места, и выразил намерение поселиться тут с родителями, если удастся подыскать жилище. Тот перечислил поместья, предназначенные к продаже. В ответ Ботреле

намекнул, что много слышал о замке Иглы, расположенном на севере департамента Крёз.

— Есть такой, но он вот уже пять лет как принадлежит одному из моих клиентов, и тот не собирается с ним расставаться.

— Так он там живет?

— Жил раньше, то есть его мать там жила. Но замок наводил на нее грусть, и ей там не понравилось. В общем, они съехали в прошлом году!

— А сейчас там никто не живет?

— Живет один итальянец, барон Анфреди, он снял на лето замок у моего клиента.

— Ах, барон Анфреди, такой еще молодой мужчина важного вида.

— Не могу вам ничего сказать на этот счет. Мой клиент сам имел с ним дело, они даже не заключали договор об аренде, ограничившись лишь письмом и распиской.

— Но ведь вы же знакомы с бароном?

— Нет, он не выходит за пределы замка… Только иногда, кажется ночью, отъезжает на автомобиле. А продукты покупает старая неразговорчивая кухарка. Странные, вообще-то, люди…

— Не согласился бы ваш клиент продать замок?

— Не думаю. Он представляет историческую

ценность, великолепный образчик архитектурного стиля эпохи Людовика XIII. Мой клиент очень дорожил им и если не изменил мнения…

— Не могли бы вы дать мне его адрес?

— Его зовут Луи Вальмера, живет на улице Мон-Табор, дом 34.

Ботреле поехал на ближайшую станцию и сел в поезд на Париж. И через день, после трех бесплодных визитов, был наконец принят господином Луи Вальмера. Им оказался мужчина лет тридцати с приятным лицом. Ботреле, решив на этот раз не лукавить, представился и прямо объяснил цель своего визита.

— У меня есть все основания полагать, что мой отец заключен в замке Иглы вместе с прочими жертвами Арсена Люпена. Поэтому хотел бы просить вас рассказать все, что вы знаете о бароне Анфреди.

— Не так уж много. Прошлой зимой я познакомился с ним в Монте-Карло. Узнав случайно, что у меня есть замок, и намереваясь провести лето во Франции, он предложил мне сдать его.

— Как он выглядит? Молодой человек…

— Да, блондин с весьма энергичным взглядом.

— Борода у него есть?

— Есть, она посередине разделена надвое, при-

чем концы доходят до застегивающегося сзади накладного воротничка, как носят духовные лица. Да он и сам напоминает мне английского священника.

— Это он, — прошептал Ботреле, — это он, таким я его и запомнил. Вы дали совершенно точное описание.

— Как? Вы думаете, что…

— Да, думаю, уверен, что ваш жилец не кто иной, как Арсен Люпен.

Луи Вальмера весь загорелся. Зная обо всех приключениях Арсена Люпена и перипетиях его борьбы с Ботреле, он довольно потирал руки:

— А знаете, это прославит замок Иглы… чему буду очень рад, ведь с тех пор, как моя мать отказалась там жить, я в глубине души был не против от него избавиться, если подвернется такая возможность. Ну, уж после этой истории нетрудно будет найти покупателя, вот только…

— Что именно?

— Попросил бы вас действовать с величайшей осторожностью и лишь в самом крайнем случае извещать обо всем полицию. Ведь что будет, если мой жилец не окажется все-таки Арсеном Люпеном.

Ботреле изложил свой план. Он пойдет в замок

ночью один, перелезет через стену и спрячется в парке.

Но Луи Вальмера тут же перебил его:

— Вам нелегко будет преодолеть стены такой высоты. Но если вам это удастся, вас внизу будут поджидать два огромных сторожевых пса моей матери. Я оставил их в замке.

— Ерунда, кину им кусок мяса…

— Хорошо, предположим, вы от них ускользнете. Но как быть дальше? Как вы рассчитываете войти в замок? Там массивные двери, а окна забраны решетками. Да даже и войдя, как вы сориентируетесь там? Ведь в доме восемьдесят комнат.

— А есть на третьем этаже комната с двумя окнами?

— Есть, знаю, мы еще называли ее комнатой глициний. Однако как вам удастся ее найти? Там три лестницы и целый лабиринт коридоров. Я могу, конечно, объяснить вам, как пройти, но ведь вы все равно заблудитесь.

— Ну, тогда пойдемте со мной, — улыбнулся Ботреле.

— Никак не могу. Я обещал матери приехать к ней на юг.

Ботреле возвратился в дом друга, давшего ему

приют, и начал свои приготовления. Однако к вечеру, когда он уже собрался выходить, к нему явился Вальмера.

— Не будете против, если я поеду с вами?

— Какой разговор!

— Решено, еду! Прогулка обещает выдаться интересной. Думаю, мы не соскучимся. Мне тоже захотелось поучаствовать в этом деле. Да и помощь моя может оказаться нелишней. Вот смотрите, что я принес в залог успешного сотрудничества.

И показал старинный ржавый ключ внушительных размеров.

— Что он открывает? — поинтересовался Ботреле.

— Дверцу, скрытую между двумя выступами в стене. Вот уже несколько веков ею никто не пользовался. Я даже думаю, что не говорил о ней жильцу. А выходит она на опушку леса.

Но Ботреле вдруг резко возразил:

— Да знают они этот выход. Как раз через вашу дверь вошел в парк тот, за которым я следил. Ладно, посмотрим, сдается мне, у нас есть шансы на победу. Но лучше бы не рисковать!

Спустя два дня цыганская повозка, запряженная голодной клячей, въезжала в Крозан. Возница

попросил разрешения остановиться на ночлег на окраине, под заброшенным навесом.

Кроме возницы, который оказался не кем иным, как Вальмера, в повозке ехали еще трое. Ботреле с двумя товарищами по лицею, а это были они, принялись плести стулья из ивовых прутьев.

Так, в ожидании удобного случая, прохаживаясь поодиночке неподалеку от парка, провели они целых три дня. Во время одной из таких прогулок на глаза Ботреле попалась потайная дверь. Вырубленная между двумя выступами, почти полностью скрытая кустарником, она практически сливалась с каменной стеной.

Вечером четвертого дня черные тучи закрыли небо, и Вальмера предложил отправиться на разведку с тем, чтобы, если обстоятельства сложатся неблагополучным образом, немедленно вернуться обратно.

Вчетвером прошли они соседним леском. Ботреле полез в вересковые заросли и, исцарапав себе руки колючками, чуть приподнявшись, медленно, осторожными движениями просунул ключ в замочную скважину. Затем стал тихонько его поворачивать. Поддастся ли дверь? А может быть, с другой стороны ее заперли на крючок? Он нажал, и дверь незаметно бесшумно отворилась.

Изидор оказался в парке.

— Вы здесь, Ботреле? — послышался голос Вальмера. — Подождите меня. А вы, друзья, оставайтесь около двери, чтобы они не могли отрезать нам путь к отступлению. В случае малейшей тревоги свистнете.

Он взял Ботреле за руку, и вдвоем они углубились в густую, темную чащу. Ближе к центральной лужайке уже было посветлее. Вдруг сквозь тучи пробился лучик лунного света, и они ясно увидели впереди крышу с остроконечными башнями вокруг высокого шпиля, от которого, конечно, и пошло название замка. Все окна были темны. Тишина, ни звука. Вальмера сжал руку товарища.

— Тише!

— Что?

— Там собаки… Видите?

Послышалось рычание. Вальмера тихонько свистнул. Два белых силуэта выскочили из темноты и в четыре прыжка оказались у ног хозяина.

— Тубо, мои милые… Лежать… Хорошо… Лежать спокойно… — И, обернувшись к Ботреле: — Ну, вот теперь все в порядке, идем.

— Мы двигаемся в нужном направлении?

— Да, подходим к насыпи.

— А дальше?

— Помнится, слева, там, где насыпь над рекой доходит до окон первого этажа, есть одна ставня. Она закрывается плохо, и снаружи можно попытаться ее открыть.

И правда, дойдя до места, они убедились, что, надавив, можно открыть створку. Алмазным резцом Вальмера вырезал стекло и отодвинул шпингалет. Вскоре оба перелезли через балкон. Теперь они были уже в самом замке.

— Комната, где мы находимся, расположена в конце коридора. За ней громадный вестибюль со статуями, а с другого края его — лестница в комнату вашего отца, — пояснил Вальмера и сделал шаг вперед.

— Вы идете, Ботреле?

— Да-да.

— Я вас не вижу. Где вы? Что с вами?

Он нащупал руку Ботреле. Рука была ледяной, а сам молодой человек присел на корточки на полу.

— Что с вами? — повторил Вальмера.

— Ничего… Сейчас пройдет.

— Но что?

— Мне страшно…

— Вам страшно?!

— Ну да, — простодушно признался Ботреле, — нервы не выдерживают. Иногда удается подавить приступ страха… но сегодня… такая тишина… я очень волнуюсь. После того как этот Бреду ударил меня ножом… Это пройдет… вот, уже все… прошло.

И действительно, он смог подняться, и Вальмера увлек его вон из комнаты. На ощупь пробирались они по коридору, ступая так тихо, что один не слышал шагов другого. Однако в глубине вестибюля, куда они направлялись, показался слабый свет. Вальмера чуть высунул голову и заметил у подножия лестницы сквозь заслонявшие его тонкие пальмовые листья ночник на круглом столике.

— Стоп! — выдохнул он вдруг.

Возле ночника с ружьем стоял на посту человек. Видел ли он их? Возможно, так как, встревожившись отчего-то, часовой взял ружье наперевес.

Ботреле рухнул на колени за кадкой с кустом и застыл не двигаясь, меж тем как сердце готово было выскочить у него из груди.

Однако, видимо, тишина и неподвижность окружающих его предметов успокоили бдительного часового. Он опустил ружье. Но все еще глядел в сторону кадки, за которой спрятался

Ботреле.

Прошло несколько томительных минут. Изидор считал: десять минут, пятнадцать… Сквозь окна лестницы просочился лунный свет. И молодой человек с ужасом заметил, что луч этот с течением времени несколько перемещался, еще десять — пятнадцать минут, и он достигнет его укрытия, полностью осветив того, кто там скрывался.

На дрожащие руки со лба падали капли пота. Волнение было таким, что он едва не вскочил, чтобы стремглав броситься прочь. Однако, вспомнив, что с ним был Вальмера, юноша поискал его глазами. И каково же было его удивление, когда он увидел, как тот пробирается в темноте среди кадок с растениями и статуй к лестнице. Вот он уже у лестницы в нескольких шагах от часового.

Что он собирается делать? Проскользнуть мимо? В одиночку идти на выручку к отцу? Сможет ли он пройти? Теперь Ботреле его не было видно, но он чувствовал, что сейчас что-то произойдет, нечто такое, что предрекала также и эта тяжелая, страшная тишина.

Тень метнулась к часовому, ночник погас, послышался шум борьбы… Ботреле бросился на помощь. Оба противника покатились, схватив-

шись, по каменным плитам пола. Изидор хотел нагнуться. Но тут раздался глухой стон, вздох, и один из них, поднявшись, сжал его руку.

— Быстро… Идемте…

Это был Вальмера.

Преодолев два этажа, Ботреле с Вальмера очутились в коридоре, застеленном ковром.

— Направо, — шепнул Вальмера, — четвертая комната слева.

А вот и нужная дверь. Как они и предполагали, пленника держали взаперти. Целых полчаса, стараясь действовать тихо, осторожно, провозились они с замком. Наконец дверь поддалась. Ботреле на ощупь двинулся к кровати. Отец крепко спал. Они тихонько разбудили его.

— Это я, Изидор… и со мной друг… Ничего не бойся… Вставай… Только ничего не говори…

Отец оделся, однако перед самым выходом тихо проговорил:

— Я не один здесь, в замке…

— Кто еще? Ганимар, Шолмс?

— Нет… их я не видел.

— Кто же тогда?

— Одна девушка.

— Конечно, мадемуазель де Сен-Веран?

— Не знаю, как ее зовут… Просто несколько раз

мы издали виделись в парке… и потом… если высунуться из моего окна, можно увидеть окно ее комнаты. Она мне несколько раз подавала сигналы.

— Ты знаешь, где ее комната?

— Да, в этом же коридоре, третья справа.

— Голубая комната, — прошептал Вальмера. — Там двустворчатая дверь, открыть ее будет легче.

И вправду, одна из створок легко поддалась. Господин Ботреле-старший сам отправился за девушкой.

Выходя вместе с нею десять минут спустя, он сказал сыну:

— Ты был прав. Это мадемуазель де Сен-Веран.

Все четверо спустились вниз по лестнице. Там, в вестибюле Вальмера на минуту склонился над лежавшим человеком, а затем увлек их в сторону террасы.

— Он не умер, будет жить.

— Слава Богу! — облегченно вздохнул Ботреле.

— К счастью, лезвие ножа прогнулось в сторону, удар был не смертельным. Да что там, он даже недостоин жалости, мерзавец!

Оба пса, сторожившие снаружи, проводили беглецов до потайной дверцы. А там уже ждали

друзья. И вот все они вышли из парка. На часах было три.

Но Ботреле отнюдь не удовлетворился своей первой победой. И как только устроил отца и девушку, сразу же принялся расспрашивать их о людях, проживавших в замке, и в особенности о привычках Арсена Люпена. Так выяснилось, что Люпен наезжал обычно раз в три или четыре дня, появляясь вечером на автомобиле, а ранним утром снова покидал замок. В каждый свой приезд он навещал обоих пленников, и оба не могли не отметить его необыкновенную любезность и почтительное отношение к ним. В тот знаменательный вечер побега он в замке не появлялся.

Кроме Люпена в замке находилась лишь старая женщина, занимавшаяся стряпней и хозяйством, да двое мужчин, что, сменяясь, по очереди сторожили их, не вступая ни в какие разговоры. Судя по их виду, это были обычные исполнители.

— Значит, еще двое сообщников, — заключил Ботреле, — а вернее, трое, если считать старуху. Дичь, вполне достойная внимания охотника. И если мы не будем терять времени…

Вскочив на велосипед, он помчался в Эгюзон, разбудил жандармов, устроил целый переполох и по сигналу «Седлай!» вместе с капралом и осе-

мью жандармами поскакал в Крозан.

Они прибыли туда к восьми утра. Двоих оставили на посту у цыганской повозки. Еще двое отправились сторожить потайную дверь, а сам Ботреле с Вальмера в сопровождении капрала и четырех жандармов пошел в направлении центрального входа в замок. Но они опоздали. Ворота были распахнуты настежь. Кто-то из крестьян видел, как из парка выезжал автомобиль.

И правда, обыск не дал никаких результатов. По всей вероятности, банда Люпена расположилась там лишь на время. В комнатах валялось какое-то тряпье, немного белья, кухонная утварь и больше ничего.

Самым удивительным было, как единодушно отметили Ботреле с Вальмера, исчезновение раненого. Ни единого следа борьбы, ни капли крови на каменных плитах вестибюля.

Короче говоря, не было ни одного вещественного доказательства, подтверждавшего нахождение банды Люпена в замке Иглы, и показаниям Ботреле, его отца, Вальмера и Раймонды де Сен-Веран никто бы не поверил, если бы в комнате, смежной с той, что занимала девушка, не обнаружили полдюжины великолепных букетов с визитной карточкой Арсена Люпена. Брошенные, увядшие,

ненужные ей цветы… В один из букетов было вложено письмо. Видимо, Раймонда не заметила его. В тот же день в присутствии следователя оно было вскрыто. На десяти страницах — бесконечные мольбы, просьбы, обещания, угрозы: все свидетельствовало об отчаянии, несчастной безумной любви, вызвавшей у девушки лишь презрение и отвращение. Письмо заканчивалось словами: «Раймонда, я приеду вечером в среду. Подумайте хорошенько. Я не хочу больше ждать и готов на все».

Именно в среду вечером Ботреле явился освободить мадемуазель де Сен-Веран.

Нельзя не вспомнить, какой взрыв удивления и восторга вызвала новость о столь неожиданном повороте событий. Мадемуазель де Сен-Веран на свободе! Девушка, которую так страстно желал Арсен Люпен, ради которой замыслил поистине дьявольские хитрости, вырвана из его когтей! На свободе отец Ботреле, которого Люпен, нахально потребовав перемирия, дабы спокойно предаваться своим чувствам, держал заложником! Оба пленника освобождены!

А о до сих пор не разгаданной тайне Иглы, считавшейся недоступной, газеты раззвонили на все четыре стороны!

Толпа буквально упивалась победой Ботреле. О поверженном искателе приключений начали слагать песни. Они назывались «Любовь Люпена», «Слезы Люпена», «Влюбленный вор», «Серенада карманника». Их распевали на бульварах, насвистывали в мастерских.

Настигнутая сонмом репортеров с бесчисленными вопросами, Раймонда в своих ответах была крайне сдержанна. Однако имелось письмо и букетики цветов, словом, несчастная любовь налицо. Осмеянного Люпена пинками сбросили с пьедестала. Новым идолом стал Ботреле. Лишь ему одному дано все видеть, раскрыть все тайны, предсказывать события. Показания, данные следователю Раймондой де Сен-Веран относительно своего похищения, полностью подтвердили версию молодого человека. Буквально во всем реальная действительность совпадала с тем, что он утверждал в качестве своих предположений. Наконец-то нашелся человек, способный укротить Люпена.

Ботреле, настояв, чтобы отец до возвращения в савойские горы несколько месяцев отдохнул на солнышке, повез его вместе с мадемуазель де Сен-Веран в окрестности Ниццы, туда, где проводили зиму граф де Жевр с дочерью Сюзанной. На следу-

ющий день к новым друзьям присоединились и Вальмера с матерью; обосновавшись неподалеку от виллы де Жевров, все они зажили маленькой колонией, денно и нощно охраняемые полудюжиной нанятых графом людей.

В начале октября лицеист Ботреле возвратился в Париж, чтобы, вновь приступив к занятиям, подготовиться к сдаче экзаменов. И жизнь потекла спокойно и без приключений. Да и что могло теперь произойти? Ведь война окончена!

Видимо, и Люпен, со своей стороны, ясно почувствовал, что ему придется на этот раз покориться обстоятельствам, так как в один прекрасный день объявились Ганимар и Херлок Шолмс. Их возвращение к жизни в обществе произошло, кстати сказать, без особой торжественности. Обоих, связанных и усыпленных, подобрал на Кэ дез Орфевр, прямо напротив полицейской префектуры, какой-то старьевщик.

Неделю оба пребывали в полном оцепенении, однако мало-помалу сознание их начало проясняться, и они поведали (точнее, поведал Ганимар, так как Херлок Шолмс окончательно замкнулся в сердитом молчании), что им пришлось совершить на борту яхты «Ласточка» морское путешествие вокруг Африки, очаровательное и

познавательное путешествие, во время которого пленники пользовались полной свободой, за исключением дней, когда им приходилось спускаться в трюм, пока экипаж сходил на берег в экзотических портах. Что же касается бесславного приземления на Кэ дез Орфевр, то тут они уже ничего рассказать не могли, поскольку были, по всей вероятности, усыплены еще за несколько дней до знаменательного события.

Выпустив на свободу Ганимара с Херлоком Шолмсом, Люпен признал себя побежденным. Он безоговорочно согласился с превосходством Ботреле, полностью сложив оружие.

И еще одно событие как бы довершило поражение Арсена Люпена: это была помолвка Луи Вальмера с мадемуазель де Сен-Веран. Тесное общение и жизнь бок о бок привели к тому, что молодые люди в конце концов полюбили друг друга. Вальмера был очарован меланхоличной прелестью Раймонды, а та, на чью долю в жизни выпало немало испытаний, нашла наконец надежного защитника в лице сильного и энергичного молодого человека, столь отважно действовавшего ради ее спасения.

День свадьбы приближался, его ожидали не без некоторой тревоги. Не задумает ли Люпен

перейти в наступление? Захочет ли примириться с невозвратной потерей для себя женщины, которую любил? Пару раз неподалеку от виллы замечали каких-то подозрительных личностей, а как-то вечером Вальмера пришлось даже защищаться от нападения якобы пьяницы. Тот, выстрелив в молодого человека из пистолета, пробил пулей его шляпу. Однако, несмотря ни на что, торжественная церемония состоялась в назначенный день и час, и Раймонда де Сен-Веран стала госпожой Луи Вальмера.

Все было так, будто сама фортуна, приняв сторону Ботреле, подписала ему победную реляцию. И настроения толпы были таковы, что в тот момент среди поклонников возникла идея устроить пышный банкет в ознаменование торжества Ботреле и окончательного краха Люпена. Прекрасная мысль! Ее сразу же поддержали. За две недели набралось уже триста участников банкета. Послали приглашения и в парижские лицеи, выбрав по два ученика из классов риторики. Газеты воспевали своего любимца. И банкет стал (иначе и быть не могло) апофеозом.

Однако же апофеозом, очаровательным в своей простоте, ведь главным героем здесь был Ботреле. Одним своим присутствием он все расставил по

местам. Как всегда скромный, с удивлением принимая восторженные крики «Браво!», немного смущаясь из-за преувеличенных восхвалений, ставящих его персону выше самых знаменитых полицейских, он конечно же был очень взволнован. И сказал об этом в коротком слове, что произвело на всех прекрасное впечатление, краснея, как ребенок, оказавшийся в центре внимания. Он говорил о своей радости, о гордости. И как ни старался овладеть собой, желая во что бы то ни стало сохранить благоразумие, эти незабываемые минуты стали для Изидора мгновениями опьянения успехом. Он улыбался друзьям, товарищам по лицею, Вальмера, что специально пришел чествовать его, господину де Жевру, отцу. Но уже заканчивая свою речь и подняв бокал, он услышал с противоположного конца зала шум голосов и увидел, как кто-то в волнении размахивает газетой. Кричавшего угомонили, он уселся на свое место, однако волны любопытства всколыхнули гостей за столом, газету теперь передавали из рук в руки, и каждый раз, когда кто-либо из приглашенных бросал взгляд на раскрытый газетный лист, слышались удивленные возгласы.

— Прочитайте! Прочитайте! — кричали с дру-

гого конца стола.

Гости, сидевшие на самых почетных местах, встали. Отец Ботреле пошел за газетой и протянул ее сыну.

— Читайте! Читайте! — все громче раздавалось со всех сторон.

И в ответ им неслось:

— Да слушайте же! Он будет читать... слушайте!

Ботреле, стоя лицом к присутствующим, искал глазами в вечерней газете, что принес ему отец, заметку, вызвавшую столь бурную реакцию, и, отыскав вдруг заголовок, подчеркнутый синим карандашом, поднял руку, призывая к тишине. Он начал читать, и по мере того как читал, голос Ботреле все более и более изменялся от волнения. Эти поразительные строки сводили на нет все усилия, переворачивали всю гипотезу относительно «полой иглы» и выставляли напоказ тщетность борьбы против Арсена Люпена:

> «Открытое письмо господина Массибана из Академии художественной литературы.
>
> Господин директор,
>
> 17 марта 1679 года, именно 1679 года, то

есть во времена правления Людовика XIV, в Париже была опубликована маленькая книжечка с таким названием:

«ТАЙНА ПОЛОЙ ИГЛЫ»

Мною отпечатаны сто экземпляров для сведения Двора.

В девять часов утра 17 марта автор, очень молодой, хорошо одетый человек, имя которого неизвестно, начал распространять свою книгу среди влиятельнейших придворных. В десять утра, когда он совершил уже четыре визита, к нему подошел капитан охраны с тем, чтобы препроводить к королю. Капитан ушел затем на поиски четырех розданных экземпляров. После того как все сто экземпляров были собраны, их пересчитали, перелистали и тщательно проверили. Король лично бросил все в огонь, сохранив один экземпляр для себя лично. Затем он приказал капитану охраны отвести автора книги к господину де Сен-Мару, каковой заточил его сначала в Пинероле, а затем в крепости на острове Святой Маргариты. Автор, вне всякого сомнения, является человеком в Железной Маске.

И истина, или, по крайней мере, часть ее, никогда бы не всплыла на поверхность, если бы

гвардейский капитан, присутствовавший при разговоре, улучив момент, когда король отвернулся, не поддался искушению вытащить из огня еще не объятый пламенем второй экземпляр. Полгода спустя капитана нашли мертвым на большой дороге из Гайона в Мант. Убийцы полностью обобрали его, не заметив, впрочем, в правом кармане драгоценного камня, найденного впоследствии, бриллианта чистейшей воды.

В бумагах его оказался манускрипт. Там ничего не говорилось о книге, спасенной из огня, однако излагались первые ее главы. Речь шла об одном секрете, известном английским королям и утраченном ими в тот момент, когда корона бедного безумного Генриха VI перешла к одному из герцогов Йоркских. Жанна д'Арк поведала обо всем королю Франции Карлу VII, объявившему эти сведения государственной тайной, что впоследствии передавалась от властелина к властелину в письме, которое каждый раз снова в запечатанном виде оказывалось у одра усопшего с надписью: «Передать королю Франции». Секрет касался места, где хранились умножавшиеся от века к веку сокровища королевской семьи.

Сто сорок лет спустя заключенный в Тампле Людовик XVI вызвал одного из офицеров, кото-

рым поручено было нести его охрану:

— Месье, не было ли среди ваших предков гвардейского капитана, несшего службу при моем пращуре, Великом короле?

— Был, сир.

— В таком случае, можно ли быть уверенным в том, что вы…

Он в сомнении умолк. Но тот сам закончил фразу:

— В том, что я не совершу предательства? О, сир…

— Так слушайте…

Король извлек из кармана книжицу, раскрыв которую вырвал одну из последних страниц. Но вдруг, передумав, заметил:

— Лучше все же переписать…

И, взяв большой лист бумаги, оторвал от него прямоугольник, на который своей рукой нанес точки, линии и цифры, что были напечатаны на вырванной странице. Затем его величество бросил страницу в огонь, а свою записку запечатал красной печатью и передал офицеру.

— Месье, в случае моей смерти вы передадите это королеве со словами: «От короля для вашего величества и его сына».

— А если она не поймет?

— Добавите: «Речь идет о тайне Иглы». Королева поймет сразу.

И, сказав эти слова, опустил книгу на уголья, еще красневшие в очаге.

21 января король взошел на эшафот.

Целых два месяца потребовалось офицеру, чтобы добраться до королевы, которую перевели в Консьержери, и выполнить возложенную на него миссию. Но вот, наконец, в результате целой сети тайных интриг он оказался возле Марии-Антуанетты. И промолвил так тихо, что услышать его могла лишь она одна: «От покойного короля, мадам, для вашего величества и для его сына».

С этими словами он протянул ей запечатанное письмо.

Королева, убедившись, что никто из охраны не мог в тот момент ее видеть, сломала печати и, удивленная сначала при виде непонятных значков, все же затем, видимо, поняла их смысл, так как горько улыбнулась, и до слуха офицера донесся шепот:

— Почему так поздно?

Она не знала, как поступить. Где спрятать опасную бумагу? Наконец, решившись, раскрыла часослов и вложила лист в потайное отделение между кожаным переплетом и покрывавшей его

пергаментной бумагой.

«Почему так поздно?» — спросила королева. И это дает нам основание предположить, что документ, который мог бы принести ей спасение, действительно опоздал, поскольку в октябре и сама королева Мария-Антуанетта, в свою очередь, взошла на эшафот.

Офицер же, перебирая домашние архивы, обнаружил манускрипт своего прадеда, капитана дворцовой охраны Людовика XIV, и с этого момента задался целью во что бы то ни стало разгадать таинственные письмена. Он проштудировал все книги на латыни, прочел хроники Франции и соседних стран, побывал в монастырях, залезая в бухгалтерские книги, просматривая картулярии, всевозможные трактаты, и наконец, сумел собрать об этой тайне несколько разрозненных цитат, относящихся к разным эпохам.

Так, например, в «Комментариях» Цезаря о Галльской войне говорится, что после поражения Виридовикса Г. Титулием Сабином вождь кельтов, представший перед Цезарем, в виде выкупа раскрыл ему тайну Иглы…

На страницах договора в Сен-Клере на Эпте между северным вождем варваров Роллом и Карлом Простоватым перечисляются все титулы

Ролла, в том числе и Владыка секрета Иглы.

В саксонской хронике (издательство Гибсона. С. 134) при описании Вильгельма Смелого (Вильгельма Завоевателя) рассказывается, что на заканчивающемся острием древке его знамени был выбит желоб, похожий на иглу…

Во время допроса Жанны д'Арк прозвучала одна непонятная фраза: она сказала, что должна сообщить королю нечто секретное, на что судьи ответили: «Да, нам известно, о чем идет речь, и именно поэтому, Жанна, вы погибнете».

— Клянусь Иглой! — частенько говаривал добряк Генрих IV.

Как-то в 1520 году Франциск I, выступая с речью перед именитыми гражданами Гавра, произнес фразу, что позднее записал в своем дневнике один житель Онфлера:

«Короли Франции владеют секретами, могущими изменять ход событий и влиять на судьбу городов».

Все эти цитаты, господин директор, а также рассказ о Железной Маске, капитане дворцовой охраны и его правнуке содержатся в брошюре, написанной этим самым правнуком и опубликованной в июне 1815 года, то есть накануне или же непосредственно после битвы при Ватерлоо,

иными словами, в эпоху больших перемен. Тогда она, естественно, осталась незамеченной.

Чего стоит эта книга? Да ничего, ответите вы, все это не вызовет ни у кого никакого доверия. Так же и я думал сначала, но каково было мое удивление, когда, раскрыв «Комментарии» Цезаря на нужной главе, я действительно обнаружил там фразу, приведенную в брошюре! То же самое произошло и с договором в Сен-Клере на Эпте, и с саксонской хроникой, и с допросом Жанны д'Арк, иначе говоря, все, что мне до сих пор удалось проверить, подтверждает написанное в этой книге. И наконец, в брошюре 1815 года рассказывается еще об одном достоверном случае. Во время французской кампании автор, будучи уже наполеоновским офицером, как-то вечером, когда пала его лошадь, постучался в какой-то замок и был принят там старым кавалером де Сен-Луи. Беседуя со стариком, он неожиданно узнает, что этот самый замок, расположенный на берегу Крёзы, звался замком Иглы, а назвал его так король Людовик XIV. Именно по его велению и был построен замок с башнями на крыше и шпилем, напоминавшим иглу. И произошло это в 1680 году.

В 1680 году! Ровно через год после выхода кни-

ги и заточения в крепость Железной Маски! И объяснение тому было следующим: Людовик XIV, опасаясь, что тайна станет известна многим, специально построил замок с таким названием с тем, чтобы раз и навсегда удовлетворить любопытство толпы. Хотите узнать, что такое «Полая игла»? Да это королевский замок на берегу Крёзы с остроконечными башнями! Таким образом становился якобы известным ключ к разгадке, и всякие поиски прекращались.

Расчет оказался верным, так как спустя двести лет господин Ботреле также угодил в расставленную ловушку. Именно на это я и хотел указать вам, господин директор, садясь за свое письмо. А Люпен, сняв на имя барона Анфреди у господина Вальмера замок Иглы на берегу Крёзы и именно там разместив обоих пленников, знал заранее, что поиски господина Ботреле неминуемо приведут его туда, и, чтобы обеспечить себе спокойное существование, которого он так добивался, приготовил для господина Ботреле, если можно так выразиться, историческую ловушку Людовика XIV.

Отсюда проистекает бесспорный вывод о том, что именно Люпену с его обширными познаниями, не имея других источников, чем те, которыми

располагаем мы, удалось лишь одной силой своего выдающегося гения расшифровать не поддающийся разгадке документ, и, следовательно, не кто иной, как Люпен, являясь, таким образом, последним наследником французских королей, владеет высшей тайной «Полой иглы».

На этом заканчивалась статья. Но вот уже несколько минут, с того самого места, где говорилось о замке Иглы, чтение продолжал один из приглашенных. Ботреле же, ощутив свое поражение, униженный и раздавленный горечью неудачи, оставил газету и рухнул на свое место, прикрыв руками лицо.

А гости, в волнении затаив дыхание, по мере чтения подходили все ближе и ближе, и теперь все сгрудились вокруг него. Толпа замерла в тревожном ожидании его возражений, ответных слов.

Но он оставался недвижим.

Мягким движением Вальмера отвел руки молодого человека от лица и поднял его голову.

Изидор Ботреле плакал.

VII. Трактат об игле

Четыре утра. Изидор не вернулся в лицей. Он возвратится туда лишь тогда, когда окончится беспощадная война, объявленная им Люпену. Он сам поклялся себе в этом, пока друзья отвозили его, помертвевшего, в полуобморочном состоянии, домой. Безумная клятва! Абсурдная безрассудная война! Что мог сделать один безоружный подросток против наимощнейшей в мире армии, звавшейся Арсен Люпен? Куда наносить удары? Он неуязвим. Как ранить его? Он непробиваем. Как вызвать его на бой? Он недоступен.

Четыре утра… Изидор снова в доме друга-лицеиста. Он стоит у камина, локти на мраморной полке, а сжатые кулаки упираются в подбородок. И смотрит на свое отражение в зеркале на стене.

Он уже не плачет, не хочет больше рыдать, метаться по кровати и предаваться отчаянию, как два часа назад. Теперь ему нужно думать, размышлять и находить ответ.

Глаза Ботреле погрузились во взгляд его двойника в зеркале, как если бы он хотел удвоить

силу мысли, созерцая задумчивое лицо, найти в нем решение той самой неразрешимой задачи. Решения, которого пока не находил в себе. Так стоял он до шести утра. И задача, освобождаясь понемногу от ненужной накипи туманящих и усложняющих ее деталей, представала перед ним во всей своей наготе, с четкостью математического уравнения.

Да, он ошибся. Да, он дал ложную расшифровку документа. Слово «игла» совсем не обозначает замок у берегов Крёзы. И тем более слово «девичья» никак не может относиться к Раймонде де Сен-Веран и ее кузине, поскольку документ составлен много веков назад.

Значит, все надо начинать сначала. Но как?

Лишь в одном источнике содержится достоверная информация: в книге, вышедшей во времена Людовика XIV. Однако из ста экземпляров, отпечатанных человеком в Железной Маске, лишь два избежали огня. Один из них забрал себе гвардейский капитан. Он потерян. Второй сохранил Людовик XIV, передав его затем Людовику XV. И наконец, Людовик XVI сжег книгу. Однако осталась копия главной страницы, копия, сделанная тайнописью. Ее передали Марии-Антуанетте, а та вложила листок под переплет часослова.

Что стало с документом потом? Не его ли держал в руках Ботреле? Не его ли затем отнял у него Люпен руками секретаря Бреду? Или же подлинный документ и по сей день хранится в часослове Марии-Антуанетты?

И здесь возникает следующий вопрос: что стало с часословом Марии-Антуанетты?

Отдохнув немного, Ботреле принялся расспрашивать отца своего друга, известного коллекционера, которого часто приглашали в качестве официального эксперта, — совсем недавно директор одного из музеев консультировался с ним при составлении каталога.

— Часослов Марии-Антуанетты? — воскликнул тот. — Но ведь королева завещала его своей горничной, тайно приказав ей передать его графу де Ферзену. С тех пор семья графа свято хранила его, и теперь вот уже пять лет как он выставлен в музейной витрине.

— В витрине?

— Да, в музее «Карнавале».

— А музей открыт?

— Откроется через двадцать минут.

В ту самую минуту, как открылись двери старинного особняка мадам де Севинье, Изидор с другом соскочили с подножки экипажа.

— Смотрите, господин Ботреле!

Его приветствовал целый хор голосов. К своему великому удивлению, Изидор узнал десяток репортеров, шаг за шагом следивших за «Делом „Полой иглы“. Один из них пояснил.

— Любопытно, не правда ли? Все мы пришли к одной и той же мысли. Будьте осторожны, возможно, среди нас снова скрывается Арсен Люпен!

Все вместе они направились в музей. Директор, предупрежденный об их приходе, сразу предложил себя в сопровождающие и провел всю группу к витрине, где был выставлен простой, без всяких украшений томик, в котором, казалось, не было ничего королевского. И все-таки волнением забились их сердца при виде книги, что в те трагические дни держала в руках сама королева. Ее покрасневшие от слез глаза смотрели на эти страницы… Никто не осмеливался дотронуться до книги, и тем более казалось им святотатством искать что-то в ней.

— Прошу, господин Ботреле, эта обязанность лежит на вас.

С чувством некоторого беспокойства Изидор взял книгу в руки. Она была точно такой, как описывал автор брошюры. Сверху пергаментная

обложка, почерневшая от времени, местами надорванная и грязная, а под ней — переплет из твердой кожи.

С дрожью в сердце принялся Ботреле искать потайное отделение. А не миф ли все это? Или же он действительно найдет документ, начертанный рукою Людовика XVI и завещанный королевой своему верному другу?

На первой странице в начале книги никакого потайного отделения не оказалось.

— Ничего, — прошептал он.

— Ничего, — слабым эхом откликнулись присутствующие.

Но со стороны последней страницы, чуть шире раскрыв книгу, он обнаружил, что пергамент отходит от переплета. Просунув в отверстие пальцы, он нащупал что-то… какую-то бумагу…

— О! — торжествующе воскликнул Ботреле. — Вот! Возможно ли это?

— Скорее, скорее! — торопили его. — Чего вы ждете?

Он вытащил сложенный вдвое листок.

— Читайте же!.. Там что-то написано красным… а может быть, это кровь? Да читайте вы!

Он прочитал:

«Вам, Ферзен. Для моего сына. 16 октября 1793

года. Мария-Антуанетта».

И вдруг Ботреле вскрикнул от удивления. Прямо под подписью королевы… стояло… Черными чернилами с росчерком были написаны два слова: «Арсен Люпен».

Листок переходил из рук в руки, и каждый раз, когда кто-то из присутствующих бросал на него взгляд, раздавалось удивленное:

— Мария-Антуанетта… Арсен Люпен!

Наступившее молчание словно сплотило их. Эта двойная подпись, два имени, стоящие рядом, запрятанные в глубину часослова, реликвии, где более века назад затерялся отчаянный призыв бедной королевы, и эта страшная дата, 16 октября 1793 года, день, когда упала королевская голова, наполнили всех ощущением какой-то таинственной и ужасной трагедии.

— Арсен Люпен, — пробормотал кто-то, вдруг осознав, какое дьявольское имя оказалось начертанным на священном листке.

— Да, Арсен Люпен, — вторил ему Ботреле. — Друг королевы не смог понять отчаянного призыва умирающей. Он прожил жизнь с бережно хранимым воспоминанием о той, которую любил, но так и не узнал, отчего ему преподнесли этот дар. И лишь Люпен догадался обо всем… и взял.

— Взял что?

— Да документ, конечно! Документ, написанный Людовиком XVI, именно его я и держал в руках. Та же бумага, такие же красные печати. Теперь понимаю, почему Люпен не захотел, чтобы он оставался у меня, ведь я мог тоже догадаться по печатям и по всему прочему.

— И что же теперь?

— Теперь, поскольку документ, текст которого мне известен, оказался подлинным, а я сам видел следы красных печатей, и, как мы убедились, Мария-Антуанетта своей собственной рукой в этом письме подтверждает истинность написанного в брошюре, о которой мы узнали от господина Массибана, теперь, когда налицо историческая тайна «Полой иглы», я больше не сомневаюсь в победе.

— Как так? Ведь если даже документ и подлинный, не расшифровав его, вы ничего не добьетесь, поскольку Людовик XVI сжег книгу, в которой даны все объяснения.

— Это верно, однако сохранился второй экземпляр, тот, который спас из огня капитан дворцовой охраны короля Людовика XIV.

— Почему вы так думаете?

— А вы докажите обратное.

Ботреле умолк и, закрыв глаза, будто стараясь

как можно яснее выразить свою мысль, начал рассуждать:

— Посвященный в тайну, капитан гвардейцев начинает излагать крупицы ее в дневнике, найденном его правнуком. Больше он ничего не написал, не открыл ключ к разгадке. Почему же? А потому, что искушение посягнуть на сокровище мало-помалу проникало в его душу, и он поддался. Доказательство? Его убийство. Еще одно доказательство? Найденный на нем драгоценнейший бриллиант, который он конечно же забрал из не известного никому тайника, что и составляет секрет «Полой иглы». Люпен мне намекнул об этом, он не лгал.

— И что же отсюда следует, Ботреле?

— Следовательно, нужно предать всю эту историю возможно более широкой огласке, напечатать во всех газетах, что мы ищем книгу, озаглавленную «Трактат об Игле». Не исключено, что нам удастся отыскать ее в какой-нибудь из провинциальных библиотек.

Тут же составили заметку, и Ботреле немедля, не дожидаясь результатов, взялся за дело.

Начало пути было указано точно: убийство произошло в окрестностях Гайона. В тот же день Ботреле отправился туда. Он не рассчитывал,

впрочем, восстановить картину преступления, совершенного двести лет тому назад. Но тем не менее полагал, что в воспоминаниях старожилов, в традициях этого края вполне может оказаться нечто, наводящее на след.

Что-то можно отыскать и в местных хрониках. Какой-нибудь провинциальный эрудит, любитель старинных легенд, собиратель занимательных историй прошлого, вдруг возьмет и опубликует нужные сведения в газете или же пошлет заметку в академию главного города департамента.

Он повидал трех-четырех таких эрудитов. С одним из них, стариком нотариусом, даже вместе проштудировал тюремные книги, а также документы различных приходов и окружного суда того времени. Но ни в одном из них не говорилось об убийстве в XVII веке гвардейского капитана.

Но Ботреле это не смутило. Он продолжал поиски в Париже, где, возможно, велось следствие по тому делу. Однако все безрезультатно.

Тогда у него появилась идея, направившая все усилия в новое русло. Не легче ли будет узнать имя гвардейского капитана, ведь известно, что его внук эмигрировал, правнук служил в армии при Республике, был направлен в Тампль, когда

там содержалась королевская семья, затем служил Наполеону и участвовал во французской кампании.

В результате терпеливых поисков удалось составить список имен, два из которых почти полностью совпадали: господин де Ларбери, служивший в гвардии во времена Людовика XIV, и гражданин Ларбери, живший в эпоху Террора.

Это уже было кое-что. И он опубликовал в газетах маленькую заметку, в которой просил всех, кому что-либо известно об этом Ларбери или о его потомках, сообщить ему эти сведения.

В ответ пришло письмо от господина Массибана, именно того Массибана, который писал о брошюре, члена Академии:

> «Месье.
>
> Обращаю Ваше внимание на отрывок из сочинения Вольтера «Век Людовика XIV», глава XXV «Особенности и анекдоты времен правления». Отрывок этот присутствует лишь в рукописи, в последующие издания он не вошел.
>
> «Я слышал, как покойному интенданту финансов и другу министра Шамийяра господину де Комартэну рассказывали о

том, как однажды король спешно выехал в карете, узнав, что господина де Ларбери убили, отобрав драгоценные украшения. Король был в страшном волнении и повторял: „Все потеряно… Все потеряно…“ На следующий год сына этого Ларбери и его дочь, вышедшую замуж за маркиза де Велина, выслали в их владения в Провансе и Бретани. Нет сомнения, что за этим кроется нечто таинственное».

Тем меньше остается сомнений, добавлю от себя лично, поскольку Шамийяр, как утверждает Вольтер, был последним министром, посвященным в тайну Железной Маски.

Вы поймете, месье, какую информацию дает нам этот отрывок. Между двумя событиями устанавливается непосредственная связь. Не берусь судить о поведении, страхах и подозрениях Людовика XIV в этих обстоятельствах, однако же позволительно предположить, зная, что у господина де Ларбери остались сын, являвшийся, по всей вероятности, дедом офицера Ларбери, и дочь, что часть бумаг де Ларбери перешла именно к дочери.

Возможно, в этих-то бумагах и хранится тот самый экземпляр, что капитан дворцовой охраны некогда спас из огня.

Я просмотрел справочник замков. В окрестностях Ренна проживает ныне некий барон де Велин. Может быть, он потомок маркиза? Вчера на всякий случай я отправил барону письмо, осведомляясь, не является ли он обладателем небольшой книжки, в названии которой фигурировало бы слово «игла»? Ожидаю от него ответа.

Буду счастлив лично побеседовать с Вами обо всех этих вещах. И если Вас это не очень затруднит, жду Вас у себя. Примите, и проч.

P.S. Я, естественно, не сообщал в газеты о том, что узнал. Теперь, когда цель близка, необходимо соблюдать осторожность».

Ботреле тоже считал так, более того, когда в то утро его начали осаждать двое журналистов, он сообщил им совершенно ложные сведения о своих планах и выводах, к которым пришел.

После обеда молодой человек поспешил к Мас-

сибану на набережную Вольтера, 17. Однако, к своему большому удивлению, узнал, что тот срочно уехал, оставив на всякий случай для него записку. В ней значилось:

«Полученная мною телеграмма вселяет кое-какие надежды. Выезжаю немедленно. На ночлег остановлюсь в Ренне. Если желаете, можете сесть на вечерний поезд и, не сходя в Ренне, доехать до станции Велин. Встретимся в замке, в четырех километрах от станции».

Ботреле сразу загорелся. Он был особенно рад, что приедет в замок одновременно с Массибаном, ибо опасался, что тот по неопытности может совершить какой-нибудь промах. Итак, он вернулся в дом друга, где и провел оставшееся до вечера время, и вскоре уже садился в экспресс, следовавший в Бретань. Прибыв в шесть часов утра на станцию Велин, он решил проделать пешком все четыре километра дороги, идущей густым лесом. И вот вдали на холме показалось длинное строение. Архитектура его удивляла смешением стилей Ренессанса и эпохи Луи-Филиппа, и все же замок с четырьмя башнями и увитым плющом подъемным мостом выглядел весьма импозантно.

По мере того как он подходил ближе, сердце

Изидора тревожно забилось. Неужели наконец он достигнет цели? Найдет ли в этом замке ключ к разгадке?

Его одолевали всевозможные страхи. Не верилось, что успех близок, казалось, что в который уж раз он станет жертвой дьявольского плана, задуманного Люпеном. А может быть, Массибан — лишь марионетка в руках врага?

«Полноте, все это уже становится смешным, — иронизировал он сам над собой. — Нельзя же всерьез предполагать, что Люпен — такой гениальный провидец, нечто вроде всемогущего Господа Бога, бороться с которым бесполезно. Да ничего подобного! Люпен тоже может ошибаться, может, в свою очередь, становиться жертвой обстоятельств. Люпен делает промахи, в конце концов! И именно благодаря одному из его промахов, благодаря тому, что он потерял документ, я начинаю одерживать победу. От этого все и идет. А его отчаянные усилия имеют одну цель: исправить допущенную ошибку!» — И, решив так, Ботреле, вновь окрыленный надеждой, взбодрившись, позвонил в дверь.

— Что вам угодно? — осведомился лакей, появляясь на пороге.

— Спросите, может ли меня принять барон де

Велин? — протягивая визитную карточку, сказал Ботреле.

— Господин барон еще не одет, но если месье соблаговолит подождать…

— Спрашивал ли его еще кто-нибудь сегодня, например, такой пожилой, сутулый господин с седой бородой? — поинтересовался молодой человек, знавший Массибана по фотографиям в газетах.

— Да, этот господин приехал десять минут назад, я проводил его в приемную. Не будете ли вы так любезны тоже последовать за мной?

Встреча Массибана с Ботреле сразу началась с сердечных слов. Изидор поблагодарил старца за предоставленную бесценную информацию, а тот буквально рассыпался в восторженных похвалах молодому человеку. Они поговорили о документе, о своих шансах отыскать книгу, и Массибан повторил все, что узнал о бароне де Велине. Шестидесятилетний вдовец вот уже много долгих лет уединенно жил здесь с дочерью Габриель де Вильмон, так и не оправившейся от удара после того, как ее муж и старший сын погибли в автомобильной катастрофе.

— Господин барон покорнейше просит господ подняться к нему.

Лакей проводил их на второй этаж, в большую комнату с голыми стенами, всю меблировку которой составляли несколько секретеров, этажерок и столов, заваленных бумагами и конторскими книгами. Барон радушно встретил гостей, будучи рад, как и все замкнуто живущие люди, возможности с кем-нибудь поговорить. Не без труда удалось им направить беседу в нужное русло и изложить цель своего приезда.

— Ну, конечно, ведь вы мне об этом писали, не правда ли, господин Массибан? Речь идет об одной книге, якобы доставшейся мне от предков, в которой рассказывается об Игле?

— Вы совершенно правы.

— Скажу вам честно: не ладил я со своими. В то время у них были какие-то странные взгляды на жизнь. А я — человек своего времени. Я порвал с прошлым.

— Конечно, — нетерпеливо согласился Ботреле. — Однако не попадалась ли вам на глаза такая книга?

— Попадалась, попадалась! Я же телеграфировал вам, — вскричал тот, обращаясь к Массибану, который, в раздражении расхаживая по комнате, то и дело останавливался возле высоких окон, — конечно же попадалась!.. Вернее, моей дочери

показалось, что она видела похожий заголовок среди нескольких тысяч книг, что до отказа заполнили библиотеку! Сам-то я неважный чтец… Даже газет не читаю… Не то что дочь… Вот она… спаси Господи ее сына, маленького Жоржа, пошли ему здоровья… а мне бы только получить доход от арендаторов, да чтоб договоры были в порядке… вот, видите, сколько конторских книг… я ими и живу, господа… а что касается всей этой истории, о которой вы мне писали, господин Массибан, честно говоря, я и забыл, в чем там было дело…

Изидор Ботреле, устав от баронской болтовни, решился наконец перебить старика:

— Простите, месье, но где эта книга?

— Дочь искала ее. Со вчерашнего дня искала.

— И что же?

— Нашла, нашла, вот уже час или два как нашла. Когда вы приехали…

— А где книга?

— Где она? Дочь положила ее вот на этот стол… там, посмотрите…

Изидор буквально кинулся к столу. С краю, на ворохе бумаг лежала маленькая книжечка в сафьяновом переплете. Невольно он так и стукнул по ней кулаком, словно защищая от невидимых

посягательств и в то же время не решаясь сам взять книгу в руки.

— Ну, что там?! — нетерпеливо вскричал Массибан.

— Есть… она здесь… у меня…

— А название? Вы не ошибаетесь?

— Смотрите сами.

И показал выгравированный золотом по сафьяну заголовок: «Тайна Полой иглы».

— Ну как, убедились? Значит, наконец тайна в наших руках?

— А первая страница? Что там на первой странице?

— Вот, читайте: «Впервые излагается вся правда. Мною отпечатаны сто экземпляров для сведения Двора».

— Все сходится, все сходится, — с волнением шептал Массибан. — Это тот экземпляр, который спасли из огня! Именно эту книгу стремился уничтожить Людовик XIV.

Раскрыв книгу, они начали листать. Первая часть совпадала с тем, что записал в своем дневнике капитан Ларбери.

— Дальше, дальше, — торопил Ботреле, которому не терпелось подойти к разгадке.

— Как это дальше? Здесь очень важные вещи.

Нам известно, что Железную Маску заточили в крепость, поскольку он знал и собирался раскрыть секрет французского королевского дома. Но откуда он об этом узнал? И почему хотел обнародовать чужую тайну? Наконец, кем он был на самом деле, этот странный герой? Сводным братом Людовика XIV, как считает Вольтер, или же итальянским министром Маттиоли, как полагают наши современники? Вот один из наиважнейших вопросов!

— Потом! Потом! — перебил его Ботреле, словно боясь, что еще до того, как раскроется тайна, книга улетучится из его рук.

— Но ведь, — возразил Массибан, увлекшись своим экскурсом в историю, — мы можем не торопиться. Время есть. Давайте же посмотрим, в чем тут дело.

И вдруг Изидор как бы застыл на месте. Документ! В середине страницы слева на глаза ему попались пять таинственных строк, знакомые точки и значки. В секунду он осознал, что текст был тем же самым, что и на клочке бумаги, который он изучал. То же расположение знаков… те же интервалы, позволяющие выделить слово «девичья» и отделить друг от друга два слова в сочетании «полая игла».

Перед шифром стояло: «Все необходимые данные были сведены, по всей видимости, королем Людовиком XIII в маленькой таблице, приводимой ниже».

Дальше шла таблица и ее объяснение. Срывающимся голосом Ботреле начал читать:

— «Как видно, эта таблица, даже если заменить цифры на гласные, остается непонятной. Можно сказать, что для того, чтобы расшифровать ее, надо владеть самой тайной. Значки же могут служить лишь путеводной нитью для тех, кому известны все закоулки этого лабиринта. Возьмем же путеводную нить и отправимся в путь, я поведу вас.

Взгляните на четвертую строку. Там указаны меры и ориентиры. И, сообразуясь с ориентирами, строго придерживаясь указанных расстояний, вы легко достигнете цели, при условии, конечно, что будете знать, где находитесь и куда нужно идти, иными словами, если вам понятен истинный смысл выражения «полая игла». А узнать его вы сможете из трех первых строк. Первая задумана так,

чтобы отомстить королю, впрочем, я его об этом предупреждал…»

В растерянности Ботреле прервал чтение.

— Что? Что такое? — удивился Массибан.

— Какая-то бессмыслица.

— Действительно. «Первая задумана так, чтобы отомстить королю…» Что бы это могло означать?

— Ах, черт побери! — вдруг завопил Ботреле.

— В чем дело?

— Вырваны! Две страницы! Две следующие страницы! Вот, смотрите, следы…

Расстроенный Ботреле весь дрожал от негодования. Массибан, в свою очередь, тоже склонился над книгой:

— Вы правы… Вот здесь остались клочки вырванных страниц. Но ведь здесь совсем свежие следы. Страницы не вырезали, их вырвали… грубо, будто торопились. Вот смотрите, все последующие страницы скомканы, смяты.

— Кто же, кто мог это сделать? — простонал Изидор, заламывая руки. — Кто-то из слуг, сообщник?

— Но это ведь могло произойти и несколько месяцев тому назад, — заметил Массибан.

— И тем не менее. Ведь кто-то все-таки откопал

эту книгу, просматривал ее… А вы, месье, — обратился Ботреле к барону, — вам об этом ничего не известно? Может быть, вы кого-нибудь подозреваете?

— Давайте спросим у моей дочери.

— Да-да, верно… Возможно, ей что-нибудь известно…

Господин де Велин подозвал лакея, и несколько минут спустя в комнате появилась мадам де Вильмон. Она оказалась молодой женщиной со скорбным, отрешенным лицом. Ботреле решил перейти сразу к делу:

— Мадам, вы нашли эту книгу наверху, в библиотеке?

— Да, она лежала в пакете с книгами, перевязанном веревкой.

— Вы сами ее читали?

— Читала, вчера вечером.

— В то время, как вы ее читали, были ли уже вырваны вот эти две страницы? Припомните, пожалуйста, две страницы, следующие за таблицей с цифрами и точками.

— Нет, конечно, нет, — удивилась молодая женщина, — все страницы были целы.

— Тем не менее их успели вырвать…

— Всю ночь книга пролежала у меня в ком-

нате.

— А утром?

— Утром я сама отнесла ее вниз, когда сообщили о приходе господина Массибана.

— Как же так?

— Как? Не понимаю… если только… но нет…

— Что вы имеете в виду?

— Жорж… мой сын… этим утром… он играл с книгой.

Она стремительно вышла, а вслед за нею Ботреле с Массибаном и барон. В комнате мальчика не было. Они стали искать его повсюду и наконец нашли за замком. Ребенок спокойно играл. Однако все трое были так взволнованы и так грозно начали его расспрашивать, что тот зарыдал. Все в доме забегали взад и вперед. Кликнули слуг. Вышла невообразимая суматоха. И Ботреле понял, что истина ускользает от него, как сквозь пальцы просачивается вода. Он попытался взять себя в руки, увлек госпожу де Вильмон, за которой пошли и Массибан с бароном, в гостиную и заговорил так:

— Хорошо, пусть книга неполная, вырваны две страницы… Но ведь вы-то их читали, мадам?

— Да.

— Вам известно их содержание?

— Да.

— И вы могли бы нам его пересказать?

— Конечно. Я с большим интересом прочитала всю книгу, однако именно эти две страницы особенно поразили меня, то, что там раскрывалось, было просто удивительно.

— Так говорите же, мадам, говорите, умоляю вас. Эти сведения чрезвычайно важны. Говорите, прошу вас, потерянные минуты потом не вернешь. Полая игла…

— О, ведь это так просто. Полая игла означает…

Ее прервал приход лакея.

— Письмо для мадам.

— Странно… ведь почтальон уже ушел.

— Его принес какой-то мальчик.

Мадам де Вильмон распечатала письмо, начала читать и вдруг, побледнев от ужаса, прижала руку к сердцу, готовая вот-вот упасть.

Бумага выскользнула из ее рук на пол. Ботреле подобрал ее и, даже не подумав спросить разрешения, в свою очередь, прочитал:

«Молчите… в противном случае ваш сын не проснется».

— Мой сын… мой сын… — лепетала она, ослабев настолько, что была не в силах даже побежать на помощь тому, кому угрожали.

— Чепуха, — стал успокаивать ее Ботреле. — Все это несерьезно… какая-то шутка… ну подумайте, кому выгодно…

— Если только, — вдруг вмешался Массибан, — здесь не замешан Арсен Люпен.

Но Ботреле сделал ему знак молчать. Он и сам отлично видел, черт побери, что враг снова рядом, знающий все и готовый на все, и именно поэтому он во что бы то ни стало решил вырвать у госпожи де Вильмон столь долгожданные заветные слова, вырвать их сейчас же, не медля ни минуты.

— Умоляю вас, мадам, успокойтесь… Мы будем возле вас… Нет никакой опасности…

Скажет ли она наконец? Он верил, надеялся, что да. Казалось, вот сейчас женщина начнет говорить.

Но тут дверь снова отворилась. На этот раз вошла горничная. В страшном волнении она запричитала:

— Господин Жорж… Мадам… Господин Жорж… Мадам… Господин Жорж…

В мгновение ока мать обрела вновь все свои силы и первой, гонимая своим безошибочным инстинктом, бросилась вниз по лестнице, промчалась сквозь вестибюль и кинулась к террасе.

Там на кресле неподвижно вытянулся маленький Жорж.

— Да он же спит!

— Он так внезапно заснул, мадам, — заплакала служанка. — Я хотела разбудить его, отнести в детскую, но он не просыпался, и руки у него… руки были холодные.

— Холодные… — вторила мать, — да, правда… О, Господи, Господи… О, хоть бы он проснулся!

Ботреле незаметно сунул руку в карман, нащупал рукоятку пистолета, пальцем нашел курок и, резко выдернув оружие, выстрелил в Массибана.

Но тот, как будто заранее зная, что собирается делать молодой человек, будто следил за всеми его движениями, вовремя увернулся. Ботреле же кинулся на него, призывая на помощь слуг:

— Ко мне! Это Люпен!

От неожиданного удара Массибан опрокинулся на одно из плетеных кресел. Но через пару секунд уже стоял, направив на оглушенного, задыхающегося молодого человека дуло его же пистолета.

— Хорошо… отлично… не двигаться… через две-три минуты, не больше… все пройдет… Поздно же ты меня узнал. Значит, здорово я на него похож, на этого Массибана?

Теперь он расправил плечи, распрямил суту-

лую старческую спину и с угрожающим видом усмехнулся, поглядев в сторону троих напуганных слуг и растерявшегося барона.

— Изидор, ты промахнулся! Если б не крикнул, что я — Люпен, они бы разорвали меня в клочья. Не очень-то приятно иметь дело с такими вот здоровенными парнями! Боже милостивый! Один против четверых. — И, подойдя к ним: — Эй, ребята, не бойтесь… Дядя вас не обидит… хотите конфетку? На, погрызи, успокойся. Ага! Ну-ка давай сюда мои сто франков. Узнал, узнал тебя. Помнишь, сколько я заплатил, чтобы ты отнес хозяйке письмо? Живо, деньги назад, негодный слуга!

И, забрав голубую бумажку, что тот протянул ему, изорвал ее на мелкие клочки.

— Деньги за предательство. Да они мне пальцы жгут!

Он приподнял шляпу и низко склонился перед госпожой де Вильмон:

— Прошу простить меня, мадам. В жизни (и в моей особенно) бывают случаи, когда приходится совершать жестокости, от которых я первый бы покраснел. Не беспокойтесь за сына, просто действие небольшого укола, что я сделал мальчику, пока вы все на него кричали. Через какой-нибудь

час все будет в порядке. Еще раз тысяча извинений. Однако же ваше молчание мне просто необходимо.

Он снова поклонился, поблагодарил господина де Велина за гостеприимство, взял трость, помахал всем на прощание шляпой и, отечески бросив Ботреле: «До свидания, детка!» — преспокойно отправился восвояси, закуривая и выпуская табачный дым прямо слугам в нос.

Ботреле подождал еще несколько минут. Слегка успокоившись, мадам де Вильмон присела у изголовья сына. Он направился было к ней, все еще на что-то надеясь. Но взгляды их встретились, и он ничего не сказал. Изидор понял, что теперь, что бы ни случилось, она будет молчать. Секрет «Полой иглы» с этого момента был похоронен в материнском сердце столь же надежно, как и в недрах прошлого.

Тогда, отступившись, Ботреле вышел вон.

Часы показывали пол-одиннадцатого. В одиннадцать пятьдесят отходил поезд на Париж. Он неторопливо прошел по аллее парка и очутился на дороге, ведущей к станции.

— Ну-с, что скажешь о нашей маленькой хитрости? — послышалось вдруг. Из соседнего леса появился Массибан. — Хорошо задумано? Ну как,

способен твой старый дружок и на проволоке станцевать? Даю слово, ты все еще не можешь прийти в себя! Думаешь, наверно, а был ли на самом деле такой Массибан, член Академии художественной литературы? Конечно же он есть. Если будешь паинькой, мы даже его тебе покажем. Однако сначала держи свой револьвер. Посмотри, он заряжен? А как же! Смотри, малыш, пять пуль, каждая из которых может отправить меня к праотцам. Ну что, положишь его в карман? Вот и ладно… Так-то лучше, чем то, что ты делал там, в замке. Паршивый номер ты отколол. Что поделаешь, ты молод, горяч, а тут вдруг чертов Люпен опять загнал тебя в лужу, он тут же, рядом, в трех шагах, этот Люпен, и тррах! — выстрел. Ладно, я не в обиде. И даже в знак примирения готов предложить подвезти тебя в своем автомобиле. Идет?

Засунув пальцы в рот, он пронзительно свистнул.

Столь разителен был контраст между почтенной внешностью старого Массибана и хулиганскими манерами, тоном, который нарочно старался подчеркнуть Люпен, что Ботреле не смог удержаться от смеха.

— Он смеется! Он смеется! — подпрыгнул

Люпен от восторга. — Знаешь, детка, чего тебе недостает, так это улыбки. Для своего возраста ты что-то слишком строг. Такой симпатичный, очаровательный своей наивностью парнишка… но, правда ведь, неулыбчивый какой-то…

И, подойдя к нему вплотную, сказал:

— Слушай, бьюсь об заклад, сейчас ты у меня заплачешь. Знаешь, как я узнал о том, что ты собираешься делать? О том, что Массибан написал тебе письмо и назначил встречу сегодня утром в замке Велин? Ведь все это выболтал твой дружок, тот, у кого ты поселился… Ты-то посвящаешь этого негодяя во все, а он тут же бежит и докладывает о твоих делах своей подружке… А у подружки нет секретов от Люпена. Ну, что я говорил? Вот ты и готов. Глазки покраснели… что, обманутая дружба? Огорчился? Ты просто душка. Еще немного, и я тебя поцелую, малыш, так растрогали меня твои удивленные взгляды… А помнишь тот вечер в Гайоне, ты пришел ко мне за советом… Да-да, стариком нотариусом тоже был я… Засмейся же, малыш! Нет, точно тебе говорю, улыбки не хватает. Знаешь, чего еще тебе недостает… Как бы это сказать… «главного импульса». А вот у меня такой «главный импульс» есть.

Вблизи послышалось чихание мотора. Люпен

схватил Ботреле за руку и, глядя ему в глаза, отчеканил:

— Теперь будешь вести себя тихо. Ведь сам понимаешь, что ничего не поделаешь. Зачем тогда тратить силы и терять время? В мире много других бандитов. Вот и охоться за ними, а меня оставь… а то… Договорились?

Он даже потряс его, чтобы тот лучше понял. И вдруг усмехнулся:

— Ох, какой же я глупец! Да разве ты оставишь меня? Ты не из тех, кто сдается. Не знаю даже, что меня удерживает… В две секунды тремя движениями ты окажешься связан, с заткнутым ртом, а потом… через два часа на несколько месяцев исчезнешь. А я смогу спокойно отдыхать, удалившись в свое тихое убежище, что подготовили для меня предки, короли Франции, смогу в полной безопасности воспользоваться сокровищами, которые они так любезно для меня собирали… Но нет, пойду уж до конца. Что поделаешь? У всех свои слабости. А моя — ты. Да что там говорить, пока что ты еще ничего не добился. Ох как много воды утечет, пока тебе удастся сунуть свой нос в отверстие иглы. Попробуй разгадай! Мне, Люпену, и то понадобилось на это целых десять дней. А тебе не хватит и десяти лет. Все-таки между нами

есть какая-то разница.

Подъехала машина, огромный закрытый кабриолет. Люпен открыл дверцу. И тут Ботреле, не удержавшись, вскрикнул. В автомобиле лежал человек, и человек этот был Люпеном, то есть Массибаном.

— Можешь кричать сколько угодно, он не проснется. Обещал я тебе показать его? Теперь все ясно? К полуночи я уже знал о вашем свидании в замке. В семь утра был здесь, и как только появился Массибан, сразу его подловил. А потом укольчик — и готово! Спи спокойно, дедуля! Вот сейчас положим тебя на травку… на солнышке тепло… ну, давай-давай, вот так… Отлично! Превосходно! А в ручку — шляпу, подайте на пропитание!.. Ох, старый добрый Массибан, что, заботишься о Люпене?

И действительно, все это походило на какой-то фарс: два Массибана рядом, один спящий, с головой, болтающейся из стороны в сторону, а другой — серьезный, почтительный и заботливый.

— Пожалейте бедного слепого… На, Массибан, держи, здесь два су и моя визитная карточка… А теперь, ребята, поедем на четвертой скорости… Слышишь, шофер, гони, 120 километров в час! В машину, Изидор! Сегодня в Институте пленарное

заседание, и Массибан должен в три тридцать прочитать докладную записку, правда, не знаю о чем. Ну ничего, прочитает он эту свою записку. Уж я им преподнесу настоящего Массибана лучше, чем он сам, уж я скажу все, что думаю об этих его «доисторических надписях». Ведь я все-таки академик. Быстрее, шофер, пока что у нас лишь только 115 километров в час. Тебе страшно, забыл, что с тобой едет сам Люпен? Ах, Изидор, и кто это сказал, что жизнь — скучная штука, да она прекрасна, малыш, надо только знать… А вот я знаю… Известно ли тебе, каково мне было совсем недавно, в замке, пока ты болтал со стариком Велином, делать вид, что смотрю в окно, а самому рвать странички из исторической книги? Не сахар… А после, когда ты расспрашивал даму Вильмон о «Полой игле»? Я все думал: скажет ли она? Да, скажет… нет, не скажет… да… нет… У меня прямо мурашки бегали по коже… Если бы сказала, пришлось бы переделывать всю жизнь, все, достигнутое ценой неимоверных усилий, — насмарку. Войдет ли вовремя слуга? Да… нет… Вот он идет. Разоблачит ли меня Ботреле? Никогда! Такой болван! Нет… Да… Вот, уже… Нет, еще нет… Глядит на меня… узнал… вот сейчас схватится за револьвер… Ах, какое наслаждение!.. Изидор, ты

слишком много болтаешь… Не хочешь поспать? А я — так просто умираю… Спокойной ночи…

Ботреле взглянул на него. Казалось, что тот почти уже уснул. Да, он спал.

Они летели, преодолевая пространство, прорывались к вот-вот уже достигнутому и все же убегающему вперед горизонту. Исчезли города, деревни, поля, леса, и не было больше ничего, кроме дороги, что поглощал, заглатывал автомобиль. Долго Ботреле с каким-то яростным любопытством вглядывался в своего попутчика, будто желая проникнуть глубоко под маску, скрывающую его истинное лицо. И все думал об обстоятельствах, силою которых оба оказались рядом, в одной машине.

И в конце концов, тоже устав от волнений и разочарований сегодняшнего дня, и сам заснул.

А когда проснулся, Люпен уже читал. Ботреле наклонился посмотреть название книги. Это были «Письма к Луцилию» философа Сенеки.

VIII. От Цезаря к Люпену

«Попробуй разгадай! Мне, Люпену, и то понадобилось на это целых десять дней. А тебе не хватит и десяти лет».

Эти слова Люпена, сказанные им поблизости от Велинского замка, оказали значительное влияние на все поведение Ботреле. Всегда спокойный и прекрасно владеющий собой, Люпен тем не менее иногда поддавался экзальтации, эдакому романтическому настроению, и тогда его откровения, носившие порой налет театральности или же ребячества, могли приоткрыть нечто такое, что пошло бы на пользу такому человеку, как Ботреле.

Вот и в этой фразе Ботреле, хотя он мог и ошибаться, виделось одно из таких невольных признаний. Он считал себя вправе заключить, что, раз уж Люпен сравнивал их усилия, их шаги на пути к разгадке тайны «Полой иглы», то это означает, что оба обладали одними и теми же исходными данными для достижения цели, то есть он, Люпен, пришел к успеху с тем же набором элементов головоломки, которыми рас-

полагал и его противник. Шансы были равными. Однако, имея равные шансы, равные исходные данные, Люпену хватило и десяти дней. Каковы же тогда были эти элементы, средства и шансы? Бесспорно, они сводились к информации, почерпнутой из брошюры, опубликованной в 1815 году, брошюры, которая Люпену, как и Массибану, попалась совершенно случайно и благодаря которой ему удалось обнаружить в молитвеннике Марии-Антуанетты столь необходимый для поисков документ. Брошюра и документ — вот два источника, на которые опирался Арсен Люпен. И с помощью подобного фундамента ему удалось восстановить все здание целиком. Без всякой помощи извне. Лишь посредством изучения брошюры и документа, больше у него не было ничего.

Почему бы в таком случае Ботреле также не пойти по этому пути? К чему продолжать неравную борьбу? Зачем все эти расследования, в плачевном результате которых, даже если удастся избежать всех капканов, расставленных у него под ногами, Ботреле был уверен?

Четкое решение пришло сразу, и, выбрав его, он интуитивно почувствовал, что находится на верном пути. Итак, не вступая в ненужные вы-

яснения отношений, Изидор, захватив чемодан, съехал от лицейского товарища и после долгих блужданий по городу поселился в маленькой гостинице в центре Парижа. Целыми днями он почти не выходил из своей комнаты и, показываясь на людях лишь затем, чтобы наскоро пообедать за общим столом, снова запирался в наглухо зашторенном номере. Он думал.

«Десять дней», — сказал Арсен Люпен. Ботреле старался позабыть все, что он узнал потом, и ориентировался лишь по брошюре и документу, страстно желая тоже уложиться в десять дней. Но вот пролетел десятый день, а за ним одиннадцатый, двенадцатый. И внезапно на тринадцатый день будто вспышка озарила его, и стремительно, как бывает, когда идеи зарождаются в нашем мозгу, сразу же расцветая, подобно сказочным цветам, вдруг забрезжила истина, с каждой минутой становясь все яснее. Вечером тринадцатого дня, не владея еще ключом к разгадке, он тем не менее обладал уже верным ориентиром, указывающим правильный путь, исходной точкой, которой, без сомнения, воспользовался и сам Арсен Люпен.

Путь был простым, исходить следовало из одного-единственного вопроса: существует ли

связь между всеми более или менее важными историческими событиями, с которыми связана, как говорилось в брошюре, тайна «Полой иглы»?

Так как событий было множество, ответ на этот вопрос давался нелегко. Тем не менее в результате углубленного анализа, который проделал Ботреле, начали вырисовываться основные особенности этих событий. Все они, без исключения, происходили в пределах старинной Нейстрии, места, которому соответствует современная Нормандия. Все герои наших фантастических приключений либо сами нормандцы, либо живут и действуют именно там.

Увлекательнейшая это была гонка сквозь века! Как волнительно было проследить за путем всех этих баронов, герцогов и королей, выезжавших из совершенно различных мест и затем встречавшихся как раз в этом уголке мира!

Ботреле наугад пролистал страницы учебника истории. Что же оказалось? Первый герцог Нормандии Ролл, или Роллон, если верить договору в Сен-Клере на Эпте, был обладателем тайны «Полой иглы»! Затем идет король Англии, герцог нормандский Вильгельм Завоеватель, на древке знамени которого выбита игла! Именно в Руане англичане сожгли на костре Жанну д'Арк, знав-

шую этот секрет! А в самом начале вождь кельтов уплатил Цезарю выкуп, раскрыв ему тайну Иглы! Вождь кельтов, а значит, жителей Ко, того самого Ко, что расположен в самом центре Нормандии!

Гипотеза подтверждается. Сужается круг поисков. Руан, берега Сены, Ко… похоже, именно в этих местах сходятся все дороги. Взять, к примеру, двоих из французских королей. В те времена секрет «Полой иглы» был утерян герцогами нормандскими, а значит, и их наследниками, королями английскими, и сделался государственной тайной Франции. И вот Генрих IV начинает осаду Руана, выигрывает битву при Арке, на подступах к Дьепу. А Франциск I основывает Гавр и произносит свою сакраментальную фразу: «Короли Франции владеют секретами, могущими изменять ход событий и влиять на судьбу городов». Итак, Руан, Дьеп, Гавр, три вершины треугольника, три крупных города, составляющих как бы границы поисков. А в центре, в середине — Ко.

XVII век. Людовик XIV сжигает книгу, в которой неизвестный раскрывает его тайну. Капитан де Ларбери завладевает одним из экземпляров, затем, решив воспользоваться сокровищем, в тайну которого проник, выкрадывает часть драгоценностей, но, застигнутый на большой дороге

грабителями, сам умирает от их руки. Где же происходит это преступление? В Гайоне! В Гайоне, маленьком городишке на дороге из Гавра, Руана или Дьепа в Париж.

Спустя год Людовик XIV покупает поместье и велит построить замок Иглы. Но что за место он для этого выбирает? Центральную часть Франции. Итак, любопытство толпы удовлетворено. Никто уже не станет искать в Нормандии.

Руан… Дьеп… Гавр… треугольник Ко… Все заключено там… С одной стороны море. С другой — течет Сена. А с третьей — две долины, ведущие из Руана в Дьеп.

Ботреле осенило: именно на этом участке, в краю высоких плато, от крутых берегов Сены до прибрежных скал Ла-Манша, всегда или почти всегда оперировал Люпен. Вот уже десять лет он методически обрабатывал эти места, как будто начинал действовать от самого сердца страны, с которой тесно связана легенда о «Полой игле».

Где происходило дело барона Каорна? На берегах Сены, между Руаном и Гавром. А ограбление Тибермесниля? С противоположной стороны плато, между Руаном и Дьепом. А кражи в Грюше, Монтиньи, Красвиле? В самом центре Ко. Куда ехал Люпен, когда в купе на него напал убийца

с улицы Лафонтен. Пьер Онфрей? В Руан. Куда повезли, захватив, Херлока Шолмса?[5] В окрестности Гавра.

А теперешняя драма, где она разворачивалась? В Амбрюмези, на дороге из Гавра в Дьеп.

Руан, Дьеп, Гавр, все время действие происходит в треугольнике Ко.

Следовательно, несколько лет назад, прочитав брошюру и зная о тайнике, в котором Мария-Антуанетта спрятала документ, Арсену Люпену удалось прибрать к рукам тот самый часослов. А получив документ, он отправился в поход, нашел то, что искал, и зажил там, в завоеванной стране.

Ну так Ботреле тоже пойдет в поход.

И он отправился с волнением в груди, с мыслями о том, что по тому же пути прошел некогда и Люпен. Вот так же тот, наверное, надеялся, отправляясь на поиски бесценного клада, чтобы раскрыть секрет и овладеть высшим могуществом. Приведут ли усилия Ботреле к такому же результату?

Рано утром он вышел из Руана, загримировав лицо и перекинув через плечо палку с узелком,

---

[5] notes: 5

Здесь автор упоминает о некоторых приключениях Арсена Люпена, описанных в других романах. — Примеч. пер.

наподобие ремесленников, что бродят по дорогам Франции.

Ботреле направился прямо в Дуклер. Там позавтракал и, пройдя через городок, вышел к Сене, продолжая свой путь дальше, все время вдоль прибрежных откосов. Инстинкт, подкрепленный логикой, все гнал его к извилистым берегам прекрасной реки. Когда ограбили замок Каорна, великолепные коллекции уплыли оттуда именно по Сене. И краденые старинные скульптуры Господней Часовни тоже переправляли водным путем. Ему так и виделась целая флотилия барж, курсирующих между Руаном и Гавром с грузом ценнейших произведений искусства и богатств этого края на борту, предназначенных затем к отправке в страну миллиардеров.

«Горячо! Горячо!» — как в детской игре, приговаривал молодой человек, пошатываясь от многопудовой ноши вдруг свалившейся на него истины.

Неудачи первых дней ничуть не поколебали Ботреле. Он глубоко и нерушимо верил в руководившую его действиями гипотезу. Смелая гипотеза, скажете вы? Неправдоподобная? Пусть! Она была достойна врага, которого пустился преследовать молодой человек. Она была такая же

немыслимо отчаянная, как и тот, кто назывался Люпеном. Воюя с ним, следовало искать за пределами привычного, где-то в области фантастики, сверхчеловеческих возможностей! Жюмьеж, Ла Майерэ, Сен-Вандриль, Кодебек, Танкарвиль, Кильбеф — все эти городки еще как помнили Люпена! Сколько раз он, быть может, любовался их готическими башнями и древними развалинами!

И все же именно Гавр, окрестности Гавра манили Ботреле, как свет маяка в ночи.

«Короли Франции обладают секретами, влияющими на судьбу городов».

Загадочная фраза стала сейчас такой понятной Изидору! Вот она, истинная причина закладки города именно на этом месте, а сама судьба Гавра, не связана ли она напрямую с тайной «Полой иглы»?

— Так… так… — в каком-то опьянении бормотал Ботреле. — Старинный нормандский лиман, одно из основных мест, главный узел, вокруг которого начала формироваться французская нация, местность эта приобретает все большее значение в силу двух причин. Одна из них — в закладке нового, всем известного живого, солнечного города, выхода в океан, важного порта, а

другая — скрытая под сумраком ночи, неизвестная, невидимая и неосязаемая, а оттого особенно мрачная и таинственная. Целый отрезок истории Франции и королевского дома подчинен Игле, ей же подчиняется и жизнь Люпена. Одни и те же источники богатства и власти питают королей и обеспечивают победу великому искателю приключений.

От селения к селению, от реки до моря идет Ботреле. Он как бы внюхивается, вслушивается в окружающие предметы, будто задумал вырвать у них ответ на мучающий его вопрос. Может, спросить у этого пригорка? Или у того леса? А может быть, у домиков вон в той деревне? В простой беседе с крестьянином не вспыхнет ли вдруг магическое слово?

Онфлер, старинный город лимана. Как-то утром, завтракая там в трактире, он заметил за столом напротив типичного нормандского барышника, краснощекого здоровенного детину, из тех, кто в долгополой блузе, всегда с кнутом в руках шатаются по местным ярмаркам, перепродавая лошадей. В какой-то момент Ботреле показалось, что тот смотрит на него с неким особенным интересом, как будто они знакомы или, по крайней мере, словно старался узнать юношу.

«Да нет, не может быть, — подумалось ему, — я никогда не видел этого лошадника, и он не мог меня видеть».

Вскоре тот и правда отвернулся от Ботреле, зажег трубку, спросил кофе и коньяку, закурил и принялся пить из чашки. Позавтракав, Изидор расплатился и встал. По дороге к выходу ему пришлось на секунду остановиться у столика барышника, чтобы пропустить входивших в это время людей. И вдруг тот тихо проговорил:

— Здравствуйте, господин Ботреле.

Изидор не колеблясь сразу же сел к нему за столик и ответил:

— Да, это я… но кто вы такой? Как вы меня узнали?

— Это было нетрудно. И, однако, я видел вас лишь на фотографиях в газетах. Но ведь у вас такой… как бы это сказать по-французски?.. Такой плохой грим.

Ясно чувствовался иностранный акцент, и Ботреле почудилось при более пристальном взгляде на незнакомца, что тот тоже пытается изменить свое лицо.

— Кто вы такой? — повторял он. — Кто вы такой?

Иностранец улыбнулся:

— А вы не узнаете?

— Нет, мы с вами никогда не встречались.

— Никогда. Однако вспомните… мои фотографии тоже часто печатаются в газетах… Ну, как, узнали?

— Нет.

— Херлок Шолмс.

Удивительная встреча. Но и вполне закономерная. Ботреле сразу понял, что она означает. И после обмена любезностями сказал Шолмсу:

— Полагаю, что раз вы здесь… Это из-за него?

— Да.

— Значит, и вы тоже думаете, что в этих краях нам может повезти?

— Уверен.

Со смешанным чувством Ботреле воспринял слова англичанина. Хорошо, конечно, что мнение Шолмса совпадает с его собственным. Но если тот тоже придет к победе, лавры достанутся не только одному Ботреле. Да и к тому же английский сыщик вполне может опередить его, Изидора.

— У вас есть какие-нибудь доказательства? Улики?

— Не беспокойтесь, — догадался о его опасениях англичанин, — я не пойду по вашим стопам. Занимайтесь себе брошюрой, документом… все

это не вызывает у меня особого доверия.

— Тогда как вы…

— Я занят другим.

— Не будет ли нескромностью…

— Нисколько. Помните дело о диадеме, ну, историю этого герцога де Шармераса?[6]

— Да.

— Не забыли, там фигурировала Виктория, старая кормилица Люпена, ну, ее еще упустил мой добрый друг Ганимар, она сбежала в тюремном фургоне?

— Поню.

— Так вот, я нашел Викторию. Она проживает на ферме, неподалеку от национальной дороги № 25, то есть от дороги из Гавра в Лилль. Через Викторию я легко выйду на Люпена.

— Долго придется ждать.

— Неважно! Я бросил все свои дела. Лишь одно это владеет мной. Наша с Люпеном борьба… не на жизнь, а на смерть.

Эти слова были сказаны с такой яростью и силой, что за ними чувствовалась жгучая обида за все унижения, лютая ненависть к заклятому врагу, жестоко расправившемуся с сыщиком.

---

[6] notes: 6

«Арсен Люпен» — пьеса в 4-х действиях.

— Ладно, идите, — шепнул он, — на нас смотрят… опасно сидеть тут вместе… Но запомните: в тот день, когда я встречусь с Люпеном лицом к лицу… произойдет что-то страшное.

Успокоенный Ботреле покидал Шолмса: опасаться нечего, англичанин его не обгонит.

Случайная встреча еще раз подтвердила предположения Изидора. Дорога из Гавра в Лилль проходит через Дьеп. Прибрежная дорога находилась как раз в Ко и шла от моря вдоль ла-маншских скал. Значит, Виктория решила поселиться неподалеку от этой дороги? Виктория и Люпен, они не могли друг без друга, хозяин и слепо преданная ему служанка.

— Горячо! Горячо! — твердил молодой человек. — Стоит только появиться какому-нибудь новому факту, как моя гипотеза подтверждается еще и еще раз. С одной стороны, место поисков ограничено берегами Сены, а с другой — национальной дорогой. И оба эти пути ведут в Гавр, город Франциска I, город, в котором он говорил о тайне. Круг сужается. Ко — местность и так небольшая, к тому же искать нужно лишь в западной ее части.

И он с новым энтузиазмом пошел по следу.

— Нет никаких причин, чтобы то, что открылось

Люпену, не открылось бы и мне, — беспрестанно повторял Ботреле. У Люпена, конечно, были свои преимущества, может быть, он досконально изучил этот район, знал наизусть местные легенды, помнил, как выглядит то или иное место, все это преимущества бесспорные, тогда как Ботреле не было известно ничего об этом крае, и впервые он попал сюда во время своего расследования по делу в Амбрюмези, успев лишь мельком оглядеться, проезжая по селениям.

Но какое все это имело значение!

Даже если потребуется положить десять лет жизни, он все равно не остановится, пойдет до конца. Здесь был Люпен. Он словно видел его, догадывался о его близости. Вот сейчас грабитель этот покажется за поворотом дороги или выйдет из леса вон на ту опушку, а может быть, он поджидает Ботреле у выхода из деревни? И с каждым постигавшим его разочарованием юноша все яростней стремился к цели.

Порой он, опустившись на придорожную траву, с головой погружался в изучение документа, копию которого всегда носил с собой, переписав его с нужными гласными вместо цифр:

...и. о. э..е,а
.е.и..я .а.а

.о. .о..о. ..е.о..э

Д Д Ф 19 Ф + 44 357

.о.ая и..а

И часто по своей привычке ложился на спину в высокой траве и, глядя в небо, часами размышлял. Торопиться было некуда. Будущее за ним.

С завидным долготерпением шагал он от Сены к морю, от моря к Сене и обратно под небольшим углом, отступая лишь тогда, когда становилось совершенно ясно, что из обследуемого участка больше ничего не выжмешь.

Он облазил, исходил Монтивилье, Сен-Ромен, Октевиль, и Гонневиль, и Крикето.

Вечерами стучался в крестьянские дома и просился на ночлег. Покуривая после ужина, болтал с хозяевами, надеясь вызнать у них, о чем рассказывают старики в этом краю долгими зимними вечерами.

И вдруг, словно мимоходом, спрашивал:

— А про иглу вы знаете? Легенда о «Полой игле»? Не слыхали?

— Что-то нет… Не припоминаю, — следовал ответ.

— А вы подумайте… может, какая-нибудь старушка рассказывала? Ну что-нибудь об игле? Волшебной игле, не помните?

Но нет. Ни легенды, ни воспоминания. И на следующий день он снова весело пускался в путь.

Как-то раз, проходя по раскинувшемуся над морем селеньицу Сен-Жуэн, Ботреле спустился вниз вдоль нагромождения камней, скатившихся со скал.

А потом снова вскарабкался на плато и зашагал в сторону висячей долины Брюневаль, к Антиферскому мысу и бухточке Бель-Пляж. Идти было легко и радостно. Пусть он устал, но зато как хорошо жить! Так хорошо, что Ботреле позабыл и о Люпене, и о тайне «Полой иглы», и о Виктории с Шолмсом. Перед ним был лишь дивный пейзаж под голубым небом у изумрудного моря, сверкающего в солнечных лучах.

Внимание его привлекли квадратные валуны и обломки каменных стен, похожие на руины древнеримского лагеря. Рядом высилось что-то похожее на небольшой замок, имитация древнего

форта с потрескавшимися башенками, высокими готическими окнами. Строение чудом уцелело на развороченном отроге, каменистом, кривом выступе, почти оторвавшемся от скалы. Узкий проход к нему загораживала решетка с перилами по бокам, опутанная колючей проволокой.

Ботреле начал с трудом пробираться к замку. Вверху сводчатой двери со ржавым замком стояло название: Форт Фрефоссэ.[7]

Он не стал заходить внутрь, а, свернув вправо, спустился немного по склону и пошел по тропинке, петляющей по краю скалы с деревянными перилами наверху. В конце пути оказался довольно тесный грот, словно сторожевая будка, выдолбленный на вершине скалы, наполовину уходящей в море.

В гроте едва помещался человек. Стены внутри были все испещрены надписями. В одной из стен было проделано квадратное отверстие, наподобие слухового оконца, выходящее прямо на форт Фрефоссэ, зубчатый венец которого виднелся в тридцати — сорока метрах отсюда. Ботреле скинул на пол сумку и сел. День выдался тяжелый,

---

[7] notes: 7

Форт Фрефоссэ носил имя поместья, которому принадлежал. Спустя несколько лет после выхода этой книги и вследствие опубликованной в ней информации он был разрушен по требованию военных властей.

он устал и вскоре заснул.

Его разбудил свежий ветерок, ворвавшийся в грот. Открыв глаза, юноша несколько минут просидел не двигаясь, рассеянно глядя прямо перед собой. Он пытался размышлять, ухватить еще дремавшую мысль. И уже, почти совсем проснувшись, собирался встать на ноги, как вдруг глаза его, расширившись от изумления, уставились в одну точку. По телу пробежала дрожь. Пальцы судорожно сжались, и Ботреле почувствовал, как на лбу, у корней волос, выступил пот.

— Нет… нет… — как в бреду повторял он, — это сон… галлюцинация… Этого никак не может быть…

Встав на четвереньки, он склонился к самому полу. В граните ясно виднелись две выдолбленные огромные буквы, каждая не меньше человеческой ступни.

Грубо выбитые, однако достаточно четкие, со стершимися в течение долгих веков углами, потемневшие от времени, все же это были, без сомнения, буквы Д и Ф.

Д и Ф! Немыслимое чудо! Именно Д и Ф, буквы из документа! Две единственные буквы документа.

О, Ботреле не надо было даже заглядывать в него, он и так помнил наизусть всю четвертую

строчку, строку мер и ориентиров.

Он знал их назубок! Вот эти знаки навсегда врезались в глубину его зрачков, отпечатались в мозгу!

Изидор поднялся, снова прошел извилистой тропинкой, поднялся к старинному форту, снова исцарапал руки, продираясь сквозь колючую проволоку, и быстро зашагал к пастуху, чье стадо уже скрывалось за гребнем холма.

— Этот грот… вон там… грот…

Но губы его дрожали, слова замерли на устах. Пастух удивленно воззрился на юношу. Наконец, тот пролепетал:

— Да, грот… Вон там… справа от форта… как он называется?

— А-а, так жители Этрета его Девичьим прозывают.

— Что? Что? Что вы сказали?

— Да Девичий он… Девичья зала, что ли?

Изидор чуть было не вцепился ему в горло, как будто в этом пастухе была заключена вся истина, а он, Ботреле, вознамерился разом вырвать ее у него из груди.

Девичья! Одно из слов, одно из двух единственно известных слов документа!

Порыв безумия налетел на Изидора, едва не

сбив его с ног. Вокруг него, все разрастаясь, подобно волнам в бурю, хлещущими струями накатывала истина. Он понял! Документ предстал перед ним в своем истинном свете! Девичья зала… Этрета…

«Все так, — думал он в каком-то озарении, — не может быть иначе. Но как же я раньше не догадался?»

И тихо сказал пастуху:

— Ладно… Иди… Можешь идти… Спасибо…

Тот, недоумевая, свистнул собаку и пошел за стадом.

Оставшись один, Ботреле вернулся к форту. И вдруг, почти миновав его, бросился наземь и вжался в стену в испуге, до боли заломив руки.

— Я с ума сошел! А если он меня увидит? Вдруг меня увидят его сообщники? Вот уже час хожу туда-сюда…

Он замер. Солнце склонялось к горизонту. День понемногу уступал место ночи, очертания предметов стали размытыми.

Только тогда он медленно, очень медленно, скользя, цепляясь за кусты, пополз к вершине отрога. Кончиками вытянутых пальцев раздвинув густые травы, он заглядывает в пропасть.

Прямо перед ним, почти на уровне скалы, из

моря выступал огромный утес высотой более восьмидесяти метров, колоссальный обелиск, словно установленный на видневшемся из воды широком гранитном пьедестале, часть которого заострялась вверх, чуть не до самой вершины, торчала подобно зубу гигантского морского чудовища. Белый, как и скала, но какого-то сероватого, грязноватого оттенка, жуткий монолит словно рассекали поперек кремниевые борозды, напластования известняка и гальки, бесконечными веками создаваемые природой.

То тут, то там виднелись трещины, извилины, и вдруг чуть поодаль зеленела трава, показывался клочок земли с побегами, листьями.

Величественная, гордая, нерушимая твердыня, неподвластная грозному натиску волн и коварству штормовых ветров. Грандиозная, вечная громада, высящаяся посреди крепостного вала окружавших ее скал, огромный великан, вышедший из бескрайних морских просторов.

Ногти Ботреле вцепились в землю, подобно когтям хищника, что вот-вот прыгнет на свою добычу. Глаза сверлили каменистую, изрытую морщинами кору утеса, словно пытаясь проникнуть под шкуру неведомого зверя, в сокровенную его глубину. Взгляд касался, ощупывал жертву,

вожделенно желая овладеть, подчинить ее себе.

Горизонт вспыхнул огнями уходящего солнца, зажигая неподвижно висящие в вышине продолговатые тучи, и в небе появились сказочные лагуны, пылающие равнины, золотые леса, кроваво-красные озера — целый фантастический, великолепный пейзаж, величественно-спокойный и в то же время полыхающий огнем.

Лазурное небо потемнело. Вверху засверкала лучистая Венера в окружении множества еще неярких звезд.

И вдруг Ботреле прикрыл глаза, невольно схватившись руками за голову. Там, — о, он едва не умер от счастья, радостное волнение сдавило грудь — там, у самой вершины пика Этрета, чуть ниже острого пика, вокруг которого кружили чайки, из расщелины показался дымок, чуть заметные клубы его, как из невидимой трубы, заворачиваясь в спирали, плыли в сумерках медленно вверх.

IX. Сезам, откройся!

Пик Этрета был полым!

Что это, природный феномен? Углубление, пробитое в результате внутренних катаклизмов или многовековой работы морских пенящихся волн, а может быть, промытое проникающими внутрь дождями? Или же это дело рук человеческих, первобытных людей, кельтов, галлов? Никогда не узнать. Да и к чему? Главное он понял. Игла была полой!

В сорока — пятидесяти метрах от большой арки, называемой Нижними Воротами и спускающейся, подобно ветви гигантского дерева, вниз, с высоты скалы, к подводным камням, туда, где находится ее основание, высится огромный известняковый конус, и конус этот — лишь остроконечный колпак, прикрывающий пустоту!

Удивительное открытие! После Люпена лишь Ботреле удалось разгадать великую тайну, тщательно скрываемую на протяжении двадцати веков! Тайну, особенно важную в те далекие времена, когда старый мир подвергался набегам множества варварских орд! Тайну волшебную,

открывающую целым племенам, бегущим от врага, убежище во чреве циклопа! Неведомую тайну, отворяющую двери самого надежного в мире укрытия! Тайну великую, дающую власть и обеспечивающую господство!

Проникнув в нее, Цезарь смог покорить галлов.

Владея ею, норманны завоевывают этот участок земли и позднее отсюда пойдут на захват соседнего острова, покорят Сицилию, завоюют Восток и подчинят себе Новый Свет!

Узнав тайну, английские короли побеждают Францию, унижают, растаскивают ее на части, коронуются в самом Париже. А потеряв секрет, теряют все.

Овладев тайной, французские короли укрепляются, расширяют рубежи своих владений, постепенно создавая великую нацию, покрывают себя славой и обретают могущество. Забыть секрет, не уметь больше им пользоваться означало для них смерть, изгнание, крушение.

Невидимое королевство посреди моря, в десяти саженях от земли! Неведомая крепость, высотою превосходящая башни собора Парижской богоматери, возвышающаяся на гранитном пьедестале, по ширине не уступающем городской площади.

Какая сила, надежность! Плывите по Сене из Парижа к морю. А там раскинулся новый, такой нужный город Гавр. И в семи лье от него — Полая игла, неприступный бастион.

Укрытие? Да! Но в то же время и надежный тайник. Все королевские сокровища, приумножаемые из века в век, все золото Франции, все, что выкачивали из народа, вырывали из рук духовенства, все военные трофеи с полей сражений в Европе — все это накапливалось в королевской пещере. Старинные золотые су, сверкающие экю, дублоны, дукаты, флорины, гинеи, и самоцветы, и бриллианты, и всевозможные драгоценности и украшения — все было там. Кто завладеет всем этим? Кому дано будет открыть непостижимый секрет Иглы? Никому?

Неправда, Люпену.

И Люпен становится, как мы знает, неким всемогущим существом, волшебником, сила которого необъяснима, пока неизвестна ее истинная подоплека. Какими бы гениальными возможностями разума он ни обладал, этого было бы недостаточно для той борьбы, которую он вел против Общества. Здесь нужны и другие, материальные ресурсы. Нужно верное убежище, уверенность в собственной безнаказанности, ну-

жен, наконец, штаб, где можно было бы спокойно разрабатывать планы операций.

Не зная о «Полой игле», невозможно понять Люпена, он предстает в виде некоего мифического персонажа, героя романа, оторванного от реальной действительности. Тогда как это всего лишь обыкновенный человек, который, владея тайной, и какой, сумел с поразительной ловкостью воспользоваться необыкновенным оружием, что подарила ему судьба.

Итак, Игла полая, это неоспоримый факт. Оставалось выяснить, каким путем можно туда проникнуть.

Со стороны моря? Бесспорно. На краю утеса, выходящем в открытое море, несомненно, должна была иметься какая-нибудь трещина, приспособленная для причала лодок в часы прилива. А со стороны суши?

До самого вечера пролежал Ботреле, свесившись над пропастью. Взгляд его был прикован к серой тени громадной пирамиды. Призвав на помощь все силы своего разума, он думал, размышлял.

Затем спустился в Этрета, выбрав самый скромный постоялый двор, поужинал, поднялся в свою комнату и развернул документ.

Теперь ему ничего не стоило восстановить значение зашифрованных слов. Он сразу обнаружил, что все три гласные слова «Этрета» имелись в первой строчке в нужном порядке и с соответствующими интервалами. Значит, первая строка должна будет выглядеть так:

..и.о. этрета

Какие слова могут предшествовать «Этрета»? По всей видимости, обозначающие местонахождение Иглы по отношению к селению. Если же Игла находится с левой стороны, на западе… Перебирая все возможные варианты, он припомнил, что в прибрежных районах западные ветры называли нижними ветрами и что в непосредственной близости от Иглы располагались так называемые Нижние Ворота, и написал:

«Вниз от Этрета»

Во второй строке уже имелось слово «Девичья». Ему бросилось в глаза, что буквы второго слова могли быть лишь гласными существительного «зала», тем более что название это уже упоминалось. Так что теперь можно было восстановить обе фразы:

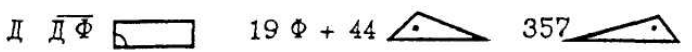
«Вниз от Этрета — Девичья зала».

Третья строка давалась труднее, однако после долгих раздумий он понял, что недалеко от Девичьей залы стоял замок, построенный на месте бывшего форта Фрефоссэ, и, таким образом, документ, почти полностью расшифрованный, предстал перед ним в следующем виде:

«Вниз от Этрета — Девичья зала — Под фортом Фрефоссэ — Полая игла».

Получились четыре основные фразы, главные, необходимые фразы документа. Руководствуясь ими, нужно было двигаться вниз от Этрета, войти в Девичью залу, пройти, по всей вероятности, под фортом Фрефоссэ и подойти к Игле.

Но как? Следуя мерам и ориентирам, имевшимся в четвертой строке:



Здесь, несомненно, стояли какие-то формулы, с помощью которых надо было найти вход, указы-

вающие путь к Игле.

Ботреле сразу же предположил (это логически вытекало из известной части документа), что если существовал прямой путь от суши к Игле, то это должен был быть подземный ход, начинающийся из Девичьей залы, проходящий затем под фортом Фрефоссэ и уходящий вниз на сто метров от вершины скалы, некий туннель под морскими утесами, выводящий к Полой игле.

В каком месте должен находиться вход в подземелье? Несомненно, на него указывали две буквы Д и Ф, вырубленные в граните. Может быть, благодаря какому-нибудь хитроумному механизму именно они и открывали эту дверь?

Все утро следующего дня Изидор прогуливался по Этрета, болтая с местными жителями в надежде узнать нечто полезное для себя. После обеда он решил подняться на скалу. Переодевшись матросом, юноша стал выглядеть еще моложе и теперь совсем походил на двенадцатилетнего парнишку в слишком коротких брюках и рыбацкой куртке.

Едва очутившись в гроте, Ботреле сразу занялся буквами. Но тут его поджидало разочарование. Напрасно Изидор стучал по ним, надавливал, толкал в разные стороны, ни Д, ни Ф не поддавались. Пришлось признать, что сдвинуть с места

их никак нельзя, а значит, буквы не открывали дверной механизм. И все-таки… все-таки должны же были они что-нибудь означать! Из разговоров с крестьянами в Этрета он узнал, что никому никогда не удавалось понять, почему они здесь. Аббат Коше в своей книге об Этрета также пытался разгадать эту загадку, однако безуспешно[8]. Но ведь Изидору было известно то, о чем не догадывался нормандский ученый-археолог, то, что обе буквы фигурировали в документе, в строке ориентиров. Случайность? Невозможно. Значит…

Разгадка пришла внезапно, все оказалось настолько простым и логичным, что Ботреле ни секунды не сомневался в правильности своих выводов. Разве эти Д и Ф не являлись начальными буквами двух основных слов документа? Слов, обозначающих (если не считать слова «игла») основные этапы пути: Девичья зала и форт Фрефоссэ? «Девичья» начинается на Д, «Фрефоссэ» — на Ф, могло ли быть случайным такое совпадение?

Тогда вопрос ставился так: буквы Д и Ф обо-

---

[8] notes: 8

«Происхождение Этрета». В конце концов аббат Коше приходит к выводу о том, что обе буквы являлись инициалами случайного прохожего. То, что явствует из этой книги, полностью опровергает такое предположение.

значают связь, существующую между Девичьей залой и фортом Фрефоссэ; отдельная буква Д в начале строки означает «Девичья», то есть грот, откуда начинается путь, а отдельная буква Ф, стоящая в середине строки, обозначает «Фрефоссэ», то есть возможный вход в подземелье.

Возьмем два значка, следующих за буквами Д и Ф: это будет прямоугольник с полукругом в нижнем углу и число 19. По всей вероятности, именно эти два знака указывают находящемуся в гроте, как пройти под форт.

Изидор сосредоточился на прямоугольнике. Может быть, где-то рядом, на стене или где-нибудь еще в поле видимости, имеется надпись или какой-то предмет прямоугольной формы? Он безуспешно шарил глазами по стенам и уже собирался было вовсе отказаться от своей затеи, как вдруг взгляд молодого человека упал на узенькое отверстие в скале, похожее на окошко. Края окошка как раз представляли собой неровный, несколько неправильной формы четырехугольник, но тем не менее это все же был прямоугольник, и тут Ботреле заметил, что если встать ногами на Д и Ф, выгравированные в граните (вот и объяснялась черточка в документе над этими буквами), то вы непременно окажетесь

на уровне окна.

Встав на нужное место, он заглянул в окно. Оно выходило, как мы уже знаем, в сторону суши, виднелась тропинка, связывающая грот с материком, дорожка, проходящая по краю пропасти, чуть дальше можно было увидеть основание форта. Чтобы обзор был лучше, Ботреле склонился влево и тут же понял значение полукруга, этой запятой, стоящей в левом нижнем углу прямоугольника на документе: внизу, с левой стороны окна, наружу выступал кусок кремня с заостренным, загнутым, как коготь, концом. В него можно было глядеть как в точку прицеливания на ружье. А когда приблизишь глаз к полукругу, взгляду открывался довольно ограниченный участок противоположного холма с древней каменной стеной, возможно, оставшейся от старинного форта Фрефоссэ или же возведенного на его месте римского укрепления.

Ботреле бегом бросился к этому обломку стены, длиной около десяти метров, целиком заросшему травой и кустарником. Но нет, никаких ориентиров.

Так что же это за число 19?

Молодой человек вернулся в грот, достал из кармана моток веревки и заготовленный заранее

тряпичный метр, обвязал веревкой кремниевую запятую, а затем, привязав камень на девятнадцатый метр веревки, кинул его в сторону суши. Камень приземлился лишь в самом начале тропинки.

— Какой же я идиот! — понял Ботреле. — В те времена никак не могли считать метрами. 19 означает 19 туаз или же не означает ничего вообще.

Сделав пересчет на туазы, он отмотал тридцать семь метров веревки и, сделав узел, стал на ощупь определять, в каком именно месте узел шнура, протянутого от окна Девичьей залы, коснется стены Фрефоссэ. Пошарив по обломку стены, он наконец нашел искомую точку. И свободной рукой отодвинул пробивающиеся из щелей листья коровяка.

Из груди его вырвался крик. Узел веревки, затянутый вокруг указательного пальца, пришелся как раз на середину маленького, вделанного в стену крестика.

А значок, следующий на документе за числом 19, представлял собой именно крест!

Чтобы справиться с охватившим его волнением, Изидору пришлось собрать все свои силы. Судорожно ухватившись за выпуклый крестик,

он пытался провернуть его, как колесо. Камень слегка покачнулся. Ботреле стал крутить сильнее, но стена не двигалась. Тогда он попробовал надавить рукой на крест. И дверь поддалась. Внезапно раздался щелчок замка, и справа от креста метровый кусок стены отодвинулся, открывая вход в подземелье.

Как безумный, ухватился Ботреле за железную дверь, замаскированную с внешней стороны камнями, резко потянул ее на себя и захлопнул. Он изменился в лице, не помня себя от радости и в то же время боясь оказаться застигнутым здесь, перед этой дверью, свидетельницей событий двадцативековой давности. С ужасающей четкостью проплыли пред его взором все те, причастные к великой тайне, кто сюда входил… Кельты, галлы, римляне, норманны, англичане, французы, бароны, герцоги, короли, а потом, много позднее, Арсен Люпен… и за Люпеном он, Ботреле… Он начал терять сознание, веки его сомкнулись, и Ботреле, упав в обморок, покатился вниз, к тропинке, к самому краю пропасти.

Итак, миссия окончена, выполнено все, что намеревался сделать сам, своими собственными силами.

Вечером Ботреле отправил начальнику по-

лиции длинное письмо с полным отчетом о проведенной работе и изложением тайны «Полой иглы». Письмо заканчивалось сведениями о его местонахождении и просьбой выслать подмогу для успешного завершения всей операции.

И, ожидая ответа, он целых две ночи провел в Девичьей зале, трясясь от страха, с нервами, натянутыми до предела, вздрагивая при малейшем ночном шорохе. Каждую минуту ему казалось, что к гроту приближаются какие-то тени… Вот они узнали, что он там… идут сюда… хотят задушить… И, собрав всю свою волю, Ботреле все глядел в одну точку, не отрывая взгляда от обломка стены.

В первую ночь ничего не произошло. Но на вторую в свете звезд и узкого полумесяца он заметил, как отворилась дверь и из темноты появились человеческие фигуры. Вот прошел один, другой, третий, четвертый, пятый.

Все пятеро выносили какие-то крупные предметы. Они пошли полями напрямик к гаврской дороге, и вскоре послышался удаляющийся шум автомобильного мотора.

Ботреле, последовавший за ними, вернулся обратно, пошел, огибая большую ферму. Но за поворотом проселочной дороги едва успел,

перескочив через большой валун, спрятаться за деревьями: ему навстречу снова шли люди. Четыре… пять человек, и все с большими пакетами. Через две минуты вновь послышался шум отъезжающего автомобиля. На этот раз Ботреле не решился больше идти в грот и пошел к себе спать.

Наутро коридорный принес ему конверт. Там оказалась визитная карточка Ганимара.

— Наконец-то! — обрадовался Ботреле, после своей тяжелой, изнурительной кампании с нетерпением ожидавший подкрепления.

Он сбежал вниз, протянув Ганимару обе руки. Ганимар же после рукопожатия с минуту поглядел на него и произнес:

— А вы не трус, мой мальчик.

— О! — ответил тот. — Дело случая!

— Когда имеешь дело с ним, все случайности исключены, — как обычно, избегая называть имя Люпена, важно заметил Ганимар.

Они сели.

— Так, значит, он у нас в руках?

— Как и раньше, когда мы двадцать раз подряд попадались на его удочку, — рассмеялся молодой человек.

— Да, но теперь…

— Теперь и правда другое дело. Нам известно его убежище, его крепость, то, что Люпена делает Люпеном. Сам он может сбежать. Но пик Этрета — никогда.

— А почему вы думаете, что он сбежит? — забеспокоился Ганимар.

— А почему вы думаете, что ему понадобится убегать? — ответил Ботреле вопросом на вопрос. — Ничто не доказывает, что он сейчас в Игле. Этой ночью оттуда вышли одиннадцать его сообщников. Может быть, он и сам был в числе этих одиннадцати.

Ганимар задумался.

— Вы правы. Но главное — это Игла. А в остальном, надеюсь, удача не оставит нас. А теперь — к делу.

Ганимар вновь обрел всю свою важность и самоуверенным тоном заявил:

— Дорогой Ботреле, мне приказано передать вам, что в этом деле следует соблюдать полную секретность.

— Чей это приказ? — пошутил Ботреле. — Префекта полиции?

— Выше.

— Президента Совета?

— Выше.

— Ах так?!

Ганимар понизил голос.

— Ботреле, я только что с Елисейских полей. Дело объявлено государственной важности, причем особой. Имеются серьезные причины не разглашать местонахождение этой цитадели… причины в основном стратегического порядка… Игла может использоваться как центр снабжения войск или в качестве складов новых видов пороха, новейших снарядов… да что там… она станет секретным французским арсеналом.

— Но как можно надеяться сохранить все в тайне? Когда-то об Игле знал один лишь человек, король. Теперь тайна известна также мне, вам и еще нескольким людям, не считая люпеновской банды.

— Ну и что? Главное, выиграть хоть пять, хоть десять лет… Пять лет молчания уже могут нас спасти!

— Однако для того, чтобы овладеть цитаделью, этим вашим будущим арсеналом, нужно сначала завоевать ее, выгнать оттуда Люпена. А втихую это сделать невозможно.

— Конечно, что-то может просочиться, но всей правды не узнает никто. В конце концов попробуем!

— Хорошо. Каков же ваш план?

— Скажу вкратце. Во-первых, вы больше не Изидор Ботреле, а Люпен — не Люпен. Вы — обычный местный мальчишка, который случайно заметил, как из подземного хода появляются какие-то люди. Ведь есть ступени в скале?

— Там даже несколько настоящих лестниц, прорубленных сверху вниз со стороны берега. Мне как раз рассказывали об одной из них, лестнице Кюре, недалеко от Бенувиля. Ее знают все купальщики. Да еще три-четыре туннеля для рыболовов.

— Вот вы и поведете меня с половиной моих людей. Я пойду в Иглу один… ну, или не один, там посмотрим. Главное — наступление начнем из этого места. А если Люпена там не окажется, поставим мышеловку, и не сегодня завтра он все равно попадется. Если же он там…

— Если он там, господин Ганимар, то сбежит из Иглы с противоположной стороны, в море.

— В таком случае он неминуемо встретится со второй половиной моих людей.

— Конечно, однако я полагаю, вы выбрали время для наступления, когда начнется отлив и оголится основание Иглы. Тогда вся ваша охота будет проходить на глазах у множества ловцов и

ловчих мидий, креветок и устриц, которые всегда болтаются у прибрежных скал.

— Именно поэтому я и решил действовать во время прилива.

— Ну тогда он сбежит на лодке.

— А его встретит целая флотилия рыбацких лодок, каждая под командованием одного из моих людей. И готово!

— Если только Люпен не проскочит, как рыба сквозь сетку, через весь этот строй лодок.

— Пусть проскакивает. Тогда я потоплю его.

— Потопите? А что, у вас и пушки есть?

— Да конечно же, Боже мой! Сейчас в Гавре стоит в порту миноносец. Достаточно одного моего телефонного звонка, как в назначенный час он окажется неподалеку от Иглы.

— Какая честь для Люпена! Целый миноносец! Да, вижу, господин Ганимар, вы предусмотрели все. Нам остается лишь выступить. На какой же день назначена осада?

— На завтра.

— Ночь?

— Средь бела дня, в часы прилива, где-то около десяти утра.

— Отлично.

Однако за притворной радостью Ботреле скры-

валась тревога. Всю ночь он не сомкнул глаз, изобретая и затем отвергая планы боя, один фантастичнее другого. Ганимар уехал за десять километров от Этрета в Ипорт, где из осторожности назначил встречу со своими людьми. Там же он и нанял рыбацкие лодки под предлогом проведения работ по измерению глубины моря в прибрежных районах.

Без четверти десять в сопровождении двенадцати дюжих парней он уже поджидал Ботреле у подножия скалы. Ровно в десять вся группа была у обломка стены. Наступил решающий момент.

— Что с тобой, Ботреле? Ты весь зеленый, — усмехнулся Ганимар, поддразнивая молодого человека.

— Ты тоже, господин Ганимар, — перейдя на «ты», парировал Ботреле. — Можно подумать, пришел твой последний час.

Они опустились на траву, и Ганимар глотнул из фляги рома.

— Трусить не трушу, — пояснил он, — но все же, черт побери, страшновато. Каждый раз, когда иду его брать, прямо сердце в пятки. Хочешь рому?

— Нет.

— А что, если вам остаться на дороге?

— Лучше умру.

— Черт с вами! Ладно, поглядим. Открывайте. А им оттуда нас не видно?

— Нет. Игла все-таки ниже скалы, и потом, мы находимся за холмом.

Ботреле подошел к стене и надавил на камень. Раздался щелчок, вход открылся. В свете зажженных людьми Ганимара фонарей было видно, что подземный ход прорублен в форме свода и свод этот полностью выложен кирпичами.

Пройдя несколько шагов, они обнаружили лестницу. Ботреле насчитал сорок пять каменных ступеней, как бы осевших посередине под тяжестью сотен некогда спускавшихся по ним ног.

— Что за черт! — выругался идущий впереди Ганимар. Он круто остановился, словно натолкнувшись на какое-то препятствие. — Здесь дверь!

— Вот так штука, — глядя на дверь, пробормотал Ботреле. — Ее вышибить непросто. Толстый железный блок…

— Мы пропали, — расстроился Ганимар, — не видно даже замочной скважины.

— Именно поэтому я еще на что-то надеюсь.

— Как это?

— Дверь не может не открываться, а раз нет замочной скважины, значит, ее отворяет какой-

то секрет.

— Но мы же не знаем секрета…

— Узнаем.

— Но как?

— Из документа. Четвертая строка лишь для того и предназначена, чтобы помогать справляться с трудностями по мере того, как они возникают. Решение должно быть простым, ведь запись должна облегчать путь тому, кто идет, а не сбивать его с толку.

— Ничего себе простое решение! Я вовсе так не думаю, — воскликнул Ганимар, развернув документ. — Число 44 и треугольник с точкой в левом углу, довольно непонятно!

— Ну что вы, что вы. Взгляните на дверь. Видите, в четырех углах она укреплена железными треугольными пластинами, каждая из которых держится на большом гвозде. Попробуйте повернуть шляпку гвоздя, вбитого в угол левой нижней пластины. Девять шансов из десяти, что это вам удастся.

— Не повезло, вы попали на тот самый десятый шанс, тот, что против, — покрутив гвоздь, ответил Ганимар.

— Значит, все дело в числе 44.

И он начал вполголоса рассуждать:

— Так… Мы оба с Ганимаром стоим на последней ступеньке. Всего их сорок пять. Почему сорок пять, тогда как в документе ясно указано: 44? Случайность? Нет… Во всем этом деле не может быть никаких случайностей, если только они не подстроены специально. Ганимар, будьте любезны, поднимитесь на одну ступеньку. Так, хорошо. Теперь, стоя на сорок четвертой ступеньке, снова попробуйте повернуть железный гвоздь. Голову даю на отсечение, эта дверка стронется с места.

И действительно, заскрипели тяжелые петли двери, и глазам их открылась просторная пещера.

— Видимо, мы как раз проходим под фортом Фрефоссэ, — сказал Ботреле. — Кирпичные стены того отрезка пути, что идет под землей, остались позади. Мы вошли в известняковый слой.

С противоположного конца в пещеру пробивалось немного дневного света. Они подошли поближе. В одном из выступов скалы с внутренней стороны была проделана щель наподобие наблюдательного поста. Снаружи, как раз напротив, выступала из волн громада Иглы. Справа, совсем рядом, виднелась дуга Нижних Ворот, а вдалеке слева над бухтой возвышалась еще одна, самая большая арка, Маннепорт (magna porta),

такая широкая, что под ней свободно мог пройти корабль с поднятыми мачтами и раздутыми парусами. И везде вокруг плескалось море.

— Что-то не видно нашей флотилии, — заметил Ботреле.

— А ее отсюда и не увидеть, — отвечал Ганимар. — Нижние Ворота загораживают все побережье от Этрета до Ипорта. Хотя вон там, в открытом море, видите, у самой воды появилась черная черточка?

— А что это?

— Это наш военный флот, миноносец № 25. Теперь Люпен может спокойно бежать куда угодно… если, конечно, желает познакомиться поближе с подводным миром.

Недалеко от щели в стене были перила — там начиналась лестница. Вся группа стала спускаться вниз. Время от времени сквозь прорубленные то тут, то там маленькие оконца они могли видеть Иглу, с каждым разом кажущуюся все массивнее. Однако у самой кромки воды оконца кончились и началась глухая стена. Теперь они шли в темноте.

Изидор вслух считал ступени. После триста пятьдесят восьмой они оказались в широком коридоре, как и первый, перекрытом тяжелой

железной дверью, также обитой треугольными железными пластинами.

— Ну, это нам уже знакомо, — заявил Ботреле. — В документе значится число 357 и треугольник с точкой в правом углу. Придется повторить всю операцию.

Вторая дверь, в свою очередь, легко поддалась. Показался длинный, очень длинный туннель, освещаемый кое-где подвешенными к своду яркими фонарями. Стены были влажными, с них то и дело падали капли воды. Кто-то положил поперек туннеля доски, чтобы идти по ним, не ступая в лужи. Получился настоящий настил.

— Мы идем под морем, — сказал Ботреле. — Где вы, Ганимар?

Инспектор прошел несколько шагов по туннелю, ступил на дощатый настил и остановился перед фонарем на стене.

— Фонари, быть может, и средневековые, но освещение у них вполне современное. Тут газокалильная сетка.

Они прошли дальше. Туннель заканчивался довольно большим гротом, с противоположной стороны которого виднелись ступени лестницы, ведущей вверх.

— Начинается восхождение на Иглу, — сказал

Ганимар, — час боя приближается.

Тут его окликнул кто-то из сопровождающих:

— Шеф, вот еще другая лестница, слева.

Ступени оказались также и справа.

— Проклятье, — пробормотал инспектор, — дело осложняется. Если мы пройдем здесь, они вполне могут сбежать по другой лестнице.

— Давайте разделимся, — предложил Ботреле.

— Нет-нет… нельзя распылять силы. Лучше кто-нибудь из нас пойдет на разведку.

— Я могу…

— Хорошо, Ботреле, идите вы. Я останусь тут с людьми… прикроем вас с тыла. В скале могут быть и другие проходы, да и в самой Игле, должно быть, их несколько. Но ясно одно: из скалы в Иглу можно пройти лишь только этим туннелем. Значит, никому не миновать грота. Вот я вас тут и подожду. Идите, Ботреле, и будьте осторожны… При малейшей опасности бегите назад.

Изидор быстро скрылся на центральной лестнице. Через тридцать ступеней путь ему преградила дверь, на этот раз настоящая, из дерева. Он надавил на ручку. Дверь оказалась не заперта.

Потолок комнаты, в которую попал Ботреле, показался ему очень низким, настолько огромным было помещение, не уступавшее по площади раз-

мерам самой Иглы в этом месте. Оно освещалось яркими лампами, свод поддерживали широкие колонны. Там было множество ящиков, стояли мебель, кресла, сундуки, комоды, серванты, груды вещей. И вся комната напоминала хранилище антиквариата. Справа и слева виднелись две лестницы, по всей вероятности, они вели в грот внизу. Можно спуститься и позвать Ганимара. Но прямо напротив начиналась другая лестница вверх, и он, не удержавшись, один пошел навстречу неизведанному.

Следующие тридцать ступеней. Дверь в комнату, меньшую, как показалось Ботреле, чем предыдущая. И снова напротив лестница, ведущая вверх.

Еще тридцать ступеней. Дверь. Комната поменьше…

Ботреле стало ясно, как возводились внутренние помещения Иглы: комнаты строились одна над другой и, по мере сужения утеса, становились все меньше. Все они служили разнообразными складами.

В четвертой не было освещения. Сквозь щели просачивалось чуть-чуть дневного света, и Ботреле в десятке метров внизу увидел море.

И вдруг, осознав, как далеко от него остался

Ганимар, встревожился не на шутку. Пришлось собрать всю свою волю, чтобы не унестись со всех ног обратно. Ведь не было никакой реальной опасности, стояла глубокая тишина, и можно было подумать, что Люпен со своей бандой уже давно покинули Иглу.

«Еще один этаж, и довольно», — решил он.

Все те же тридцать ступенек и дверь, на этот раз полегче, посовременнее. Ботреле тихонько толкнул ее, готовый в любую секунду убежать. Никого. Однако по виду комната отличалась от остальных. На стенах — гобелены, на полу — ковры. Напротив друг друга две горки с золотыми и серебряными изделиями. Маленькие оконца, вырубленные на месте глубоких узких щелей, застеклены.

В середине комнаты стоял роскошно накрытый стол с кружевной скатертью. На столе вазы с фруктами и пирожными, графины с шампанским и цветы, целые горы цветов.

Три прибора.

Ботреле подошел поближе. Возле салфеток стояли карточки с именами приглашенных.

Он прочитал: «Арсен Люпен».

Напротив: «Госпожа Арсен Люпен».

И, взяв в руки третью карточку, вздрогнул от

неожиданности. Там стояло его имя: «Изидор Ботреле»!

X. Сокровище французских королей

Кто-то отодвинул портьеру.

— Здравствуйте, мой милый Ботреле, вы немного опоздали. Обед был назначен на полдень. Ну, ничего, прошло всего лишь несколько минут… Но что это с вами? Не узнаете меня? Разве я так сильно изменился?

Немало сюрпризов испытал Ботреле, воюя с Люпеном, и в час развязки ожидал, конечно, еще более сильных потрясений, но то, что произошло сейчас, явилось для него полной неожиданностью. Не удивление, но ужас и испуг овладели им.

Человек, стоящий напротив него, тот, кого беспощадная логика событий заставляла считать Арсеном Люпеном, был Вальмера. Не кто иной, как Вальмера! Хозяин замка Иглы! Вальмера! Тот самый, кого он просил о помощи в борьбе с Арсеном Люпеном! Вальмера! Товарищ, вместе с ним участвовавший в экспедиции в Крозан! Вальмера! Отважный друг, спасший Раймонду, ударивший или сделавший вид, что ударил но-

жом в темном вестибюле сообщника Люпена!

— Вы… вы… Так это вы? — лепетал он.

— А почему бы и нет? — воскликнул тот. — Вы что, думаете, что окончательно меня узнали, увидев один раз в облике священника, а в другой — с внешностью Массибана? Увы! Раз уж человек избирает для себя такое социальное положение, какое занимаю я, приходится пользоваться талантами, которыми наделила меня природа. И не умей я, когда пожелаю, превращаться то в пастора реформатской церкви, то в академика-литературоведа, быть просто Люпеном, поверьте, стало бы очень скучно. А истинный, настоящий Люпен — вот он, Ботреле, любуйтесь!

— Но как же тогда… если вы — это вы… как же… мадемуазель…

— Да-да, Ботреле, именно так!

Он снова приоткрыл портьеру и, сделав кому-то знак, произнес:

— Госпожа Арсен Люпен.

— О! — вконец смутился молодой человек. — Мадемуазель де Сен-Веран…

— Нет-нет, — возразил Люпен, — мадам Арсен Люпен или, если вам так больше нравится, мадам Луи Вальмера, моя законная супруга. Мы сочетались браком по всем правилам, и это благодаря

вам, мой милый Ботреле. — И протянул руку для рукопожатия: — Премного благодарен… и надеюсь, вы на меня не в обиде.

Странное дело, ни о какой обиде Ботреле даже не помышлял. Он нисколько не чувствовал себя униженным. Не было и горечи поражения. Столь велико было превосходство этого человека, что Изидору не пришлось краснеть за свои промахи. Нет ничего удивительного в том, что тот победил. И он крепко пожал протянутую руку.

— Кушать подано.

Слуга внес поднос с яствами.

— Прошу прощения, Ботреле, наш повар в отпуске, и у нас сегодня только холодные блюда.

Но Ботреле был совсем не голоден. Однако все же сел за стол: поведение Люпена весьма его озадачивало. Что тому было известно об их планах? Понимал ли он, какой опасности подвергается? Знал ли о присутствии Ганимара и его людей? А Люпен между тем продолжал:

— Да, мой дорогой друг, вы оказали мне неоценимую услугу. Ведь мы с Раймондой влюбились друг в друга с самой первой минуты. Именно так, малыш… Все эти похищения, пленения — ерунда, мы любили… Но ни ей, ни мне не улыбалось, хоть мы и были вдвоем, на свободе, превращать наши

отношения в мимолетную связь, случайный роман. Продолжай я оставаться Люпеном, положение было бы безвыходным. Тогда пришлось снова стать Луи Вальмера, взять имя, принадлежавшее мне с детства. Как раз в тот момент родилась идея, поскольку вы закусили удила и уже обнаружили замок Иглы, воспользоваться вашим упрямством.

— И моей глупостью.

— Ба! Ну кто бы на моем месте поступил иначе?

— Так, значит, прикрываясь мною и пользуясь моей поддержкой, вы и провернули все дело?

— А как же! Кому бы пришло в голову заподозрить, что Вальмера — это Люпен, если Вальмера, друг Ботреле, сам вырвал из Люпеновых когтей ту, которую тот любил? Ах как это было чудесно! Как сейчас помню… наша вылазка в Крозан, брошенные букетики цветов… мое так называемое любовное письмо к Раймонде… и потом, когда я, Вальмера, перед свадьбой остерегался меня, Люпена… А помните тот самый вечер, когда на банкете вы были в обмороке и я поддержал, чтобы вы не упали… Ну что за воспоминания!

Наступило молчание. Ботреле наблюдал за Раймондой. Она, не говоря ни слова, лишь смотрела

на Люпена, и в ее взгляде читалась страсть, обожание и что-то еще такое неуловимое, какая-то тревога и даже легкая грусть. Но вот он взглянул на нее, и она ему нежно улыбнулась. Руки их встретились над столом.

— Ну, что скажешь о моей квартирке, Ботреле? — поинтересовался Люпен. — Правда, впечатляет? Не скажу, что тут есть все современные удобства… но однако же некоторые удовлетворялись и этим… и не из самых последних… Посмотри, вон там отметились несколько бывших хозяев Иглы… Они за честь посчитали увековечить здесь свое присутствие.

На одной из стен одно под другим были выгравированы имена:

«Цезарь; Карл Великий; Ролл; Вильгельм Завоеватель; Ричард, король Англии; Людовик Одиннадцатый; Франциск Первый; Генрих Четвертый; Людовик Четырнадцатый; Арсен Люпен».

— Кто еще запишется тут? — погрустнел Люпен. — Увы! Список окончен. От Цезаря к Люпену, и все. Скоро здесь появятся толпы любопытных, пришедших поглазеть на странную цитадель. А ведь, не будь Люпена, никто бы так и не узнал о ее существовании! Ах, Ботреле, в тот день, когда моя нога ступила на эти заброшенные камни,

какой гордостью наполнилась моя душа! Найти утерянный секрет, стать его обладателем, притом единственным обладателем! Унаследовать такое состояние! После стольких королей самому поселиться в Игле!

Однако супруга прервала этот монолог. Она казалась встревоженной.

— Какой-то шум… шум снизу… слышите?!

— Всего лишь плеск воды, — отвечал Люпен.

— Нет-нет… это не волны шумят, их плеск я знаю… что-то другое…

— Да что там может быть, дорогая, — улыбнулся Люпен. — Кроме Ботреле, я никого не приглашал.

Он обернулся к слуге:

— Шароле, ты закрыл за господином Ботреле двери лестниц?

— Да, на засовы.

Люпен поднялся:

— Полноте, Раймонда, не дрожите… О, вы так побледнели!

Склонившись, он что-то шепнул ей, затем шепотом отдал приказание слуге и, отодвинув портьеру, выпустил обоих.

Шум внизу становился все явственнее. Через равные промежутки времени повторялись глу-

хие удары. Ботреле подумал:

«Ганимар, потеряв терпение, принялся выбивать двери».

Но Люпен оставался спокоен и, как бы все еще ничего не слыша, продолжал:

— Вот, например, когда я попал сюда, Игла полностью пришла в упадок. Ясно было, что уже целый век сюда никто не входил, ведь со времен Людовика Шестнадцатого и Революции секрет был утерян! Туннель был почти полностью разрушен. Лестницы рассыпались. Внутрь попадала вода. Мне пришлось все укреплять, восстанавливать, ремонтировать.

— Здесь было пусто, когда вы пришли? — не удержался от вопроса Ботреле.

— Практически да. Видимо, короли не использовали Иглу, как сделал я, в качестве хранилища.

— Значит, это было укрытие?

— Несомненно, во времена набегов, да и в гражданские войны. Но основное назначение… как бы это сказать… Игла служила сейфом французских королей.

Удары все приближались, становились чаще. Как видно, Ганимар, пробив первую дверь, набросился на вторую.

Внезапно наступившую тишину сменили но-

вые удары, звучавшие совсем близко. Наверно, бьются в третью дверь. Теперь их оставалось всего две.

Взглянув в окно, Ботреле заметил кружившие вокруг Иглы лодки, а немного поодаль, подобно большой рыбе, плавал миноносец.

— Ну и грохот! — рассердился Люпен. — Невозможно говорить! Хочешь, поднимемся, осмотрим Иглу?

Они перешли на верхний этаж, в начале которого тоже была дверь. Люпен закрыл и ее.

— Моя картинная галерея.

На стенах были развешаны полотна самых знаменитых художников. Ботреле прочитал подписи: «Мадонна со святым агнцем» Рафаэля, «Портрет Лукреции Феды» Андреа дель Сарто, «Саломея» Тициана, «Мадонна со святыми» Боттичелли, картины Тинторетто, Карпаччо, Рембрандта, Веласкеса.

— Чудесные копии, — похвалил он.

Люпен удивленно воззрился на молодого человека:

— Что? Копии? В своем ли ты уме? Копии, дорогой мой, остались в Мадриде, во Флоренции, Венеции, в Мюнхене и Амстердаме!

— А это?

— Подлинники, собранные терпеливо всеми европейскими музеями, а я их честно заменил превосходно выполненными копиями.

— Но ведь не сегодня завтра…

— Не сегодня завтра хватятся их? Пожалуйста! На каждом из полотен с обратной стороны холста имеется моя подпись — пусть все узнают, что именно я дал стране подлинные шедевры. В конце концов я лишь повторил то, что сделал Наполеон в Италии… А вот, смотри-ка, Ботреле, четыре Рубенса графа де Жевра…

Из глубины Иглы удары шли теперь уже сплошной чередой.

— Это становится невыносимым! — заявил Люпен. — Поднимемся выше.

Еще одна лестница. Еще одна дверь.

— Зал гобеленов, — объявил Люпен.

Но гобелены не были развешаны на стенах. Они лежали скатанные, перевязанные веревками с номерами и перемежались рулонами старинных тканей. Их-то и развернул Люпен, и взору Ботреле предстали великолепная парча, восхитительный бархат, тонкие, пастельного цвета шелка, ризы, вышитые золотом и серебром…

Они все поднимались вверх, и Ботреле оказывался то на выставке часов и маятников, то

в библиотеке (о, чудеснейшие переплеты, бесценные редкие тома, единственные экземпляры книг, похищенные из крупнейших библиотек мира), то в зале кружев, то безделушек.

И с каждым разом комнаты становились все меньше и меньше. А звуки ударов отдалялись от них. Ганимар отстал.

— Последний, — предупредил Люпен. — Зал сокровищ.

Комната эта резко отличалась от остальных. Тоже округлой формы, но с очень высоким коническим потолком, она располагалась в самой верхней части Иглы, в каких-нибудь пятнадцати — двадцати метрах от вершины.

Со стороны скалы — глухая стена, но в части, обращенной к морю, куда не мог достать ничей любопытный взгляд, — два застекленных окна открывались навстречу солнечному свету. Под ногами — паркет из редких древесных пород с концентрическим рисунком. У стен — витрины, над ними — несколько картин.

— Здесь собраны жемчужины моей коллекции, — пояснил Люпен. — Все, что ты видел до сих пор, предназначалось на продажу. Одни предметы уходят, появляются другие. Такова жизнь. Тогда как в этой святая святых каждая вещь —

реликвия. Только самое избранное, ценнейшее, лучшее из лучших. Посмотри на эти вещи, Ботреле, тут и халдейские амулеты, и египетские колье, кельтские браслеты, арабские цепочки… Взгляни на эти статуэтки, Ботреле, на греческую Венеру, каринфского Аполлона. А вот и Танагра! Все подлинники собраны здесь. Нигде в мире не осталось от них ничего, кроме копий. Ах какое наслаждение сознавать это! Помнишь, на юге орудовала банда расхитителей церквей во главе с неким Томасом, кстати сказать, моим человеком, и вот здесь оказалась амбазакская церковная рака, настоящая, Ботреле! Помнишь, какой скандал вышел в Лувре, когда узнали, что одна из тиар — подделка, выполненная нашим современником, и, пожалуйста, полюбуйтесь: тиара Саитафарнеса, самая настоящая, Ботреле! Гляди, гляди хорошенько, Ботреле! А вот и жемчужина из жемчужин, высочайший шедевр, божественная Джоконда да Винчи, и она настоящая! На колени, Ботреле, пред тобой самая женственная из женщин!

Наступило долгое молчание. Удары, идущие снизу, все приближались. Лишь две или три двери отделяли их от Ганимара.

Под ними, в море, чернела спина миноносца,

сновали лодки. Молодой человек спросил:

— А где же все-таки сокровище?

— А, вот что ты хочешь узнать, малыш! Все эти шедевры, выполненные человеческими руками, тебя не интересуют? Их тебе мало, надо еще лицезреть сокровище? Ты такой же, как вся эта чернь! Ладно, гляди.

Он звонко топнул ногой, и один из кругов на паркете отскочил, распахнувшись, как крышка шкатулки, открывая нечто вроде круглого погреба, прорубленного в камне. Погреб был пуст. Отойдя на несколько шагов, Люпен снова топнул. Появился второй погреб, тоже пустой. И так он топал еще три раза. Все три открывшиеся погреба не содержали ничего.

— Ой-ой-ой, какое разочарование! — засмеялся Люпен. — При Людовике XI, Генрихе IV и Ришелье все эти пять погребов, наверное, были набиты до отказа. Но подумай сам, вот пришло время Людовика XIV, версальской глупости, время войн, великих крушений! Да вспомни Людовика XV, короля-мота, вспомни Помпадур, Дюбарри! Вот когда они высосали все до дна! Своими загребущими руками выскребли каждый угол. Видишь, ничего не осталось! — И хитро добавил: — Нет, Ботреле, кое-что осталось, есть и шестой тайник!

Неприкосновенный! Никто из них так и не осмелился разграбить и его. Последние запасы, ну, скажем, на черный день… Смотри.

Нагнувшись, он приподнял крышку. В погребе стоял железный сундучок. Люпен достал из кармана ключ с замысловатыми выемками и бороздками и вставил его в замок.

Сундук открылся. Вспыхнув огнем, засверкали драгоценные камни, переливаясь всеми цветами радуги. Лазурные сапфиры, горящие рубины, зеленые изумруды, солнечные топазы.

— Смотри, смотри, малыш Ботреле. Они зацапали все золотые монеты, все экю, и дукаты, и дублоны, но сундук с камнями остался цел! Обрати внимание на оправы. Здесь изделия всех времен, всех веков, всех народов. Приданое королев. Каждая внесла свою долю. Маргарита Шотландская и Шарлотта Савойская, Мария Английская и Екатерина Медичи, все австрийские эрцгерцогини, Элеонора, Елизавета, Мария-Терезия, Мария-Антуанетта… Посмотри, какие жемчуга, Ботреле! И бриллианты! Огромные бриллианты! Нет ни одного, который не был бы достоин императрицы! Не уступят и «Регенту Франции»! — Поднявшись, он клятвенно приложил руку к груди: — Ботреле, ты расскажешь

всему миру, что Люпен не взял ни камешка из королевской сокровищницы, ни единого камня, клянусь честью! Я просто не имел на это права. Сокровище принадлежит Франции…

Внизу бушевал Ганимар. По доносившемуся сюда эху ударов легко было определить, что там теперь воюют с предпоследней дверью, той, что вела в зал безделушек.

— Оставим сундук открытым, — предложил Люпен, — и погреба тоже, все эти пустые склепики…

Он обошел комнату кругом, в последний раз смотрел на витрины, любовался полотнами, а потом задумчиво произнес:

— Как грустно покидать все это! Какая тоска! Самые лучшие часы в моей жизни я провел здесь, один на один с вещами, которые любил… Глазам моим не суждено увидеть их вновь, и руки никогда не дотронутся до них.

На его огорченном лице читалась такая усталость, что Ботреле даже испытал нечто вроде жалости к этому человеку. Незаурядная личность, он острее других переживал боль разлуки, как, должно быть, и другие чувства, радость, унижение, тщеславие.

Люпен подошел к окну и, глядя в морские про-

сторы, сказал:

— Самое грустное — то, что мне придется покинуть и это. Ну разве не прекрасно? Безбрежное море… небо… Справа и слева скалы. Этрета с тремя воротами: Верхними, Нижними, Маннепортом… сколько триумфальных арок для победителя… А победителем был я! Король приключений! Владыка Полой иглы! Необычного, сверхъестественного королевства. От Цезаря к Люпену… Ах, какая судьба! — Он вдруг захохотал. — Сказочный король? Неправда. Скорее, король Ивето! Чепуха! Властелин Вселенной, вот так! С вершины Иглы я озирал весь мир! Держал его, как птичку, в своих когтях. Приподними тиару Саитафарнеса, Ботреле. Видишь, под ней целых два телефонных аппарата. Правый для связи с Парижем, особая линия. А левый, тоже на особой линии, связь с Лондоном. Через Лондон можно позвонить и в Америку, в Азию, в Австралию! А во всех этих странах, на этих континентах — прилавки, множество прилавков, торговые агенты, маклеры, осведомители. Международное предприятие! Огромный рынок произведений искусства, антиквариата, мировая ярмарка. О, Ботреле, иногда у меня даже кружится голова при мысли о той власти, которой я обладаю. Опьянен

силой и могуществом.

Рухнула нижняя дверь. Слышен был топот бегущих ног: Ганимар со своими людьми искал… А Люпен, помолчав, добавил:

— Ну вот, теперь все кончено. Появилась девочка со светлыми волосами, большими печальными глазами и честной, да, честной душой, и кончено… я сам разрушу все, построенное мной… все на свете кажется детским и абсурдным… лишь остались светлые волосы, ее печальные глаза… и честная душа.

Кто-то бежал по лестнице. Последняя дверь сотряслась от удара. Вдруг Люпен схватил юношу за руку.

— Понимаешь ли ты, Ботреле, почему я разрешил тебе сделать все, что ты сделал? Тогда как уж давно столько раз мог бы раздавить тебя, как мышь? Понимаешь ли ты, что тебе удалось самому добраться сюда? Знаешь, что я роздал всем своим людям их долю добычи, ведь ты сам видел, как они спускались ночью со скалы? Ты понимаешь, да? Игла — это приключение. Пока она моя, я — король приключений. Отнимите Иглу, и я расстанусь со всем своим прошлым, останется лишь будущее, в котором не придется больше краснеть под взглядом Раймонды, будущее…

Он сердито поглядел в сторону двери:

— Уймись же, Ганимар, дай закончить разговор!

Удары участились. Похоже было, дверью били в дверь. Стоя напротив Люпена, Ботреле, сгорая от любопытства, ожидал, как повернутся события, не догадываясь о намерениях противника. Он отдает Иглу, пусть, но почему же сдается сам? Что он задумал? Как рассчитывает ускользнуть от Ганимара? И, кроме того, где же Раймонда?

А тем временем Люпен мечтал:

— Честен… Арсен Люпен честен… не будет больше краж… жить как все… Почему бы и нет? Ничто не мешает мне добиться такого успеха… Да отвяжись ты, Ганимар! Невдомек тебе, трижды дураку, что я сейчас сказал исторические слова, а Ботреле внимал им, чтобы передать затем потомкам. — Он усмехнулся: — Напрасная трата времени. Никогда Ганимару не понять всей важности моей исторической речи.

И, взобравшись на скамеечку, красным мелом начертал на стене:

«Арсен Люпен завещает Франции все сокровища Полой иглы с единственным условием, что сокровища эти будут выставлены в музее Лувра в залах под названием „Залы Арсена Люпена“.

— Теперь, — заявил он, — моя совесть спокойна. Мы с Францией квиты.

Атакующие колотили в дверь кулаками. Отлетел кусок доски. В отверстие просунулась рука в поисках замка.

— Гром и молния! — вскричал Люпен. — Впервые в жизни Ганимар, возможно, дойдет до цели.

И, подбежав к двери, выдернул ключ.

— Вот так, дружище, а дверь-то крепкая… Так что мне некуда торопиться… Ботреле, прощай… И спасибо! Ведь ты мог бы создать мне дополнительные трудности… но ты же добрый малый!

И направился к большому триптиху Ван дер Вейдена, изображавшему волхвов. Люпен отвернул правую часть полотна и взялся за ручку оказавшейся под ним маленькой дверцы.

— Удачной охоты тебе, Ганимар, и всего наилучшего!

Раздался выстрел. Беглец отскочил назад.

— Ах, каналья, в самое сердце! Ты что, брал уроки стрельбы? Пропали волхвы! В яблочко, как в тире!

— Сдавайся, Люпен! — вопил Ганимар, просунув сквозь отверстие в двери револьвер. Глаза его из темноты так и сверкали. — Сдавайся, Люпен!

— Гвардейцы не сдаются!

— Одно движение, и я пристрелю тебя…

— Помилуй, разве оттуда сумеешь попасть?

И правда, Люпен отошел, и Ганимар, который через отверстие в пробитой двери мог стрелять лишь прямо вперед, никак не сумел бы выстрелить, а главное, прицелиться, в ту сторону, где тот стоял. Но и положение Люпена было не из приятных, так как выход, на который он так рассчитывал, маленькая дверь позади триптиха, находился как раз перед Ганимаром. Пытаться бежать значило бы попасть под огонь полицейского, а у того в обойме еще оставалось добрых пять пуль.

— Эх, черт, — засмеялся Люпен, — мои акции падают. Перестарался, дружище Люпен, пожелал сыграть свою роль до конца, вот и просчитался! Меньше надо было болтать.

Он вжался в стену. Под натиском нападавших отлетел еще один кусок двери, теперь Ганимару было удобнее целиться. Три метра, не больше, отделяли противников друг от друга. Однако Люпена все же загораживала позолоченная витрина.

— Ботреле! Скорей ко мне! — скрипя зубами от бешенства, прокричал полицейский. — Да

стреляй же в него, чего уставился!

Ботреле и впрямь не двигался, с интересом следя за сценой, однако не решаясь почему-то принять в ней участие.

Отчаянный призыв Ганимара вывел его из оцепенения. Рука нащупала рукоятку пистолета.

«Если я сейчас вмешаюсь, — подумал он, — Люпену конец… и поделом… мой долг — поступить так…»

Глаза их встретились. Во внимательном взгляде Люпена читалось спокойствие, даже любопытство, как будто и не помышляя о нависшей над ним смертельной опасности, он занят был лишь проблемами морального характера, возникшими перед молодым человеком. Решится ли Изидор помиловать поверженного врага? Дверь от удара почти раскололась надвое.

— Ко мне, Ботреле, ему крышка! — вопил Ганимар.

Изидор прицелился.

То, что произошло потом, он понял лишь значительно позже. А в тот миг Люпен, пригнувшись, промчался вдоль стены, коснулся двери ниже того места, куда напрасно целился Ганимар, и вдруг Ботреле почувствовал, что падает, затем взлетает вверх под действием неодолимой силы.

Люпен поднял юношу в воздух и, прикрываясь им, как живым щитом, прокричал:

— Десять против одного, что уйду от тебя, Ганимар! Ведь у Люпена всегда что-нибудь да есть в запасе!

Проворно отступил он к триптиху. Одной рукой прижимая к себе Ботреле, Люпен другой, свободной рукой освободил проход и тут же захлопнул за ними дверцу. Он был спасен… Прямо за дверью начиналась крутая лестница вниз.

— Вперед! — приказал Люпен, подталкивая Ботреле. — Сухопутные войска потерпели поражение… Настала очередь французского флота. После Ватерлоо Трафальгар… Получишь удовольствие на все свои деньги, малыш… Ой, как смешно, они ведь теперь колотят по триптиху… Поздно, поздно, ребята… Да иди же, Ботреле…

Лестница, прорубленная в самой оболочке Иглы, в ее коре, вилась спирально вокруг пирамиды.

Наступая друг другу на пятки, они перескакивали через две, а то и сразу через три ступеньки. То тут, то там попадались оконца, и тогда Ботреле мог заметить, как в нескольких десятках саженей плавали лодки и чернел миноносец.

Они все бежали и бежали вниз. Изидор молчал,

а Люпен все упражнялся в красноречии:

— Интересно знать, что сейчас делает Ганимар? Побежал по тем лестницам обратно, чтобы перекрыть вход в туннель? Нет, он не так глуп… Там он оставит человек четырех… да, четырех достаточно… — И вдруг остановился: — Слышишь? Сверху кричат… точно, открыли окно и призывают свой флот… Видишь, как всполошились на лодках? Посылают друг другу сигналы… и миноносец тоже зашевелился… Славный миноносец! Узнаю тебя, ты пришел из Гавра… Канониры, по местам! А вот и капитан. Привет, Дюгэ-Труэн!

Просунув руку в щель, он весело помахал платочком, а потом снова тронулся в путь.

— Вражеский флот заработал веслами. Все на абордаж! Ну и комедия!

Внизу послышались голоса. Они приближались к воде, у самой кромки которой взорам их открылся большой грот. В темноте мелькали лучи двух фонарей. Возникла какая-то тень, и в тот же миг женщина бросилась на шею Люпену.

— Скорей! Скорей! Как я волновалась! Что вы там делали так долго? Боже, вы не один?

— Со мной наш друг Ботреле, — успокоил ее Люпен. — Представь себе, наш милый дружок Ботреле был настолько любезен… ладно, потом

расскажу… сейчас нет времени… Шароле, ты здесь? Ага, отлично… А лодка?

— Лодка готова, — ответил Шароле.

— Запускай, — приказал Люпен.

Через мгновение послышался шум мотора, и Ботреле, чьи глаза мало-помалу привыкли к полутьме, стал различать, что они стояли на некой пристани, у самой воды, а прямо перед ними весело тарахтел катерок.

— Катер с мотором, — пояснил Люпен. — Ну что, удивляешься, старина Изидор? Ничего не понимаешь? Видишь, вода, морская вода, конечно, в часы прилива она и заполняет эту выемку, тут у меня на рейде, в укромном местечке, стоит кораблик.

— В укромном, однако, закрытом, — заметил Ботреле. — Никто сюда не войдет, но никто и не выйдет.

— Я, я выйду, — возразил Люпен. — И сейчас тебе это докажу.

И, подав сначала руку Раймонде, вернулся затем за Ботреле. Но тот не торопился вступать на борт.

— Боишься, что ли?

— Чего?

— Что нас потопит миноносец.

— Нет.

— А, значит, раздумываешь, не лучше ли остаться с Ганимаром, то есть с правосудием, обществом, моралью, вместо того чтобы следовать за Люпеном, олицетворяющим стыд, позор, бесчестье?

— Именно так.

— К сожалению, малыш, у тебя нет выбора. В данный момент мне нужно, чтобы все сочли нас обоих погибшими… и оставили меня в покое, необходимом для будущего честного человека. Потом я, конечно, выпущу тебя на свободу, и, если захочешь, сможешь все рассказать… мне это будет уже все равно.

По силе, с которой Люпен сжал его руку, Ботреле понял, что всякое сопротивление бесполезно. Да и к чему сопротивляться? Разве он не вправе поддаться симпатии, которую помимо воли испытывал к этому человеку? Чувство это настолько упрочилось, что он чуть было не сказал Люпену:

— Послушайте, вам угрожает худшая опасность: по вашим следам идет Шолмс…

Но прежде чем Ботреле успел решиться на эти слова, Люпен позвал:

— Идем.

И он покорно дал себя провести к судну, форма

которого была столь необычна, что от неожиданности молодой человек растерялся.

Ступив на палубу, они тут же спустились вниз по трапу, подвешенному к люку. Люк захлопнулся за ними. В конце трапа оказалось довольно тесное помещение, освещаемое одной лампой. Там уже сидела Раймонда. Потеснившись, все трое заняли свои места. Люпен снял со стены переговорную трубу и скомандовал:

— Вперед, Шароле!

Изидора не оставляло неприятное ощущение, которое испытываешь, спускаясь в лифте, такое чувство, будто под вами разверзлась земля, ощущение падения в пустоту. Однако на этот раз разверзалась водная толща, они медленно погружались в пустоту…

— Думаешь, тонем? — пошутил Люпен. — Не беспокойся… Мы лишь спускаемся из верхнего грота, откуда начали плавание, в меньший, в самом низу, наполовину выходящий в открытое море. Когда спадает прилив, туда можно войти, его знают все сборщики ракушек… Ага! Десятисекундная остановка! Поехали… здесь такой узкий проход… как раз для подводной лодки…

— Но ведь, — поинтересовался Ботреле, — как могло случиться, что местные жители, бываю-

щие в нижнем гроте, так и не узнали, что вверху его находится отверстие, открывающее проход в верхний грот, откуда начинается винтовая лестница вокруг Иглы? Любой человек без труда мог проникнуть в вашу тайну!

— Ошибаешься, Ботреле! Свод маленького, общеизвестного грота закрывается в часы отлива выдвижным потолком одного цвета со скалой. Во время прилива вода, поднимаясь, сама убирает потолок, возносит его наверх, а при отливе, спадая, отпускает на верхнюю часть грота. Вот почему, когда прилив, мне удается выплыть этим путем. Гениально, а? Это мой друг Биби придумал. Конечно, ни Цезарь, ни Людовик XVI — словом, никто из моих предшественников не мог пользоваться гротами, ведь у них не было подводной лодки… И поэтому все они были вынуждены довольствоваться лесенкой, что вела из большого грота в малый. Ну а я сломал ее и установил тут свой подвижный потолок. Теперь вот дарю его Франции. Раймонда, дорогая, погасите лампу, что около вас… она нам уже не понадобится… напротив…

И верно, при выходе из грота их встретил неяркий свет, казавшийся отражением самой воды. Он проникал внутрь кабины через два иллюми-

натора и большой стеклянный купол, выходящий на палубу, сквозь который легко можно было наблюдать за всем, что происходило в верхнем водном слое.

Вскоре над ними мелькнула какая-то тень.

— Наступление начинается. Вражеский флот окружает Иглу. Однако, хоть она и полая, интересно, как они собираются туда попасть? — Люпен приставил трубу ко рту: — Не подниматься на поверхность, Шароле. Куда мы идем? Но я же тебе говорил, в Порт-Люпен… и на полном ходу, слышишь? Чтобы причалить, нужно глубоководье… ведь с нами дама.

Они шли меж подводных скал. Вытянувшиеся вверх густые темные заросли водорослей, покоряясь глубоководному течению, грациозно покачивались, то распрямляясь, то вытягиваясь в сторону, подобно волосам на воде. Вот появилась еще одна тень, подлиннее…

— Миноносец, — объявил Люпен. — Сейчас подаст голос пушка. Что же замыслил Дюгэ-Труэн? Решил бомбардировать Иглу? Ах, Ботреле, как много мы потеряем, не увидев встречи Дюгэ-Труэна с Ганимаром! Слияния сухопутных и морских сил! Эй, Шароле! Ты что, уснул?

Между тем двигались они довольно быстро. Пе-

счаные пляжи сменились скалистой местностью, показались утесы, обозначавшие правую границу Этрета, за ними — Нижние Ворота. От носа лодки врассыпную бросались рыбы. Одна из них, посмелее, вплотную подплыла к иллюминатору и разглядывала людей большими неподвижными глазами.

— Вперед, в добрый час, — смеялся Люпен. — Ну, что скажешь о моей ореховой скорлупке? Ничего, а, Ботреле? Помнишь историю семерки червей[9], грустный конец инженера Лакомба? Я тогда покарал убийц и отдал государству документы и чертежи новой подводной лодки — очередной подарок Франции от Люпена. Так вот, там, среди чертежей, я нашел и этот подводный катерок и, конечно, оставил его себе, благодаря чему мы сегодня с тобой смогли совершить наше маленькое путешествие.

— Эй, всплывай, опасность миновала! — крикнул он Шароле.

Лодка быстро вынырнула на поверхность, из воды показался ее стеклянный купол. Беглецы оказались теперь в миле от берега, вне пределов видимости, и Ботреле мог сам убедиться, с какой

---

[9] notes: 9
«Арсен Люпен — джентльмен-взломщик», «Семерка червей».

головокружительной быстротой продвигались они вперед.

Вот проскочили Фекан, а за ним и все остальные нормандские пляжи: Сен-Пьер, Птит-Даль, Велет, Сен-Валери, Вель и Кибервиль.

Люпен все шутил, а Ботреле без устали смотрел и слушал, полностью подпав под очарование его остроумия, жизнерадостности, ироничной беззаботности, забавного ребячества.

Молодой человек наблюдал и за Раймондой. Та все хранила молчание, прижавшись к своему кумиру. Она взяла руки Люпена в свои и время от времени поднимала на него взгляд, полный обожания. Но в пальцах молодой женщины Ботреле заметил легкую дрожь, а в глазах ее все росла какая-то грусть. И это было как печальный немой ответ на все выходки Люпена. Словно его сарказм, легкие, беззаботные речи болью отдавались в ее сердце.

— Замолчи, — шепнула она, — смеяться сейчас значит бросать вызов судьбе. Сколько еще ждет нас несчастий!

У самого Дьепа пришлось снова погрузиться, чтобы пройти незамеченными мимо рыбацких судов. И спустя двадцать минут, подойдя к берегу, их лодка вошла в маленький порт во впадине

меж скал, вынырнула на поверхность и наконец причалила к молу.

— Порт-Люпен, — объявил Арсен.

— Место это, оказавшееся в пяти лье от Дьепа и в трех лье от Трепора, справа и слева прикрытое обрушившимися со скалы камнями, было пустынно. Маленький пляж покрывал желтый ковер мелкого песка.

— На берег, Ботреле… Раймонда, твою руку… Шароле, плыви обратно к Игле взглянуть, что там происходит у Ганимара с Дюгэ-Труэном. К вечеру вернешься, расскажешь. Хочу знать, чем все это кончится.

Ботреле очень любопытно было узнать, каким образом он собирается выбраться из своей замурованной валунами бухточки, именовавшейся Порт-Люпен, однако тут на глаза ему попалась металлическая лестница, приставленная к утесу.

— Изидор, — сказал Люпен, — если ты хорошо знаешь географию и историю своей страны, то поймешь, что мы находимся в Парфонвальском ущелье, в коммуне Бивиль. Больше ста лет назад, 23 августа 1803 года, здесь, во Франции, высадился Жорж Кадудаль с шестью сообщниками, собиравшийся выкрасть первого консула, Бонапарта. Они поднялись наверх по дороге, которую

я сейчас тебе покажу. Позднее обвалы разрушили эту дорогу, но Вальмера, известный под именем Арсен Люпен, на свои деньги ее восстановил. Он же приобрел ферму Невийет, где заговорщики провели первую ночь и где, удалившись от дел, безразличный ко всему происходящему в мире, отныне вместе с матерью и женой он и будет проживать, как всякий уважающий себя помещик. Джентльмен-взломщик умер — да здравствует джентльмен-фермер!

Вверху железной лестницы начиналось узкое место — намытый дождевыми водами крутой овражек, из глубины которого выступали ступени с перилами по бокам. Перила, как объяснил Люпен, были тут сделаны вместо длинного каната, прикрепленного сверху к сваям, по которому некогда местные жители спускались к взморью. Еще полчаса подъема, и наконец они вышли на плато, расположенное неподалеку от землянок, где обычно скрываются таможенники. И верно, за поворотом тропинки ждал их инспектор таможенной охраны.

— Ничего нового, Гомель? — обратился к нему Люпен.

— Ничего, шеф.

— Ничего подозрительного?

— Нет, шеф, но…

— Что такое?

— Моя жена… она служит швеей в Невийет…

— Знаю, Сезарина. Ну что?

— Говорит, с утра по деревне болтался какой-то матрос.

— Как он выглядел, этот матрос?

— Похож на англичанина.

— Ага! — встревожился Люпен. — Ты велел Сезарине…

— Смотреть в оба, конечно, шеф.

— Хорошо, жди здесь Шароле, он появится часа четыре два-три. Если что-то произойдет, я на ферме.

Когда они пошли дальше, Люпен поделился с Ботреле своими опасениями:

— Неприятно… Может, это Шолмс? Ох, если все же он, да к тому же разозленный, то можно ожидать самого худшего. — И, помолчав с минуту: — Все думаю, не лучше ли повернуть назад?.. Да, какое-то тревожное предчувствие.

Пред ними расстилались бескрайние холмистые равнины. Впереди слева чудесные аллеи вели к высившейся поодаль ферме Невийет. Он сам избрал себе этот приют, обещанное Раймонде место отдохновения. Так стоит ли лишь из-за

одних каких-то смутных предчувствий отказываться от счастья в тот самый миг, когда цель уже рядом?

Взяв Изидора под руку, Люпен указал на Раймонду, идущую впереди:

— Взгляни, как покачивается талия при ходьбе, глядя на нее, я просто весь дрожу. Все в этой женщине приводит меня в трепет, заставляет умирать от любви: и походка, жесты, звук ее голоса, и даже молчание, неподвижность. От одной мысли, что я иду вслед за ней, я уже счастлив. Ах, Ботреле, удастся ли ей когда-нибудь забыть, что я был Люпеном? Смогу ли стереть из ее памяти все столь ненавистное Раймонде прошлое? — И вновь, обретя уверенность в себе, он упрямо твердил: — Забудет! Забудет, потому что я пошел ради нее на все! Пожертвовал верным убежищем, Полой иглой, отдал сокровища, власть, поступился гордостью. Все хотел бросить к ее ногам… Мне ничего больше не нужно… Хочу стать лишь… человеком… который любит… честным, потому что только честного она в силах полюбить… Ну и что с того, стану честным! Ничего, переживу, в конце концов это не так уж и стыдно!

Шутка вырвалась у него словно помимо воли, тон оставался серьезным и даже строгим.

Голосом, в котором чувствовалось глубокое внутреннее волнение, Люпен произнес:

— Знаешь, Ботреле, ни одна из радостей моей безумной жизни не сравнится со счастьем читать в ее взгляде одобрение, нежность… Я тогда чувствую себя таким слабым… что даже плакать хочется…

Прослезился ли он? Ботреле казалось, что глаза великого искателя приключений наполнились слезами. О чудо, слезы в голосе Люпена, слезы любви!

Они подошли к калитке, ведущей на ферму. На мгновение Люпен замер на месте, прошептав:

— Отчего этот страх? Будто что-то давит… Разве с Полой иглой не покончено? А может быть, мое решение неугодно судьбе?

Раймонда обернулась к ним в испуге:

— Вот бежит Сезарина…

Действительно, в их сторону от фермы спешила жена таможенника. Люпен бросился ей навстречу:

— Что такое? В чем дело? Говорите же!

Запыхавшись, та пролепетала:

— Там человек… в гостиной…

— Англичанин, которого вы видели утром?

— Да, но теперь он одет по-другому.

— Он вас заметил?

— Нет. Но он разговаривал с вашей матерью. Мадам Вальмера застала его там.

— Что он сказал?

— Что ищет Луи Вальмера, что он ваш друг.

— А она?

— Мадам ответила, что сын уехал путешествовать… надолго… на несколько лет…

— Так он ушел?

— Нет. Стал махать кому-то из окна, что выходит на равнину… как будто звал кого-то.

Люпен колебался. Раздался пронзительный крик.

— Твоя мать… Это ее голос, — простонала Раймонда.

Он кинулся к ней, увлекая ее в порыве внезапно нахлынувшей любви:

— Скорее… бежать… главное, спасти тебя…

Но вдруг остановился в растерянности, объятый страданием:

— Нет, не могу… это ужасно… Прости, Раймонда… бедная женщина… там… одна… Побудь здесь… Ботреле, останься с ней.

И бросился вдоль каменной изгороди, огибавшей ферму, к заборчику, отделявшему постройки от равнины. Раймонда же, вырвавшись от Ботре-

ле, побежала за ним и вскоре оказалась тоже у забора. А сам Ботреле, укрывшись за деревьями, стал наблюдать. Вот на пустынной аллее, что вела от фермы к забору, показались трое мужчин. Первый, самый высокий, шагал впереди, а двое других тащили под руки вырывавшуюся женщину, испускавшую пронзительные крики.

Наступали сумерки, однако Ботреле узнал все же в высоком мужчине Херлока Шолмса. Женщина была немолода. Под растрепанными седыми волосами виднелось бледное лицо. Все четверо приближались к забору. Вот Шолмс открыл калитку. И в тот же миг перед ним возник Люпен.

Появление его было настолько неожиданным, что никто не проронил ни слова. В некоем торжественном молчании двое врагов мерили друг друга взглядом. Лица обоих пылали ненавистью. Никто не двигался с места.

С ужасающим спокойствием Люпен произнес:

— Прикажи своим людям отпустить эту женщину.

— Нет!

Можно было подумать, что ни тот, ни другой не решаются завязать смертельное сражение, оба как бы собирались с силами для последнего боя. Прочь ненужные слова, вызывающие насмешки.

Лишь тишина, мертвая тишина.

Обезумев от волнения, Раймонда с нетерпением ожидала конца поединка. Ботреле теперь держал ее за руки, заставляя стоять на месте. Минуту спустя Люпен повторил:

— Прикажи своим людям отпустить эту женщину.

— Нет!

Люпен начал было:

— Послушай, Шолмс…

Но осекся, осознав всю бесполезность разговоров. Чего могли стоить его угрозы перед лицом этого столпа воли и спеси, зовущегося Шолмсом?

Готовый на все, он тогда схватился было за пистолет. Но англичанин, оказавшись проворнее, подскочил к пленнице и приставил к ее виску дуло револьвера.

— Одно движение, Люпен, и я стреляю!

Оба его приспешника, также вооружившись пистолетами, наставили их на Люпена. Тот весь напрягся, усилием воли подавляя подступившее бешенство, и, засунув руки в карманы, бесстрашно глядя на соперников, проговорил:

— Шолмс, в третий раз говорю, отпусти эту женщину.

Англичанин хохотнул:

— Что, уж и тронуть нельзя? Хватит, довольно точек! Ты такой же Вальмера, как и Люпен, ты украл это имя, как раньше украл имя Шармерас. А та, которую выдаешь за свою мать, на самом деле Виктория, твоя сообщница, нянька…

И тут Шолмс допустил промах. Охваченный жаждой мести, он взглянул на Раймонду, потрясенную его словами. Люпен, воспользовавшийся моментом, быстро выстрелил.

— Проклятье! — прорычал Шолмс. Его простреленная рука упала как плеть.

Он заорал своим людям:

— Эй вы, стреляйте же! Стреляйте!

Но Люпен был уже возле них, и не прошло и двух секунд, как тот, что стоял справа, с переломанными ребрами валялся уже в пыли, а второй, обхватив разбитую челюсть, скатился к забору.

— Давай, Виктория, свяжи их… Ну теперь, англичанин, мы с тобой один на один. — И вдруг пригнулся, выругавшись: — Ах, каналья!

Шолмс, левой рукой подобрав оружие, уже целился в него.

Выстрел… Отчаянный крик… Между двумя противниками лицом к Шолмсу возникла Раймонда. Вот она покачнулась, поднесла руку к груди, снова выпрямилась и, повернувшись к Люпену,

рухнула у его ног.

— Раймонда!.. Раймонда!..

Люпен кинулся к ней, прижал к груди:

— Умерла…

Наступило какое-то замешательство. Казалось, Шолмс сам был в растерянности от того, что наделал. Виктория причитала:

— Мой мальчик, мой мальчик…

Ботреле, в свою очередь, склонился над телом девушки. Люпен же все повторял: «Умерла… умерла…», как бы не отдавая отчета в своих словах.

Но вдруг черты лица его исказились страданием, и, охваченный каким-то безумством, он стал сжимать исступленно кулаки, весь дрожа, как ребенок от боли.

— Подонок! — в приступе ненависти закричал Люпен. И, одним ударом повалив Шолмса наземь, вцепился ему в горло, ногтями раздирая кожу. Англичанин захрипел. Он даже не сопротивлялся.

— Мой мальчик, мой мальчик, — взмолилась Виктория.

Ботреле кинулся разнимать, но Люпен уже разжал хватку и теперь рыдал возле поверженного врага.

О, жалкое зрелище! Никогда не забыть Ботреле того глубокого отчаяния. Как никто другой, зная

о всей силе любви Люпена к Раймонде, обо всем том, что убил в себе великий искатель приключений ради одной лишь улыбки на лице своей возлюбленной, молодой человек искренне сочувствовал ему.

Ночь понемногу опускала свой темный покров на поле сражения. В высокой траве ничком лежали трое связанных англичан с завязанными ртами. Вдруг издалека, с равнины, в тишине зазвучали простые деревенские песни. Это возвращались с работы жители Невийет.

Люпен поднялся. Долго вслушивался он в однообразное, заунывное пение. Потом взглянул на ферму, свой счастливый приют, где так хотел спокойно коротать свои дни подле Раймонды. И перевел глаза на нее саму, несчастную возлюбленную, погибшую от любви, что уснула у его ног вечным сном. Крестьяне подходили ближе. Люпен нагнулся и, обхватив сильными руками тело возлюбленной, одним движением, присев, взвалил его себе на спину.

— Пошли, Виктория.

— Пошли, мой мальчик.

— Прощай, Ботреле, — сказал он.

И, сгибаясь под тяжестью своей драгоценной, тяжкой ноши, вместе с шагавшей за ним по пятам

старой служанкой он в грозном молчании двинулся к морю и вскоре скрылся в густой темноте.